

Б.В.Алексеев

РЕГИОНАЛИЗМ в России

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ**

В.В.Алексеев

РЕГИОНАЛИЗМ В РОССИИ

**Екатеринбург
1999**

- Алексеев В.В.**
- A47 Регионализм в России. Екатеринбург: УрО РАН, УрГИ. – 1999. – 194 с.
ISBN 5-7691-0935-1

Книга посвящена сложному комплексу региональных проблем России, обосновывается необходимость формирования специального научного направления – исторической регионалистики. В ней представлен обширный спектр теоретических, конкретно-исторических, политологических, культурологических, демографических вопросов регионального развития страны. Она рассчитана на широкий круг читателей: на научных сотрудников, работников органов власти и управления, преподавателей вузов, студентов, всех кому дороги интересы отечества в трудную для него годину.

Alekseyev V.V.
Regionalism in Russia. Yekaterinburg: Ural Branch of Russia
Academy of Sciences, Ural Institute of Humanities. 1999. 194 p.

The book is dedicated to intricate complex of Russia's regional problems and derives from the need to shape a special scientific line – historical regionalistics. The publication represents a wide variety of questions dealing with theory, history, political science, cultural studies and demography specific for the regional development of the country. The book is addressed to a general public: scientists, administrators, lecturers and students – to all those who cares about interests of our homeland surviving the time of troubles.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 99-01-00106)

ISBN 5-7691-0935-1

A 30(99) **БО**
8П6(03)1998

© В.В.Алексеев, 1999.

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель! Перед тобой своеобразная книга. Это научные доклады, статьи, исторические очерки автора за последнее десятилетие, посвященные великой трагедии отечества. Многие читали о развале могущественных империй: Римской, Османской, Австро-Венгерской, Британской, но разве кто-нибудь из нас думал, что окажется современником и свидетелем распада собственной страны, в которой родился и вырос. К этому относятся по-разному, но нельзя быть равнодушным к историческому повороту, который круто изменил судьбу Родины и вероятно окажет заметное влияние на мир третьего тысячелетия.

Столь эпохальное событие пока не нашло должной интерпретации в литературе. На это не претендует и наша публикация. Она складывалась по мере назревания тех или иных явлений на поприще регионального развития или получения заявок на их освещение, прежде всего со стороны зарубежных организаций. Поэтому статьи носят иногда поспешный, но завершенный характер с некоторым повтором в доказательствах и мало связаны между собой, но нам кажется, что они дают относительно цельное представление о нарастании региональных проблем сначала в СССР, а потом и в России, ее отдельных частях, главным образом восточных, которые до недавнего времени считались вполне благополучными. Не все написанное публиковалось сразу, поскольку не всегда отвечало официальной трактовке событий, в связи с чем ряд материалов получил апробацию сначала за рубежом, а некоторые увидели свет впервые. Теперь они собраны воедино и дают возможность проследить многие грани сложнейшего явления современности — регионализма, его корней, форм проявления на российской почве и вероятных последствий.

Зainteresованный читатель найдет в книге постановку теоретических, конкретно-исторических, политологических, культурологических, экономических, демографических и этнографических проблем, комплексный подход к их решению. Правда, это не означает получения истины в последней инстанции или вполне завершенной картины того или иного процесса. Скорее наоборот — написанное будет мысль, подталкивает к более углубленной проработке поставленных проблем, которые только еще набирают силу. Если это случится, то мы будем считать свою задачу выполненной.

**В.Алексеев,
академик**

ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ПРЕДМЕТ И МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ

В современном мире с нарастающей быстротой обостряются региональные проблемы. С одной стороны, это следствие научно-технической революции, которая активно стирает различия между развитыми и неразвитыми районами, предъявляя к ним качественно новые требования, особенно в области источников сырья и энергии, средств коммуникации. А с другой стороны — результат нарушения стратегического равновесия между колониями и метрополиями, между социалистическим и капиталистическим миром. Нарастающие противоречия идут по линии восток-запад, север-юг, центр-периферия и т.д.

Общемировые тенденции с разной степенью интенсивности проявляются в отдельно взятых странах. Огромные масштабы территории, природно-климатическое, экономическое, национальное и конфессиональное разнообразие Советского Союза как ни в каком другом государстве на первый план выдвигают региональные проблемы. Они существовали всегда, но особую остроту приобрели в условиях перестройки, потому что, во-первых, не были до конца разрешены в ходе революции 1917 г.; во-вторых, усугублены последующими ошибками командно-административной системы, которая в эйфории тотальной унификации за макроуровнем общегосударственных проблем потеряла микроуровень региональных различий, в-третьих, кризисные явления, захлестнувшие всю страну в целом, осложняются специфическими трудностями развития её окраин. Все это вместе взятое превратило региональные проблемы из разряда второстепенных в первостепенные, угрожая территориальной целостности государства, его стабильности.

В советской историографии региональные проблемы до недавнего времени рассматривались преимущественно в трёх ракурсах: экономическом, национальном и краеведческом, с чем никак нельзя согласиться. Вряд ли среднеазиатские и казахские проблемы только национальные. События в Алма-Ате, Новой Узене, в Ошской области нельзя видеть в одном измерении — национальном или со-

циальном. Они представляют собой тугой узел разнообразных проблем, однако у них есть общее свойство — неотложность механизма взаимодействия центра и периферии, государства в целом и его составляющих частей. Поэтому изучение региональных проблем вышло в современных условиях на передний край гуманитарных исследований. *Перед исторической наукой встала неотложная задача глубокого осмыслиения корней вышеназванных кризисных явлений, обобщения позитивного и негативного опыта регионального развития, создания нового научного направления — исторической регионалистики.*

На заре советской власти была провозглашена прогрессивная идея рационального размещения производительных сил, но наши экономисты не сумели достаточно четко ее конкретизировать, а самое главное, оптимально применить к условиям многонационального государства, раскинувшегося на огромной территории. Экономическая целесообразность уперлась в догматические политические стереотипы. В угоду им отвергался как отечественный, так и мировой опыт. В середине 20-х гг. в Советском Союзе были переизданы и получили высокую оценку труды крупного немецкого ученого в области размещения производительных сил А. Вебера¹, но потом их огульно раскритиковали как антимарксистские, хотя, с нашей точки зрения, они представляют несомненный интерес и сегодня, особенно в плане учета транспортной составляющей, что имеет принципиальное значение в условиях беспрецедентной пропространственной разобщенности экономических районов СССР.

Советская практика регионального развития недооценивала реальные достижения в этой области западных стран, в частности, США. В 30-е гг. там была выдвинута широкомасштабная программа социально-экономических преобразований в долине р. Теннеси. Созданная поначалу для контроля над наводнениями и решения энергетических проблем она впоследствии превратилась в многофункциональную модель регионального развития для многих стран мира². Отличительными особенностями программы были, с одной стороны, сочетание общегосударственных, местных и частных интересов, а, с другой стороны, прочная увязка производственных, социальных и экологических целей³.

На аналогичных принципах строилась другая американская программа — Аппалачская, которая начала осуществляться с сере-

дины 60-х гг. и ставила целью вывод из депрессивного состояния одного из важнейших промышленных районов США⁴. Ситуация в Аппалачах сильно напоминала нынешнее положение советского Урала. Общее состоит в том, что эти районы ранее вносили повышенный вклад в национальный бюджет, который перераспределялся в пользу других, менее развитых в промышленном отношении. Старые индустриальные центры оказались запущенными не только в экономическом, но и социальном, экологическом отношениях. Они представляют потенциальный источник замедления общих темпов развития экономики страны и социального напряжения в обществе. Суть антидепрессионных мероприятий сводится к гибким формам сочетания централизованного и местного руководства с прямым бюджетным финансированием и отраслевой разбивкой, созданию четкой юридической основы регионального регулирования и стимулирования капитальных вложений.

Значительный интерес для советского регионального развития представляет концепция «полюсов роста», выдвинутая французским ученым Ф.Перроуксом и развитая его последователями В.Изардом, Г.Мирдалом, А.Хирсманом, Д.Фридманом, В.Алонсо, Г.Ричардсоном, Н.Ханзеном. Она рассчитана на то, что ключевые центры роста «вытянут» ближайшие к ним периферийные территории⁵. Такая попытка сделать взаимодополняемыми регионы Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии была сделана в нашей стране на рубеже 70–80-х гг. XX в., но оказалась нереализованной. Эти регионы вместо объединения в рамках единого хозяйственного комплекса по-прежнему развиваются в русле изолированных экономических зависимостей от центра и, судя по нынешним тенденциям, такое «разбегание» даже усиливается. Между тем, на базе рыночных отношений у них есть благоприятные естественные интенции к экономической интеграции. Тем более, что такие структурно «стареющие» районы как Урал накладывают тяжелое бремя на центральный бюджет, который и без того находится в чрезвычайно трудном положении. Региональный хозрасчет для него, в отличие от районов, специализирующихся на производстве товаров народного потребления и обеспечивающих «изголодавшийся» рынок, чреват тяжелыми осложнениями. Поэтому взаимное тяготение полюсов мощного индустриального роста и крупного сельскохо-

зяйственного производства, товаров народного потребления взаимовыгодно в перспективе.

Самый современный подход Японии к региональному развитию получил название Технополис план. Он предусматривает сотрудничество частных предприятий, правительства и университетов в создании промышленных комплексов с высокой технологией в относительно небольших городах отсталых районов страны. Они располагаются вдали от перенаселенной оси Токио—Нагоя—Осака и должны быть хорошо доступны с точки зрения транспортных и коммуникационных сооружений университетам и научным институтам с современным научно-исследовательским и инженерным оборудованием и иметь привлекательные условия для менеджеров, ученых и инженеров, на которых опирается промышленность с высокой технологией. План основывается на растущем стремлении японцев избежать давления, оказываемого условиями жизни в большом городе и наличии неиспользуемой инициативы и энергии небольших центров. Он предусматривает широкий круг стимулов, которые позволяют предприятию из крупного центра перебраться в меньший⁶.

Конечно, определенный опыт регионального развития имеется и в Советском Союзе. Прежде всего необходимо вспомнить, что лейтмотивом советской региональной политики долгое время был тезис о выравнивании уровней экономического развития различных регионов, подтягивания отстающих до уровня передовых, переходе ранее отсталых народов к социализму, минуя капитализм, в чем достигнуты известные успехи. В 30-е и 60–80-е гг. осуществлен ряд крупных программ национального значения: Урало-Кузнецкая, Ангаро-Енисейская, Западно-Сибирская (нефтегазовая), Байкало-Амурская и др., которые поставили на службу государству огромные природные ресурсы восточных районов, резко увеличили производство отдельных видов промышленной продукции, расширили экспортные возможности страны. Однако такие успехи не уменьшили, а скорее увеличили количество проблем, потому что в условиях командно-административной системы окраины государства превратились в сырьевые придатки центра, стали орудием удовлетворения имперских амбиций во внутренней и внешней политике, что обострило национальную, социальную, демографическую и экологическую напряженность на их территориях.

Подъем экономики и культуры в ранее отсталых регионах, упрочение позиций их правящей и интеллектуальной элиты привели к возрождению и обострению чувства национального достоинства, которое нередко попиралось под видом борьбы с национализмом, что вкупе с более низким уровнем жизни, чем в центральных районах, порождало обострение социально-политической обстановки во многих национальных образованиях на окраинах государства.

Серьезное дестабилизирующее значение имел разрыв интересов территорий и ведомств. Центральные министерства старались как можно быстрее и дешевле получить сырье, особенно из восточных районов, мало заботились о развитии их социально-бытовой инфраструктуры, а местные советы не имели рычагов противодействия этому. Так происходило потому, что не был создан правовой механизм взаимодействия центра и периферии, центральных министерств и местных органов власти.

В условиях тоталитарного режима окраины государства, особенно восточные, превратились в вотчины ГУЛАГа со всеми вытекающими отсюда политическими, социально-экономическими, демографическими и морально-нравственными следствиями. В 1930–1931 гг. лишь с Украины в так называемую «кулацкую ссылку» на Урал было отправлено 32,1 тыс. семей, в Западную Сибирь – 6,5 тыс., Восточную Сибирь – 5 тыс. Тогда же в Казахстан прибыло 6,7 тыс. ссылнопоселенцев. По состоянию на 1 июля 1938 г. в Свердловской области значилось 171,8 тыс. трудпоселенцев, в Иркутской – 32,2 тыс., в Карагандинской – 91,2 тыс., в Южном Казахстане – 34,4 тыс. На 1 января 1953 г. из 2,7 млн спецпереселенцев в Казахской ССР проживало 988,3 тыс. человек, Красноярском крае – 151,5 тыс., Алтайском крае – 138,5 тыс.⁷ На Колыме количество заключенных за 1932–1939 гг. выросло с 10 до 117 тыс. человек, а на 1 января 1942 г. составило 148 тыс. человек. К концу Отечественной войны контингент заметно сократился – до 90 тыс. человек. По отчету Дальстроя НКВД СССР, на 1 января 1953 г. в исправительно-трудовых лагерях региона снова оказалось 145 тыс. человек⁸.

Число подобных примеров можно умножать, но это не приблизит к решению региональных проблем. Предстоит научиться извлекать из них необходимые уроки, потребные для ныне живущих поколений. А для этого необходимо четко обозначить предмет исследования, разработать методологию и методику его изучения.

Предметом изучения исторического опыта регионального развития, с нашей точки зрения, является диалектическое единство социально-экономических, политических, национальных, демографических, духовных и экологических факторов развития конкретного региона в долговременной исторической динамике такой продолжительности, которая позволяет обнаружить корни наиболее острых проблем современности. При этом изучаются не внешнесобытийные, а глубинные причинно-следственные связи, и не с идеологического-просветительских, а с объективно-прагматических позиций, с целью извлечения практически значимых уроков для сферы социального управления наших дней. Такой подход требует интеграции широкого спектра гуманистических наук, поскольку одной отдельно взятой области знания не под силу вскрыть многообразие, а самое главное взаимосвязь региональных проблем, увидеть в них общегосударственные, формационные или цивилизационные закономерности и местные, временные особенности.

Сам исторический опыт не стоит отождествлять с тривиальным историческим знанием. Имея единое объективное основание в реальном историческом процессе, эти категории предполагают разные целевые подходы к его осмыслинию и, соответственно, различные результаты исследования. Исторический опыт надо рассматривать как часть исторического знания, ретроспективную сценку прошлого в его отношении к последующему развитию и итогам этого развития с позиций современной социальной практики.

Предлагаемый подход позволяет осмыслить историческую ситуацию не просто как данность, а как сложную вероятностную взаимосвязь между возможностью и действительностью, то есть объективно заложенные в историческом процессе альтернативные варианты общественного развития. Принципиально важно оценить, какие альтернативы прошлого развития отмерли, а какие могут пробить себе дорогу в будущем. Яркий пример тому — проблема рынка в Советском Союзе.

Исторический опыт может выполнять прогностическую функцию при условии правильного понимания взаимосвязи между прошлым, настоящим и будущим. Хорошо известно, что в общественном прогрессе всегда содержатся остатки прошлого, развиваю-

щееся настоящее и зачатки будущего. Весь вопрос в том, как оценить, насколько долго остатки прошлого будут тормозить развитие настоящего, какие зачатки будущего и с какой интенсивностью пробьют дорогу в грядущее. Кстати, сам процесс не стоит представлять однолинейно. Исторический опыт показывает, что он часто идет зигзагообразно. В условиях общего кризиса нашего общества, особенно экологического, важно посмотреть на то или иное явление не только с позиций бесконечного прогресса, а и с не менее бесконечной приспособляемости к экстремальным условиям существования. Уникальную возможность для этого представляют северные регионы с их приполярной цивилизацией, имеющей много общего в разных районах мира. Вообще, сравнительно исторический метод не заменим при осмыслиении исторического опыта.

Его изучение требует системного подхода, что предполагает **решение следующих познавательных задач:** выявление внутриполитических потребностей развития региона, характеристику процесса осознания этих потребностей, выбора целей, средств и способов их достижения, исследования главных направлений деятельности по развитию региона и оценку ее результатов. Предметом анализа является социальная деятельность, социальная практика по развитию региона, что, в частности, предполагает соотнесение целей и результатов деятельности, оптимальности конкретного выбора целей развития и средств их реализации, а также степени их адекватности назревшим общественным потребностям. Осмысление такого параллелограмма сил позволит понять многие подспудные причины сегодняшних трудностей и наметить пути их преодоления. Опыт показывает, что текущая политическая практика как правило принимает во внимание лишь те процессы, которые доступны визуальному наблюдению без достаточно глубокой проработки их исторических корней. Между тем, эти корни как раз и являются камнем преткновения для многих политиков.

Важнейшей отправной методологической посылкой в решении вышеназванных задач мы считаем культурологический фактор, который при всей внешней декларативности долгое время должным образом не учитывался как в научных разработках, так и в повседневной политической практике. Когда много говорится и пишется об эскалации отчуждения народа от принятия политических решений, от собственности на природные ресурсы, от производственно-

экономических результатов своего труда, то как-то не акцентируется внимание на то, что произошло отчуждение от исторических, народно-традиционных и природных источников жизнедеятельности культуротворящей энергии этносов.

Для решения региональных проблем необходима интеграция уже имеющихся и новых гуманитарных, культурологических инициатив. Продуктивность такого подхода подтверждает мировой опыт разрешения острейших кризисов текущего столетия. *Только активизация культурологического фактора позволит избежать разрушительных последствий и с минимальными издержками выйти из кризисной ситуации.* Это означает опору на жизнеутверждающий процесс непрерывной трансляции и обогащения культурных ценностей в политической, экономической, национально-этнической, популяционно-демографической, экологической, научно-образовательной и государственно-правовой сферах жизнедеятельности.

Таким образом, предлагаемая нами парадигма исследования проблем регионального развития исходит из необходимости преодоления отчужденности историков от запросов современной социальной практики и предусматривает научно-практический, а не пропагандистский подход к его изучению. Такой подход к обобщению исторического опыта полезен для ответа на жгущие вопросы наших дней. Он поднимет престиж исторической науки, изрядно подорванный идеологическими стереотипами.

Примечания

1. Вебер А. Теория размещения промышленности. – М.-Л., 1926.
2. Regional Economic Development. Essays in honour of Francois Perroux. London, Sydney, Wellington. 1988. P.6.
3. Ibid.
4. Ibid.
5. Op. cit., p.7.
6. Op. cit., p.8.
- 7 ЦГАОР. Коллекция документов.
8. Алексеев В.В. Освоение Сибири: исторический опыт и современность. Материалы к X Международному конгрессу экономической истории. – Свердловск, 1990. – С.30.

Статья написана в 1990 г., но публикуется впервые

СОВЕТСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

К концу второго тысячелетия как никогда ранее в мировой истории в тугой узел переплелись общечеловеческие и узко региональные проблемы, что объясняется, с одной стороны, выходом на принципиально новый уровень развития средств коммуникации, а с другой стороны, резким ростом потребления природных ресурсов и их истощением в традиционных местах потребления. Это интенсифицировало освоение ранее труднодоступных районов, особенно восточных и северных, располагающих широким спектром полезных ископаемых. На них легла столь сильная нагрузка, которую с трудом выдерживает не только легкоранимая природа, но и экономика развитых государств, сама человеческая популяция.

Волна регионализма прокатившаяся по казалось бы благополучным странам, достигла Советского Союза. Не надо думать, что он застрахован от нового течения, поскольку оно синтезировало в себе не только национальные, но и экономические, культурологические, социальные, правовые вопросы, которых немало накопилось в нашей стране как с имперских, тоталитарных времен, так и перестроенных. Региональные проблемы превращаются из разряда второстепенных в первостепенные, угрожая территориальной целостности государства и благополучию его граждан.

Изучение данной проблематики требует системного подхода, но сегодня на передний край в России выходит политический фактор регионального развития. В наследство Советам от царизма досталась огромная империя со всеми ее экономическими, социальными и национальными противоречиями, которые решались на путях внутренней и внешней политики. С первых лет Советской власти лейтмотивом внутренней политики государства был тезис о выравнивании уровней экономического развития различных регионов, подтягивания отстающих до передовых, переходе ранее отсталых народов к социализму, минуя капитализм. В этом были достигнуты определенные успехи.

Однако такие успехи не уменьшили, а скорее увеличили количество проблем. Подъем экономики и культуры в ранее отсталых регионах, упрочение позиций их правящей и интеллектуальной элиты привели к возрождению и обострению чувства национального

достоинства. А поскольку бывшие окраины России, как правило, не прошли капиталистическую стадию развития и сохранили многие пережитки феодализма, то у них не завершились процессы стирания национальных различий, что стало питательной средой национализма. В целом современные трудности в решении национальных проблем во многом обусловлены противоборством двух основных кардинальным образом различных тенденций в национальном вопросе: сепарационной и интеграционной, которые присущи различным историческим эпохам, но хронологически совместившиеся в нашем государстве. К этому необходимо добавить незавершенность в восточных районах страны, особенно в Средней Азии, таких важных социально-экономических процессов, как индустриализация, урбанизация и демографическая революция.

Долгие годы в советской обществоведческой литературе господствовало утверждение о том, что материальной основой дружбы народов страны является единый народнохозяйственный комплекс. Экономическая общность безусловно существует, но весь вопрос в том, на чем она основывалась — на принципах командно-административной системы? На первых порах она приносила определенную пользу, поскольку способствовала перераспределению средств в пользу ранее отсталых народов, но затем пришла в противоречие как с их интересами, так и страны в целом.

На заре Советской власти была провозглашена прогрессивная идея рационального размещения производительных сил, но она не была детально проработана, уперлась в политические догмы и не дала на практике ожидаемых результатов. Ее не удалось оптимально применить к условиям многонационального государства, раскинувшегося на огромной территории. Закономерности рационального размещения производства и комплексного социально-экономического развития регионов подменил административный диктат. Интересы территорий и ведомств не совпадали, не работал механизм их совмещения. Местные органы власти контролировали только 4% объема промышленного производства¹. В результате освоение и развитие окраинных территорий шли трудно, с большими экономическими, экологическими и моральными издержками.

Затратный механизм советской экономики вел к гипертрофированному росту спроса на сырье. Его добыча наращивалась прежде всего на окраинах, где сосредоточены наиболее крупные месторож-

дения угля, черных и цветных металлов, нефти и газа, а также других полезных ископаемых. Интенсивный сдвиг индустриального развития на восток, овладение его уникальными природными богатствами не только дали необходимые сырьевые и энергетические ресурсы для развития советской экономики, но и компенсировали ее слабую эффективность. Вовлекая в хозяйственный оборот гигантские природные богатства, она активно расширяла производство и занятость, обеспечивала относительный рост уровня потребления и накопления валютных резервов за счет экспорта дефицитных ресурсов, прежде всего энергетических. Только за 10 лет (1974–1984 гг.) экспорт нефти и ее продуктов, главным образом сибирского происхождения, дал стране 176 млрд валютных руб.² Тем самым создавалась видимость благополучия, на определенный срок отодвигалась кризисная ситуация в обществе. Короче, пока экстенсивная экономика не исчерпала свои возможности, восточные районы обеспечивали для нее компенсаторную роль, помогали снимать напряжение в обществе.

Серьезные перекосы были допущены в аграрной сфере. В то время как Средняя Азия обеспечивала 9/10 производства хлопковолокна, на месте, в Узбекистане в частности, перерабатывалось не более 10%³. Получается, что главная отрасль экономики фактически не участвует в создании национального дохода на территории республики⁴. Монокультура хлопка вытеснила здесь другие отрасли сельского хозяйства, что привело к самому низкому потреблению продуктов питания. Занятость населения опустилась до нижней в стране отметки — 77%⁵. Следовательно, многие окраины в условиях командно-административной системы превратились в сырьевые придатки центра, а обострение региональных проблем было связано не столько с национальным, сколько с экономическим подтекстом.

В годы сталинской диктатуры, как и в царские времена, окраины государства, особенно восточные, превратились в места катоги и ссылки со всеми вытекающими отсюда политическими, социально-экономическими, демографическими и нравственными последствиями. По данным на декабрь 1953 г., в Кomi АССР находилось свыше 100 тыс. осужденных за контрреволюционные выступления, в Казахской ССР — 57,9 тыс., в Хабаровском крае — 52,7 тыс., в

Иркутской области — 47 тыс., в Красноярском крае — 30 тыс. человек, на Дальнем Севере — 10,2 тыс. ссыльных⁶.

Глубокое, хотя и подспудное влияние на региональные проблемы оказал внешнеполитический фактор. В условиях конфронтации с капиталистическим миром окраины оказались передовыми рубежами советского государства. С начала 30-х годов оно предпринимало масштабные усилия по хозяйственному освоению Дальнего Востока, которое рассматривалось в качестве важнейшей предпосылки укрепления обороноспособности страны перед лицом японской угрозы с территории Манчжурии. Наращивание воинских контингентов на Дальнем Востоке накладывало всевозрастающее бремя на региональную экономику. Если к 1932 г. здесь были дислоцированы 3 дивизии⁷ то к 1937 г. — уже 20, а в 1939 г.—до 30 дивизий⁸. В 1937 г. в Монголии был дислоцирован 57-й Особый корпус Красной Армии, снабжение которого топливом, водой, стройматериалами целиком осуществлялось с территории советского Дальнего Востока⁹. В регионе было развернуто широкое капитальное строительство. В 1938—1941 гг. Дальний Восток получал 7,6% всех союзных капиталовложений, в то время как Западная Сибирь — только 4%, Восточная — 3,5%¹⁰.

Главными лимитирующими факторами развития региона в 30-е годы являлись недостаток рабочих рук и слабость собственной продовольственной базы¹¹. Эти проблемы решались в значительной степени за счет организованных сельскохозяйственных переселений, использования принудительного труда и их частей. По западным оценкам, в 1926—1939 гг. население Дальнего Востока на две трети росло за счет миграции (с учетом заключенных и депортированных лиц)¹². Приоритетные позиции края в советской региональной политике 30-х годов всецело следует отнести к его важной военно-стратегической роли в тот период.

В годы третьей пятилетки внешнеполитическая ситуация в целом определяла модель индустриального развития востока страны. Был взят курс на рассредоточение промышленности по территории страны, в первую очередь оборонных предприятий и базовых отраслей тяжелой индустрии. Эта модель обеспечивала достаточно полное вовлечение местных ресурсов в хозяйственный оборот, дублирование в каждом регионе широкого набора жизнеобеспечивающих отраслей (топливно-энергетическое хозяйство, строинду-

стрия, легкая и пищевая промышленность, машиностроительные и ремонтные предприятия, подсобное сельское хозяйство), значительную экономию транспортных расходов. Другой существенной стороной этого типа индустриального развития явилось крупномасштабное использование принудительного труда как средства минимизации расходов.

Принятые в 30-е годы меры в определенной степени обезопасили государственные границы, но они не уберегли страну от страшных потрясений второй мировой войны. Неудачная сталинская внешняя политика в 40-е годы обернулась разорением многих пограничных районов, что имело тяжелые последствия, которые проявляются до сих пор. В годы «холодной войны», когда СССР добивался стратегического паритета с США, советская экономика, работавшая с большим напряжением, значительную часть ресурсов черпала на окраинах государства. Отдельные регионы были превращены в военно-промышленные комплексы и атомные площадки, что привело к тяжким социальным и экологическим последствиям. Стоит только вспомнить Челябинскую трагедию и перманентное загрязнение ядерными отходами Семипалатинского полигона.

Двойной пресс испытывали на себе восточные районы в 60–70-е годы под давлением «китайского синдрома». Из-за разлада с восточным соседом хрущевско-брежневское руководство потратило миллиарды рублей на укрепление границы с КНР, что отвлекло средства от социально-экономического развития восточных регионов, да и страны в целом. Видимо, в этом ключе надо рассматривать и строительство Байкало-Амурской магистрали, которая сооружалась в значительной степени по стратегическим соображениям, а потому не получила должного экономического эффекта и дальнейшего развития.

Таким образом, исторический маятник советского регионального развития часто отклонялся от центрального положения до относительно дальних отметок периферии. Изучение амплитуды этих колебаний, исследование их альтернативных вариантов, а самое главное, социальных последствий — настоящая задача дня. Без ее решения трудно надеяться на успешный исход национальных конфликтов. Этому могут помочь специальные комплексные целевые программы¹³.

Примечания

1. См.: Правда. 1990. – 12 мая.
2. Лит. газ. 1989. – 1 марта.
3. Средняя Азия и Казахстан: Приоритеты и альтернатива развития (Материалы «круглого стола») // Коммунист. 1989. – №11. – С. 23-24.
4. Там же.
5. Там же.
6. Аргументы и факты. – 1990. – № 5.
7. Ленинская гвардия на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 1970. – С. 339.
8. Whiting A.S. Siberian Development and East Asia: The Strategic Dimension // Soviet Natural Resources in the World Economy. – Chicago Press, 1983. – Р.237.
9. Конев И.С. Воспоминания // Знамя. 1987 – № 11. – С. 26.
10. Капитальное строительство в СССР. – М., 1961. – С. 114-115.
11. Ленинская гвардия на Дальнем Востоке. – С. 340.
12. Rodgers A. Commodity Flows, Resource Potential Economic Development: The Example of the Soviet Far East // Soviet Natural Resources... – Р.192.
13. См. Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории). – Свердловск, 1989.

Russian History. – USA. Vol. 18. № 1 1991. – P. 77-83.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

Беспрецедентные масштабы территории, природно-климатическое и национальное разнообразие России как ни в одном другом государстве мира на первый план выдвигают региональные проблемы. Они существовали всегда, но особую остроту приобрели в последние годы в связи с распадом СССР, разрывом связей между взаимодополнявшими друг друга хозяйственными организмами, гиперграфированным процессом «суверенизации» отдельных регионов, усилившимся воздействием на государственную политику России разнородленных внешних влияний, что ставит под вопрос целостность государства. На первый взгляд создается впечатление, и оно усиленно внедряется в сознание народа, что нынешние региональные проблемы порождены Советской властью. В определенной мере это так, но они имеют более глубокие корни, без яснения которых нельзя до конца понять суть данного явления, сделать из него правильные выводы и выработать эффективные меры по выходу из кризиса. Короче, прежде чем скоропалительно изобретать новые модели регионального устройства, тем более пересаживать на русскую почву не проверенные временем и не адаптированные к ее условиям зарубежные образцы, стоит оглянуться назад и оценить российский опыт, извлечь из него необходимые уроки.

К сожалению, отечественная историография не располагает сколько-нибудь значительными исследованиями в данной области. Предметом анализа имеющихся работ являются, как правило, колонизационные процессы, национальные отношения, социально-экономическое развитие или чисто краеведческие аспекты жизни регионов России, а итогом — некоторое приращение исторического знания, причем изрядно идеологизированного, но не извлечение исторического опыта регионального управления. На это обстоятельство мы неоднократно обращали внимание в последние 15 лет, особенно с начала 90-х гг., но заметных изменений до сих пор не произошло¹.

Поэтому сегодня важно для начала разобраться в том, какое наследство нам досталось от старой России, какие новые деформации допущены в советский и постсоветский период. Поскольку в одной

публикации невозможно решить весь комплекс проблем, сосредоточим внимание на наиболее типичных, сквозных и рассмотрим их преимущественно на материалах восточных районов, исходя из их особой геополитической и экономической значимости².

Одним из наиболее важных факторов исторической динамики России являлось последовательное расширение ее территории, военно-политическое, хозяйственное, культурно-просветительное освоение новых земель, преимущественно на юге, севере, востоке страны. «Переселения, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты», — писал В.О.Ключевский³. Результатом территориальной экспансии явилось создание гигантского евразийского государства, geopolитическая самотождественность которого описывается знаменитой концепцией английского географа Х.Маккиндеря через контроль России над так называемой «сердцевиной суши» (*heartland*), лежащей во внутренней части Евразии⁴.

В состав государства включались регионы с существенно различимися экологическими условиями, хозяйственно-экономическими потенциалами, этнодемографическим составом населения. Правительству постоянно приходилось решать вопрос увязки общероссийских административно-правовых стандартов и регионального разнообразия. Результатом подобных решений явилась разработка региональных управленческих моделей, которые в той или иной степени — не всегда, конечно, оптимально, — улавливали региональную вариацию, адаптировались к ней и, в конечном счете, адаптировали ее. Конечным итогом реализации местных моделей администрации обычно становилась интеграция, более органичное вхождение регионов в состав государства. Однако процесс этот в хронологических рамках дооктябрьской России обыкновенно протекал плавно, преимущественно без насилистенных эксцессов, путем постепенного выравнивания экономической, культурной, административной специфики территорий.

I. При изучении исторического опыта решения региональных проблем в императорской России можно выделить четыре главных аспекта проблемы: 1) организация административно-политической взаимосвязи центра и периферийных регионов; 2) проведение региональной политики военно-политического и хозяйственного освоения окраин государства; 3) разработка модели

управления аборигенными территориями; 4) подключение местной инициативы через органы самоуправления для решения локальных экономических и социокультурных проблем.

1. Существенная специфика отдаленных районов России, особенно восточных, потребовала от правительства разработки специальных региональных моделей управления, которые позволяли бы достаточно эффективно обеспечивать прямые и обратные связи между центром и периферией. В XVI в. восток России как новый край управлялся первоначально Посольским приказом, а затем — с 1599 г.— особым территориальным Приказом Казанского дворца, в компетенцию которого входили все восточные окраины государства (Поволжье, Урал, Сибирь). Расширение восточных границ России и усложнение управлеченческих проблем потребовало создать новый центральный орган с областной компетенцией — Сибирский приказ (1637 г.), который в отличие от обычных областных приказов с их преимущественно финансово-фискальными функциями был наделен широкими полномочиями: административными, фискальными, таможенными, военными, судебными и даже дипломатическими.

Определенной спецификой отличалась и система административно-территориального деления. По мере включения восточных территорий в состав государства происходило формирование уездов (как и в Европейской России) с воеводами во главе. Однако невозможность управлять отдаленной и огромной «государевой вотчины» на обычных началах, путем непосредственного подчинения воевод Москве, обусловила формирование здесь областного (разряда) административно-территориального деления, предварившего в известном смысле позднейшее губернское управление.

Петровские преобразования сближали управление восточными регионами с общерусским. Сибирский приказ, как и другие приказы, потерял значение центрального государственного учреждения и превратился в Московскую канцелярию Сибирской губернии, которая ведала реализацией сибирской пушнины и китайских товаров. Все прежние функции Сибирского приказа по управлению Уралом и Сибирью перешли к сибирскому губернатору, под властью которого была объединена огромная территория от Приураля до Тихого океана. Однако региональная специфика востока России потребовала восстановить в 1730 г. центральное учреждение

с областной компетенцией — Сибирский приказ, правда, с урезанными по сравнению с XVII в. полномочиями. Тем не менее в 1730-х — начале 1760-х гг. Сибирский приказ руководил действиями сибирской администрации и контролировал ее.

Нарастание внутрирегиональной вариации в пределах восточных территорий, усложнение проблем управления ими потребовали разукрупнения административно-территориальной модели. Активизация освоения Южного Урала в 1730 — 1740-е гг. привела к учреждению Оренбургской губернии (1744 г.), начальник которой был призван решать сложный узел военно-политических, административно-управленческих, хозяйственно-экономических проблем, расширять разнообразные связи России с Казахстаном и Средней Азией. В 1764 г. была выделена Иркутская губерния. К концу XVIII в. на территории Урала и Сибири возникли Вятская, Пермская Уфимская (в 1856 г. из ее состава вновь выделена Оренбургская губерния), Тобольская, Иркутская губерния⁵. С целью консолидации новых региональных образований и усиления государственного контроля за ними они объединялись в наместничества (по нескольку губерний или областей в каждом). Так, на Урале в последней четверти XVIII в. функционировало Пермское наместничество, включающее Пермскую и Екатеринбургскую области. Существовали также Вятское и Уфимское наместничества.

В начале XIX в. было решено усилить местную власть на восточной окраине. В результате проведенной в 1803-1806 гг. реформы в Сибири была учреждена должность генерал-губернатора, в компетенцию которого входило не только гражданское, но и военное управление⁶. Реформа М.М.Сперанского 1822 г. эластично прореагировала на региональные особенности Сибири и укрепила здесь своеобразную организацию управления. Пожалуй, впервые Сибирь была четко поделена на Западную и Восточную, в административно-территориальном плане: создавались Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства. Генерал-губернаторы наделялись широкими полномочиями в экономической, административной, судебной сферах. С целью ограничения возможных злоупотреблений личной властью при генерал-губернаторах создавались советы из назначенных царем чиновников. В Петербурге действовал специальный Сибирский комитет, сосредоточивший дела по этому региону. Следовательно, реформа 1822 г. включала и мо-

менты децентрализации (широкие полномочия генерал-губернаторов), и моменты коллегиального управления (советы при генерал-губернаторах), и контроль центральной власти за местным управлением (Сибирский комитет).

«Учреждение» М.М.Сперанского действовало в Сибири до 1880-х гг., когда были ликвидированы советы при генерал-губернаторах, а также Западно-Сибирское генерал-губернаторство (Тобольская и Томская губернии в 1882 г. были переведены на одинаковое положение с губерниями Европейской России). Однако Восточно-Сибирское генерал-губернаторство сохранилось. Активизация заселения и освоения русскими-людьми северо-восточной Азии, Сахалина и Курил, Нижнего Амура во 2-й половине XIX в. вызвала необходимость укрепления здесь местных органов управления. В 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство. В 1903 г. на его территории, включая также Квантунскую область, создано особое наместничество. Наместник являлся главным начальником края, управлял всеми делами Дальнего Востока и подчинялся непосредственно царю (наместничество было упразднено в 1905 г.)⁷.

В 1879 г. восточно-сибирский генерал-губернатор Д.Г.Анучин довольно удачно обобщил основные принципы и последовательность осуществления региональной политики на востоке России. Первоначально на вновь присоединенных к России территориях вводилась сильная и во многом автономная военно-административная система управления (генерал-губернаторства или наместничества), сохранялись традиционные институты власти для коренных народов, создавались лишь самые необходимые государственные учреждения (прежде всего, полицейские и фискальные). Когда же окраина «прочно связывалась с ближайшими частями государства, когда тяготение к русскому центру укреплялось вполне, местные условия слаживались и приближались к общим русским, правительство решалось ввести такую область в общую систему управления, непосредственно подчинить ее центральным правительственным установлениям»⁸.

Резюмируя опыт организации административно-политической взаимосвязи центра и окраинных регионов, можно отметить оправданность использования (особенно на этапах первоначального освоения) специальных центральных учреждений с областной компе-

тенцией, механизмов децентрализации (передача значительных полномочий региональным инстанциям управления — генерал-губернаторам, наместникам). Вместе с тем этот ранний опыт регионального управления в России изучен крайне слабо. Сегодня мы можем говорить только о его схеме, тогда как необходимо ясно представлять механизм ее функционирования, его позитивные и негативные стороны, а для этого предстоит организовать специальные исследования.

2. Правительство на протяжении XVI — начала XX вв. уделяло особое внимание вопросам заселения и хозяйственного освоения восточных регионов России. В рассматриваемое время стихийная вольная колонизация всегда сопровождалась планомерными правительственные мероприятиями по заселению и интеграции восточных регионов в общегосударственный организм. Понятно, что исторически инструменты правительственной политики менялись. Для XVI-XIII вв. существенную роль играла ссылка в Сибирь. Во 2-й половине XIX — начале XX вв. (особенно в период столыпинских реформ) заметно активизировалось переселенческое движение на восток страны. Правительство, заинтересованное в разрядке аграрного вопроса в центре страны и в дальнейшем освоении окраин России, предоставило различные льготы крестьянам-переселенцам. 26 марта 1861 г. были опубликованы «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири», по которым все желающие могли получить в собственность казенный участок до 100 дес. на семью. Сенатским указом 24 августа 1861 г. переселенцы освобождались от рекрутской повинности на 10 наборов, от уплаты подушной подати с переходом после 20 лет на уплату поземельной подати. По закону 13 июля 1889 г. получившим право на переселение давались путевые пособия, ссуды на организацию хозяйства, освобождение на три года от уплаты казенных сборов⁹.

Существенно повлияло на темпы переселенческого движения и ускорило экономическую интеграцию восточных районов страны сооружение Сибирской железнодорожной магистрали, которая упростила связь центра с далекой окраиной государства. Строительство было организовано как общегосударственное мероприятие. Созданный в связи со строительством Комитет Сибирской железной дороги занимался не только вопросами, связанными с сооружением

магистрали, но и фактически объединил в период своей деятельности высшее управление Сибири (1892-1902 гг.), повысив эффективность региональной правительственной политики по отношению к ней.

Во многом благодаря государственным мероприятиям миграционное движение в восточные регионы России во 2-й половине XIX — начале XX вв. дало высокие результаты. За период с 1861 по 1914 гг. только в Оренбургскую и Уфимскую губернии переселилось более 400 тыс. чел.¹⁰, в Сибирь в 1893—1913 гг. переехало около 2,9 млн чел., в результате чего ее население (с учетом естественного прироста) увеличилось с 5,8 до 10,3 млн чел¹¹.

Такой подход, конечно, с учетом потребностей нашего времени, заслуживает безусловного внимания, поскольку рыночная стихия последних лет поставила отдаленные районы, особенно северные, в невыносимые условия. По некоторым подсчетам, численность населения Сибири и Дальнего Востока может уменьшиться в начале следующего века в 3-4 раза, что чревато потерей над ними юрисдикции России. Поэтому проблема если не увеличения населения востока России, то хотя бы его стабилизации приобретает общенациональное значение. И для этого придется использовать все методы, накопленные историей.

Следует указать на удачный опыт использования правительством при освоении восточных регионов государства военно-поселенных казачьих формирований, оптимально сочетавших боевой и хозяйственный потенциал. Если Донское и Яицкое казачество исторически сформировались спонтанно, то прочие казачьи формирования на востоке страны явились результатом сознательной их конструкции правительством. В 1740-1750-х гг. было создано Оренбургское казачье войско; в 1808 г. — Сибирское; в 1851 г. — Забайкальское; в 1858 г. — Амурское; в 1867 г. — Семиреченское; в 1899 г. — Уссурийское¹². Десятки тысяч казаков надежно обороныли восточные рубежи Отечества, осваивали плодородные нивы и богатые недра, несли в таежную глухомань и суровую тундру православную веру и русскую культуру.

С возрождением казачества открывается возможность использования его созидательной роли и патриотической устремленности в современных условиях, что очень важно в образующемся политическом, экономическом, демографическом, да и стратегическом ва-

кууме на востоке страны. В данной связи встает необходимость глубокого изучения исторического опыта казачества по освоению и защите восточных рубежей государства, придания ему соответствующих функций и обеспечения условий для их выполнения.

Заселение восточных регионов России находилось в тесной связи с их хозяйственным освоением, что представляет собой специальный предмет изучения. В данном контексте мы коснемся только его управленческого аспекта на примере уральской горнозаводской промышленности. В 1-й четверти XVIII в. на Урале сформировалась трехступенчатая иерархия горнозаводской администрации, которая включала высшее горное правление (обер-бергамт), горных начальников округов, заводские конторы. Обер-бергамт управлял горнозаводской промышленностью всего Урала, независимо от ее губернского деления, что обеспечило единство технической политики, разумное взаимодействие и специализацию производств. В результате сложился своеобразный, довольно эффективный по тому времени экономический комплекс.

Отмена крепостного права в 1861 г., реформы 60–70-х гг. XIX в. особенно земская, городская и судебная, внесли значительные изменения в центральный и местный государственный аппарат, в методы административного управления. На Урале это прежде всего проявилось в ослаблении власти горного ведомства, передаче многих его властных функций гражданским властям. Екатеринбург был лишен статуса «горного города» и подчинен общему губернскому начальству, закрыты военные суды при Уральском Горном Правлении, корпус горных инженеров преобразован из военного в гражданское ведомство, упразднена должность прокурора при Горном Правлении. Затем горнозаводская и городская полиция, почтовые конторы и станции, церкви, школы, госпитали, аптеки в горнозаводских округах были переданы в соответствующие гражданские ведомства.

Вообще, к 1876 г. в ведении Главного начальника и Горного Правления остались только те учреждения, которые имели непосредственное отношение к горному делу. В 1886 г. была реформирована сама высшая уральская горная администрация: Уральское горное правление и Канцелярия Главного Начальника были упразднены, а для управления горнопромышленностью в области Уральского хребта учреждены Управление горной частью на Урале

{Уральское горное управление} и должности окружных инженеров. Уральское горное управление было разделено на три делопроизводства, ведавшие: первое — делами казенных заводов и личного состава, второе — делами частных горных заводов и промыслов, третье — делами частных золотых промыслов. Территория Уральской горной области была разделена на 8 горных округов. Главной обязанностью возглавивших горные округа окружных инженерии был надзор за исполнением фабричного и горного законодательства.

Другим важным последствием падения крепостного права стало ослабление государственного контроля над частной промышленностью. Тем не менее оно и в пореформенный период имело в своих руках такие экономические средства управления и регулирования частной промышленности, как таможенные сборы, тарифы, налоги, государственные заказы, строительство выгодных для заводов железных дорог и т.п. Этой же цели служила система государственной поддержки горнозаводской промышленности, традиционно осуществлявшаяся правительством со времен Петра I. В конце XIX — начале XX вв. ее последовательно и настойчиво проводили министры финансов Н.Х.Бунге, И.А.Вышнеградский и С.Ю.Витте. Правительство систематически предоставляло переживающим финансовые затруднения заводам отсрочку ссуд, долго- и краткосрочные кредиты, льготы, премии, авансы и т.п.¹³ Такая устойчивая практика представляет несомненный интерес для наших дней и условиях депрессивного состояния Урала.

3. Заслуживает внимания исторический опыт организации управления аборигенным населением. Территориальная экспансия России сопровождалась включением в пределы государственных границ земель, которые характеризовались разным уровнем социально-экономического и социокультурного развития, различным этническим составом населения. Известная гибкость региональной политики правительства проявилась в том, что разница социально-экономических, экологических, этнокультурных потенциалов территории учитывалась при формировании местных моделей управления.

Так, в Прибалтике, присоединенной к России в ходе Северной войны, в 1-й четверти XVIII в., был установлен «прибалтийский особый порядок», основанный на сохранении прежних сословий

привилегий местного остзейского дворянства. Определенной автономией было наделено Царство Польское, бывшее герцогство Варшавское, отошедшее к России по решению Венского конгресса 1815 г. «Конституционная хартия», дарованная Александром I Царству Польскому, в известной мере учитывала достаточно высокий уровень социально-экономического и социально-политического развития. Она предоставляла шляхте и зажиточным горожанам не-прикосновенность личности, независимость суда, свободу печати, право выбора депутатов сейма (вспомним, что жители коренных российских губерний в то время не обладали подобными правами). Наибольшей степенью автономии в пределах России была наделена Финляндия («Великое княжество Финляндское», отошедшее к России в результате русско-шведской войны 1808-1809 гг.). Согласно финляндской конституции, лишь сейм мог издавать законы, вводить налоги.

Существенную специфику имела система управления нерусскими народами в восточных регионах Российского государства. Если в Среднем Поволжье, на европейском Севере, Карелии в XVIII в. она была схожа с управлением в русских уездах, населенных государственными крестьянами, то подобное управление на Урале, в Сибири сохраняло свои особенности. В Башкирии в 1798 г. была введена кантонная система управления, которая превращала местное население в военно-служилое сословие. После ее отмены в 60-х гг. XIX в. эти народы были освобождены от военной службы и натуральных повинностей, переданы в гражданское ведомство, что ускорило их социально-экономическое развитие, способствовало переходу к оседлости и земледельческому хозяйству.

Особыми административными единицами в составе Сибири являлись ясачные волости. Ликвидировав татарские ханства в Поволжье и Сибири, русские власти заимствовали от них ясак как форму налогообложенияaborигенного населения. Кстати, положение ясачных было более легким, чем положение русских землепашцев, поэтому последние нередко мечтали о переводе в разряд «ясачных крестьян».

Русская администрация интегрировала и традиционные формы управления коренных народов, стремясь при этом опираться на родоплеменную знать, сохранившую ряд прежних привилегий. Правительство не вмешивалось во внутреннее устройство ясачных во-

лостей, функционировавших на основе обычного права, всеми мерами стремилось сохранить за: аборигенами их промысловые угодья, которые являлись залогов стабильной выплаты ясака.

В начале XIX в. коренные народы востока страны находились на различных стадиях социально-экономического развития и перехода от кочевого хозяйства к оседлости. Реформа М.М.Сперанского 1822 г. («Устав об управлении инородцев Сибири») явилась попыткой адаптировать управленческие модели к особенностям общественного и хозяйственного быта нерусского населения. Последнее было разделено на три группы: 1) оседлых «инородцев»(вошли в основном земледельцы и живущие торговым промыслом — татары и отчасти алтайцы); 2) кочевые «инородцы», занимающие «определенные места, по временам года переменяемые» (буряты, хакасы, якуты, эвенки, ханты, манси); 3) бродячие «инородцы», или «ловцы», переходящие с одного места на другое (ненцы, ламуты, юкагиры и др.).

Оседлые аборигены приравнивались к русским государственным крестьянам; соответственно у них вводились органы управления, схожие с существовавшими у русских крестьян. Кочевые «инородцы» были подчинены «родовым управлениям», «инородным управам» и «степным думам». «Бродячие инородцы» получили лишь родовое управление. Устав допускал, при наличии традиции, наследственное начало в родоплеменном управлении¹⁴. В конце XIX — начале XX вв. была проведена административная реформа, в соответствии с которой «степные думы» и «инородные управы» были заменены органами волостного управления, устроеннымми по русскому типу.

Невмешательство государственных властей во внутреннюю организацию аборигенных народов и их традиционную самобытную культуру, сохранение у них родоплеменных связей, слабое и ограниченное влияние на них европейской культуры, веротерпимость властей, отдаленность, обособленность северо-восточных территорий, оторванность от общего торгово-промышленного и культурно-политического движения времени помогли аборигенам востока России сохранить свой самобытный образ жизни, традиционные местные экосистемы и виды промышленной деятельности, свою оригинальную социокульттуру вплоть до советских преобразований.

4. Практически всегда в истории России в систему управления включалось общественное самоуправление и представительные органы на местах, в компетенцию которых входили местные хозяйствственно-культурные вопросы. Эти органы освобождали государственные структуры, от необходимости решать локальные проблемы и тем самым удешевляли управленческий аппарат. Кроме того, необходимо иметь в виду, что органы местного самоуправления лучше разбирались в своих проблемах и могли более эффективно их решать. Особое значение они приобрели во 2-й половине XIX в., в результате земской, городской и судебной реформ 60–70-х гг., положивших начало выборному всесословному представительству в местном управлении. Правда, эти реформы касались преимущественно европейской России. Земские учреждения не были введены в Сибири, а на Урале они сыграли положительную роль в развитии дорожного дела, сельского хозяйства, здравоохранения и народного образования.

Своебразие земств в уральских губерниях, особенно в Вятской и Пермской, отчасти и в Уфимской состояло в том, что в них преобладали демократические элементы, и они по своему составу были преимущественно буржуазными, чем резко отличались от земств центральных и южных губерний России, где преобладало землевладельческое дворянство. Этой особенностью уральских земств объясняются их повышенный интерес к экономическому положению горнозаводского населения, их попытки оказывать кустарям и крестьянам техническую и агрономическую помощь, внимание к проблемам народного образования, попытки в начале XX в. ввести в своих губерниях всеобщее начальное образование. Вместе с тем земства имели весьма ограниченные права, могли заниматься, по сути дела, только местными хозяйственными вопросами, не обладали административной властью, находились под бдительным надзором правительенной администрации, были стеснены в своей деятельности, опутаны сетью всевозможных чиновничьих запретов, препон, ограничений и разъяснений¹⁵.

В нынешних условиях опыт земства как никогда актуален, что требует его пристального изучения, причем не идеологизированного, как это недавно было, а творческого. Именно земская форма, наполненная современным содержанием, в отличие от советской, способна дать свежий импульс затухающей жизни в отдаленных ре-

гионах, отрегулировать деформированные отношения между центром и периферией.

II. Изучение исторического опыта регионального развития России в XX в., после Октября 1917 г., представляет особую важность, поскольку именно тогда в дополнение к старым проблемам было добавлено множество новых, заложены мины замедленного действия, которые сработали к концу века и поставили под угрозу целостность государства. Сначала надо разобрать тот «часовой механизм», который «отсчитывал» время до взрыва, увидеть, какие пружины его заводили, а какие до определенной поры стопорили и почему, после чего предстоит оценить масштабы взрывной волны, ее поражающую силу и последствия. В этом контексте относительно четко проступают три отсчета времени: предсоветское; советское; постсоветское.

1. Советы унаследовали от царизма огромную территорию со сложной дифференциацией природно-климатических зон и экстремальных факторов, во многих из них — крайнюю неравномерность распределения природных и людских ресурсов по территории страны, многонациональный состав населения с локализацией коренных народов в исторических местах расселения, гигантское разнообразие языков, культур, обычаяев, верований. И все это на фоне полупатриархального уклада жизни страны, слабости гражданского общества, правовой, политической да и бытовой культуры.

Понимая потенциальную взрывоопасность вышеназванных обстоятельств, прежнее руководство страны, благодаря стабильности внутренней и внешней политики, с опорой на верных наместников и преданные социальные сдои, а также их представительные органы на местах, цементирующей роли православия, дифференциированного подхода к управлению различными территориями, особенно с коренным населением, политической индифферентности глубокой провинции, обеспечивало твердый порядок на задворках великой империи и охраняло нерушимость ее границ.

2. Пролетарская революция, гражданская война и иностранная военная интервенция взломали многовековую толщу региональных проблем. На поверхность выплеснулось то, что держал под спудом старый режим: национализм, сепаратизм, классовая ненависть. На-

ционалистические и сепаратистские движения, опирающиеся на классовый антагонизм, привели к полному отторжению от Российской империи ряда территорий (Польша, Финляндия), а некоторых — к временному (Прибалтика, Западная Украина). Отдельные народы (Кавказа и Средней Азии) получили самостоятельность, а потом, в силу затруднительности автономного существования, снова вошли в состав Советской России, что напоминает нынешнюю ситуацию в СНГ. Теоретической и политической основой всего этого стал большевистский лозунг самоопределения наций вплоть до их отделения, что принципиально меняло административно-территориальное деление страны и стало предпосылкой ее медленной эрозии.

Поднялось бело-зеленое знамя областничества и на восточной окраине государства. Возникли Уральское областное правительство. Сибирская областная дума, Хакасская степная дума, Бурнардума, Каракорум-Алтайская окружная управа, Алаш-Орда (казахско-киргизское образование с центром в Семипалатинске) и др.¹⁶ Они преследовали разные политические цели, представляли разные национальные интересы и разные религии, но их объединяло одно — сепаратизм. Воспользовавшись ослаблением, а конкретнее, распадом центральной власти, они пытались обрести максимальную политico-экономическую самостоятельность. В этом можно видеть благородное стремление к свободе и спасение от того хаоса, который охватил страну, но объективно такая ситуация вела к распаду государства и не гарантировала их собственное благополучие, поскольку ни одно из названных образований, может быть, только за исключением Уральского, не имело исторически сложившегося политico-экономического и социокультурного пространства. Самостоятельно они не могли долго существовать, что реально и случилось. Из данного исторического опыта вытекает суровый урок для современного этапа безбрежной суверенизации.

С окончанием гражданской войны и иностранной военной интервенции Советская власть приступила к решению трех крупных проблем региональной политики: национально-государственному строительству; районированию и новому административно-территориальному устройству, выравниванию уровня экономического развития ранее отсталых территорий.

Первая проблема решалась в соответствии с ранее провозглашенным принципом самоопределения наций, что привело к созданию Союза Советских Социалистических Республик вместо старой Российской империи. Это был крупный шаг на пути демократического решения национального вопроса, но на практике равноправия не получилось. В условиях тоталитарного режима суверенные республики были подчинены диктату Кремля. В результате, с одной стороны, они получили крупные капиталовложения для развития своей экономики и культуры, что должно было отвечать общегосударственным интересам, а с другой — ущемление национального достоинства стало питательной средой для нарастания недовольства со стороны быстроразвивающихся местных элит. Такая двойственность сыграла роль той самой мины замедленного действия, о которой шла речь выше. Парадокс заключался в том, что чем больше Москва вкладывала средств в развитие республик, тем дальше они отходили от нее, в конечном итоге выйдя из состава СССР и разрушив его. Конечно, рассматриваемый процесс был на практике много сложнее, чем он представлен в этой краткой схеме. В данном контексте для нас достаточно ограничиться констатацией того, что большевистская идея права наций на самоопределение в условиях тоталитарного государства не оправдала себя и привела к его развалу.

На востоке России в ходе национально-государственного строительства 20–30-х гг. образовались Башкирская, Бурятская, Удмуртская, Якутская автономные республики, Горно-Алтайская и Хакасская автономные области, а также ряд национальных округов и национальных районов, таких, как Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский и др. К началу 30-х гг. только на территории Сибирского края существовало 7 национальных районов и 277 национальных сельских Советов¹⁷. Они сыграли важную роль в укреплении национального самосознания, но не стали самостоятельными политико-экономическими структурами, поскольку их полномочия были урезаны до уровня местного самоуправления.

Решение второй проблемы вызревало в ходе разработки известного плана ГОЭЛРО, когда вся Россия была разбита на ряд исторически сложившихся экономических районов, в рамках которых проектировался подъем промышленного производства на базе пре-

имущественного развития электроэнергетики¹⁸. Он получил развитие в середине 20-х гг., когда началось районирование всей страны. Стали создаваться крупные экономические районы: Уральская область. Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный края, которые оптимально для того времени соединяли промышленное и сельскохозяйственное производства, образовывали единые народнохозяйственные комплексы, ориентирующиеся на сокращение перевозок, новые технологии, привлечение сюда недостающих трудовых ресурсов.

Однако вскоре эта в целом прогрессивная система пришла в противоречие с централизацией сталинского управления, командной экономикой, боязнью самостоятельности усиливающихся региональных экономических структур и их лидеров. Было принято решение о разукрупнении областей и краев. Уральская область, например, в 1934-1938 гг. была разделена на четыре самостоятельных: Свердловскую, Челябинскую, Обь-Иртышскую и Пермскую, а в годы войны еще добавились Курганская и Тюменская. Такой откат назад не способствовал упрочению экономики регионов, сбалансированному развитию производительных сил, формированию регионального самосознания.

После смерти Сталина, во 2-й половине 50-х гг., была предпринята новая попытка укрупнения экономических районов и повышения их самостоятельности о связи с созданием совнархозов, но она не увенчалась успехом. Не дали положительных результатов и последующие более мелкие реорганизации хозяйственного управления по линии Госплана СССР. Местные органы власти по-прежнему оставались безвластными. Во-первых, потому, что формально право принимать решения принадлежало Советам, а фактически его осуществляли партийные органы. Во-вторых, потому, что в компетенцию Совета входили сугубо местные вопросы. Такая практика давала возможность центру безоглядно выкачивать ресурсы из регионов, исключая их самостоятельную крупномасштабную экономическую деятельность.

В данной связи есть смысл оглянуться назад, обратиться к опыту управления территориями в имперской России и в развитых западных странах, когда во главе их находятся полновластные хозяева в виде наместников, губернаторов, премьер-министров земель и т.д. Конечно, для этого потребуется укрупнить территории, не нарушая

годами сложившиеся связи, придать им соответствующие полномочия, отрегулировать взаимоотношения с центром, создать законодательную базу и выработать региональное самосознание.

В третьей проблеме, связанной с выравниванием уровня развития ранее отсталых территорий, просматриваются две противоположные тенденции. С одной стороны, достигнут безусловный прогресс, большинство из них за годы Советской власти превратились из ранее глухих углов и патриархальных провинций в современные индустриально развитые районы с разветвленной социокультурной инфраструктурой, что не требует особых доказательств; по крайней мере, они в изобилии приводились в советской печати. С другой же стороны, эти территории несут на себе печать ярко выраженных извращений советской эпохи, причем в более крупных масштабах, чем старопромышленные регионы.

. В первые годы Советской власти была провозглашена прогрессивная идея рационального размещения производительных сил, но она не была основательно проработана, уперлась в политические догмы и не дала на практике ожидаемых результатов. Закономерности рационального размещения производства и комплексного социально-экономического, развития регионов подменил административный диктат. Интересы территорий и ведомств не совпали, не был отработан механизм из совмещения. Местные органы власти практически не участвовали в распределении доходов, полученных от эксплуатации их территорий. В то время как в Якутии добывалось 4/5 советских алмазов и 2/3 золота, ее руководство практически не влияло на их реализацию, республика мало что имела от тех огромных доходов, которые она давала стране. В результате развитие ранее отсталых районов шло трудно, с большими экономическими, экологическими и моральными издержками.

Сложившуюся систему распоряжения природными ресурсами восточных районов России не смогли поколебать специальные региональные программы: Урало-Кузнецкая, Ангаро-Енисейская, Западно-Сибирская нефтегазовая, БАМ и др., поскольку с их помощью делались только попытки преодоления наиболее вопиющих нерациональностей советской экономики (сверхдалние транспортировки гигантских объемов сырья и энергоресурсов), а их интеграционный эффект реально выразился лишь в создании отраслей первичного уровня обработки ресурсов (металлы, древесина, хими-

ческое сырье, электроэнергия и др.). Поэтому при всей безусловной значимости реализации этих программ для экономики страны, роста экономического потенциала восточных регионов России, их доля в народном хозяйстве государства увеличивалась сравнительно медленно. Эта инерция ярче всего проявилась в сохранении разительного контраста между сосредоточением перерабатывающих мощностей в Европейской России, а ресурсов сырья и энергии — на востоке. Получилось так, что ни в одном регионе России сегодня не наблюдается признаков сложившегося сбалансированного экономического комплекса.

Затратный механизм советской экономики вел к гипертрофированному росту спроса на сырье и энергию. Их добыча наращивалась прежде всего в восточных районах и обеспечивала по низкой цене потребности, в первую очередь, военно-промышленного комплекса, гарантировала высокий уровень занятости населения, компенсировала не эффективность хозяйственного механизма, давала возможность иметь крупную валютную выручку от продажи за рубежом. А это, в свою очередь, позволяло формулировать имперские задачи внешней политики, что особенно рельефно проявилось во время мирового энергетического кризиса начала 70-х гг., событий вокруг Персидского залива и, конечно же, в связи с гигантскими поставками сибирского газа в Европу.

Широкий фронт хозяйственного освоения восточных районов активизировал процесс их заселения. Между переписями населения 1926 и 1939 гг. численность жителей Сибири выросла более чем на 1/4. Сюда ехали не только по своей воле. На Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке существовали десятки лагерей, где томились сотни тысяч политзаключенных. На Колыме их количество за 1932–1939 гг. выросло с 10 до 117 тыс. чел., а на 1 января 1942 г. составило 148 тыс. чел. К концу Отечественной войны контингент заметно сократился — до 90 тыс. чел. По отчету Дальстроя НКВД на 1 января 1953 г. в исправительно-трудовых лагерях региона снова оказалось 145 тыс. чел.¹⁹ Все это накладывало свой негативный отпечаток на политическое, социально-экономическое, демографическое, морально-нравственное состояние таких районов. После большого паломничества на стройки Сибири и Дальнего Востока в 50–60-е гг. в связи с неблагоприятными социально-бытовыми условиями начался значительный отток населения. Ведь стоимость жизни здесь была на 35–50 % выше, чем в европейских районах

была на 35–50 % выше, чем в европейских районах России. За 1961–1973 гг. только Сибирь «потеряла» более 1 млн чел. В результате регион оставался слабозаселенным.

При жизни многих поколений восточные регионы России, особенно Сибирь, оставались резервной территорией русского государства не только из-за наличия свободных земель и богатств ее недр, но и как край девственной природы. Ныне ситуация круто изменилась. Варварская эксплуатация природных ресурсов пришла в острое противоречие с окружающей средой. Масштабы воздействия человека на природу приблизились к геологическим, что поднимает региональные проблемы до планетарного уровня.

3. Постсоветское время, конкретнее, реформы 90-х гг., характеризуется еще большим обострением региональных проблем, чем все предшествующие эпохи, что проявилось прежде всего в разрыве хозяйственных, а также социокультурных связей регионов, в трансформации национального вопроса в территориальный. Экономический и национальный сепаратизм, непродуманная конверсия, произвол в переделе собственности, перекосы во внешней торговле, неконтролируемая инфляция, ценовые парадоксы, неимоверное возрастание транспортных расходов в условиях огромных расстояний привели к катастрофическому нарастанию межрегиональных диспропорций. Рыночный механизм их выравнивания не срабатывал, хуже того, в такой огромной стране, как Россия, с ее полярно различными климатическими зонами и неравномерной социально-экономической освоенностью регионов он приводит к критическим ситуациям, например, на Севере.

В последние годы обостряется геополитический аспект региональной проблематики. Если раньше огромные пространства востока страны надежно обеспечивали геополитическую устойчивость Российской, а затем советской империи, мало кто решался посягнуть на ледяное безмолвие суровой тайги и тундры, да здесь и не было достойных противников, то а наши дни эта устойчивость начинает ослабевать. С одной стороны, на востоке появились сильные соперники в виде бурно развивающихся азиатских государств. А с другой стороны, начались дезинтеграция и хаос на восточных рубежах страны. Депрессивное состояние экономики, особенно Уральского региона, серьезные затруднения в получении сырьевых ресурсов из Средней Азии и Казахстана, а также в сбыте туда готов-

вой продукции, глубокий спад индустриального производства, катастрофическое состояние окружающей среды, отток населения — все эти факторы могут привести к его деградации, образованию здесь геополитической ниши. Тогда Россия расколется пополам, как линкор, подорвавшийся на мине. Одна ее половина начнет дрейфовать на запад от Уральского хребта, другая — на восток, к странам Тихоокеанского бассейна. Уже сейчас жители Дальнего Востока в связи с непомерной дороговизной транспортных расходов резко ограничены в общении с европейской частью страны. Детальные последствия грядущей ситуации трудно прогнозировать, но очевидно, что они будут катастрофическими для нашего Отечества. Как бы Россия не вернулась к границам Московского государства.

Чтобы этого не случилось, необходимы незамедлительные действия федеральных властей, согласие в рядах местной администрации, продуманные экономические и социальные меры, новое законодательство и, конечно же учет российского и мирового опыта решения региональных проблем.

Примечания

1. См. Алексеев В.В. Исторический опыт освоения Сибири – в современную практику // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. – 1981. – № 11, вып. 3 – С.10-14; Он же (научный руководитель). Целевая научно-исследовательская программа: Исторический опыт освоения Сибири. – Новосибирск. 1987; Он же (научный руководитель). Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории). – Свердловск. 1989; Он же. Освоение Сибири: исторический опыт и современность // Материалы к X Международному конгрессу экономической истории. Свердловск. 1990; Он же Soviet Regional Problems: Causes and Effects. Russian Victory (USA) – Vol. 18, № 1. – 1991. – Р.77-83; Он же. Советские региональные проблемы: причины и следствия // Россия в XX веке. Историки мира спорят – М., 1994. – С.630-634; и др.
2. Использованы материалы Д.В.Гаврилова и И.В.Побережникова.
3. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. – Т. 1. Курс русской истории. – М., 1987. – С. 50-51.
4. См.: Маккиндер Х. Дж. Круглый мир и достижение мира // Уральский исторический вестник.–Екатеринбург. 1994. С.152-158.
5. См.: История Сибири. – Л., 1968. – Т. 2.– С. 124-138, 300-312. История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М., 1989. С. 295-298.

6. ПСЗ. Т 27 № 20771.
7. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVIII в. – февраль 1917 г.). – М., 1991. – С. 226-231.
8. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: Проблемы регионального управления // Отечественная история. – 1994. – №2. – С. 63.
9. Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX веков. – Новосибирск, 1990. – С. 5, 7.
10. Ремнев А.В. Ук. соч.– С.65.
11. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири в период империализма (1900-1917 гг.). – Новосибирск, 1976. – С. 127. 134-135.
12. Казаки России (Прошлое. Настоящее. Будущее). – М., 1992. – С. 57-60.
13. См.: Иванов П.А. Краткая история Управления горною частью на Урале. – Екатеринбург, 1990; История Урала в период капитализма. – М., 1990, Лоранский А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России 1700–1900 гг. СПб., 1900.
14. См.: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск, 1975. – С. 230-282; Учреждение для управления Сибирских губерний. Устав об управлении инородцев в Сибири. – СПб., 1822.
15. См.. Черныш М.И., Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. – Пермь, 1959.
16. См.: Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917-1923 гг – Новосибирск. 1978.
17. Там же.– С. 360.
18. См.: План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. – Изд. 2-е. – М., 1955. Труды ГОЭЛРО. Документы и материалы. – М., 1900.
19. Алексеев В.В. Освоение Сибири: исторический опыт и современность... – С.30

Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике: Доклады: Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 23-25 фев. 1995 г. – Екатеринбург, 1995. С.18-27.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В связи с огромными масштабами территории и большим разнообразием социально-экономических условий многочисленных регионов проблемы институционализации региональной политики постоянно находились в поле зрения практически всех правительств России, на что мы неоднократно обращали внимание¹. В наше время в связи с распадом Советского Союза данный вопрос приобрел особую остроту.

Как свидетельствует бывший премьер Правительства СССР Н.И.Рыжков, в 1989 г. была предпринята попытка деления страны по территориальному принципу, в основу которого закладывалась экономическая целесообразность, но она натолкнулась на упорное противодействие партноменклатуры и не состоялась². Между тем, отказ от советской отраслевой системы управления привел к росту регионального самосознания на местах и активизировал противодействие диктату центра, что, по сути, означало признание полной несостоятельности предшествующего опыта советской региональной политики.

Начало реформ 90-х гг. ознаменовалось безудержной «суверенизацией» территорий теперь уже Российской Федерации. Призыв Президента «брать столько суверенитета, сколько они могут проглотить» поставил национальные республики России в преимущественное положение перед «рядовыми» регионами, не имеющими национально-государственного статуса, и привел к противостоянию между этими группами субъектов Федерации. Положение осложнилось еще и тем, что сами «рядовые» регионы оказались в неравном положении, хотя поначалу для них в одинаковой степени казалась привлекательной идея «регионального хозрасчета». Одни имели высокоразвитые отрасли экономики и(или) богатые сырьевые ресурсы (Свердловская, Тюменская области), другие обладали слабым производственным потенциалом и не находили рыночного спроса на свою низкокачественную продукцию (Орловская область). Недовольство региональных элит накалала раздача привилегий одним регионам в конечном счете за счет других по каналам сохранившей свое значение неформальной системы патрон-клиентских отношений. Все это до предела обострило региональные проблемы и по-

требовало их скорейшего разрешения тем или иным способом — с участием регионов или без такового, исключительно волевым диктатом центра. Для того, чтобы понять, почему новая — регионально-ориентированная — модель институционализации социально-экономических отношений в этих условиях обрела силу политического императива, необходимо рассмотреть контекст событий 1993–1995 гг.

Во многом этот решающий поворот был связан с известной метаморфозой взглядов на федерализм и с теми последствиями, к которым она привела. После октябрьских событий 1993 г. закончился период «романтического федерализма», заглохли призывы к «сувениризации» в первую очередь «русских» краев и областей, возродились унитарные тенденции, ослабло влияние региональных элит на политику центра, символом чего явились ликвидация самопровозглашенной Уральской Республики и отстранение от должности ее политического лидера, а также рост общей зависимости региональных и местных администраций от политического диктата центра, сопровождавшийся теперь попытками переложить на них и ответственность за неудачи вялотекущих реформ³.

Как результат относительной политической стабилизации, освещенной законодательным авторитетом новой Конституции, сложилась характерная «вертикаль» исполнительной власти — политически достаточно жесткая и иерархичная, но вместе с тем закрепляющая новое распределение ответственности между Федерацией и ее субъектами в социально-экономической сфере. Последним в значительной степени приходится брать на себя многие функции ослабевшего центра — от охраны общественного порядка и латания дыр в развалившемся здравоохранении до конверсии и внешней торговли — естественно, без соответствующего финансового обеспечения. В этих условиях нарастающее в регионах социальное недовольство и возрождение политического регионализма, заряженного в большей степени, чем прежде, антимосковскими эмоциями, заставляет центр пойти навстречу основным политическим требованиям регионов — в частности, санкционировать новый демократический порядок формирования региональных органов государственной власти и разрешить выборность губернаторов. Тем самым ранее отстраненным, но сохранившим популярность лидерам, в частности, Э.Э.Росселью, была предоставлена возможность

вернуться к руководству регионами. К середине 90-х гг. губернаторы были избраны в 11 субъектах Федерации.

В то время, как центр идет навстречу отдельным политическим требованиям регионов и, соответственно, выражает готовность «сбросить» на регионы значительную часть своей социальной ответственности, его стремление сохранить прежнюю экономическую монополию на ресурсы несколько не уменьшается, а, как показывают данные статистики, увеличивается. Доказательством этого является растущий в последние годы разрыв в доходах населения российских регионов и столицы, например, богатейшей Тюменской области и не располагающей никакими природными ресурсами Москвы. Если в марте 1993 г. денежные доходы в расчете на душу населения Тюменской области в 2,85 раза превышали среднемосковский уровень, то в декабре того же года — уже только в 1,54 раза, в июле 1994 г. они сравнялись, а в декабре 1994 г. среднедушевые доходы в Тюменской области составили только 88% от уровня Москвы. На этом фоне еще более удручающими выглядели Новосибирская область и Алтайский край, где уровень среднедушевых доходов в декабре 1994 г. составлял соответственно лишь 18 и 20% от уровня Москвы.

Следовательно, даже относительно «благоприятные» в недавнем прошлом регионы России столкнулись с большими трудностями. В стране сформировалось новое региональное ядро, сконцентрировавшее в невиданных ранее масштабах финансовую власть. В Москве сосредоточилось 70–80% финансовых ресурсов страны. Столь уродливое межрегиональное «разделение труда», при котором одни регионы производят продукцию, другие — концентрируют в конечном счете прибыли от ее реализации и от гигантских оборотов капитала, не отвечает элементарным принципам федерализма¹. Более того, оно является неизбежным логическим следствием той «асимметрии» между экономической ответственностью и экономическими полномочиями, которой центр неизменно придерживался в отношениях с регионами. В этих условиях следующая за политическим федерализмом институционализация региональной социально-экономической политики является важнейшим фактором устранения подобного разрыва между политическими правами и экономическими возможностями региона.

Из российских регионов Урал, в частности, Свердловская область, в наибольшей степени продвинулись в этом направлении, чему способствовал богатый предшествующий опыт борьбы за реальную экономическую самостоятельность региона. Вопрос об этом был поднят на Среднем Урале еще в 1989 г. в рамках областного хозяйственного эксперимента, но перед распадом СССР не получил приемлемого разрешения. В 1991–1992 гг. Глава администрации Свердловской области Э.Э.Россель поднял его вновь, результатом чего явились некоторые полумеры, не решившие проблемы. В 1993 г. областное руководство выступило с идеей заключения широкого социально-экономического соглашения между областью и Правительством России, но вопрос и тогда по ряду причин не был решен. В ряду этих более или менее решительных инициатив стоит и провозглашение Уральской Республики, за что, как отмечалось выше, Э.Россель лишился своего поста. Только после его победы на выборах в августе 1995 г. в качестве первого избранного населением губернатора России назревшая проблема стала решаться практически⁵

12 января 1996 г. подписан «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Свердловской области». Вместе с ним подписано 17 соглашений, конкретизирующих положения Договора. Рассмотрим те из них, которые регламентируют социально-экономические отношения.

Договор определил разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и Свердловской области, зафиксировав положение о том, что область обладает всей полнотой государственной власти вне пределов ведения. Кроме предметов совместного ведения, определенных ст.72 Конституции РФ, договор санкционировал совместное регулирование вопросов, связанных с переработкой, использованием драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них на предприятиях Свердловской области, а также с функционированием предприятий оборонного комплекса, расположенных на территории области, за исключением вопросов производства вооружений и военной техники. Договором регламентируется проведение согласованной кадровой политики при осуществлении предметов совместного ведения, в частности, согласование с органами государственной власти Сверд-

ловской области кандидатур руководителей федеральных предприятий, учреждений и служб, расположенных на территории области⁶.

Договор предусматривает, что в ведении Свердловской области находятся:

а) установление в соответствии с Конституцией РФ и федеральным законом системы органов власти области, порядок их формирования;

б) создание, формирование и обеспечение деятельности Уставного Суда;

в) вопросы административно-территориального устройства области, образования и упразднения административно-территориальных единиц и населенных пунктов;

г) формирование бюджета области;

д) установление административной ответственности за нарушение областных законов и иных правовых актов области;

е) государственная собственность области и управление ею;

ж) создание областного банка в соответствии с отдельным соглашением;

з) государственная служба Свердловской области⁷.

Договором Свердловской области предоставлено право самостоятельно устанавливать и вводить областные налоги и сборы, выступать самостоятельным участником международных и внешнеэкономических связей, заключая соответствующие договоры (соглашения) с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств, а также с зарубежными министерствами и ведомствами⁸.

В целом, договор сделал значительный шаг к реальному достижению декларируемого в Конституции равенства всех субъектов Федерации. Он открыл дорогу тому, чтобы житель Свердловской области на деле пользовался тем же объемом социальных, экономических и культурных прав, что и население национальных республик, например, Татарии или Башкирии. Он создал важнейший прецедент для других краев и областей России, тем самым подготовил предпосылки для становления в России подлинного федERALизма.

Соглашения, подписанные одновременно с договором, конкретизируют его положения и решают принципиальные вопросы

взаимоотношения области и федерального руководства. Они разграничивают полномочия в сфере государственной собственности, владения, пользования и распределения земельными, лесными и природными ресурсами на территории области, в вопросах бюджетных взаимоотношений, кредитной и инвестиционной политики, руководства оборонной промышленностью, агропромышленным комплексом, внешнеэкономическими связями, обеспечения законности, охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, пенсионного обеспечения, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, здравоохранения, управления объектами исторического и культурного наследия, финансирования науки, высшего и среднего профессионального образования.

Таким образом, названные соглашения охватывают практически весь спектр региональной социально-экономической политики и обладают ярко выраженной социальной направленностью, указывают конкретные пути решения региональных проблем для других районов страны. Например, установлено, что в федеральной собственности на территории Свердловской области находятся только те земельные участки, которые необходимы для выполнения функций, отнесенных Конституцией к компетенции РФ. Предусмотрено также, что 10% платы за загрязнение окружающей среды, перечисляемой предприятиями в федеральный бюджет, будет направляться на финансирование территориальных природоохранных органов, а 10% от добычи на территории области драгоценных металлов и камней может размещаться в третьих странах в качестве кредитного залога. Отныне в целях сокращения встречных финансовых потоков средства на финансирование федеральных программ на территории области будут поступать непосредственно через территориальное управление Казначейства, минуя Москву. Это даст возможность отойти от укоренившейся практики, когда налоги шли сначала в «общий котел», а затем возвращались частично или не возвращались совсем⁹.

Значительная работа по институционализации новой региональной социально-экономической политики проведена на местном уровне, что зафиксировано в Уставах и различных законодательных документах субъектов РФ. При всех различиях Уставы определяют статус республик и областей как субъектов РФ и являются основными законами в системе правового регулирования общест-

венных отношений, осуществляемого органами государственной власти регионов. Все другие правовые акты, независимо от того, кем бы они не принимались на данной территории, должны соответствовать Уставу. Уставы областей фиксируют равенство субъектов Федерации во взаимоотношениях с федеральными органами власти. Вне пределов ведения Российской Федерации области в лице органов государственной власти обладают всей полнотой государственной власти на своей территории и осуществляют собственное правовое регулирование.

Исполнительная власть области в лице ее правительства правоочна решать широкий круг социально-экономических проблем на своей территории, в частности: разрабатывать программы социально-экономического развития; готовить проект областного и консолидированного бюджета области; определять источники формирования доходов и направление расходов областных валютных и внебюджетных фондов; распоряжаться областной собственностью; проводить политику ценообразования и оплаты труда; реализовывать меры по развитию социальной сферы, росту благосостояния, охране труда и здоровья населения, организовывать систему социальной защиты населения и обеспечивать ее функционирование; осуществлять мероприятия по развитию жилищно-коммунального хозяйства, транспорта и связи; обеспечивать выполнение программ по охране природы, рациональному природопользованию и т.д.¹⁰

Если обратиться к распорядительным актам местных администраций, регламентирующим социально-экономическое развитие регионов, то окажется, что их спектр очень широк — от сугубо экономических проблем до социальной защиты населения и многообразных аспектов культуры. В большинстве областей созданы ассоциации директоров, комитеты содействия малому бизнесу, по поддержке науки и др., которые ведут целенаправленную работу по решению конкретных вопросов в своей сфере. Например, правительством Свердловской области разработана концепция социальной защиты населения с низкими доходами и программа адресной помощи ему, которая легла в основу областного закона «Об адресной социальной помощи». На основе постановления Главы администрации от 14 марта 1995 г. в части реализации областного закона «О дополнительных мерах социальной защиты ветеранов Свердловской области» из областного бюджета выделено свыше 30 млрд

руб. на льготы по оплате жилья и коммунальных услуг и др. льготы¹¹

Складываются органы межрегиональной интеграции субъектов РФ (Ассоциация экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона, Сибирское соглашение и др., деятельность которых имеет принципиальное значение в условиях рыночных реформ. Ассоциации прилагают немалые усилия для того, чтобы выразить интересы больших регионов, отстоять их перед федеральной властью, смягчить последствия раз渲ала старых экономических связей. Ассоциация экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона образована в соответствии с распоряжением Председателя Верховного Совета РСФСР от 9 июня 1991 г. по предложению органов государственного управления Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской и Челябинской областей. В сентябре 1994 г. в ее состав вошли Башкирская и Удмуртская республики и Тюменская область. Основными задачами Ассоциации являются координация действий территориальных органов государственного управления по осуществлению экономических реформ, разработка и реализация межрегиональных программ. Только в 1995 г. проведено 4 заседания совета Ассоциации в городах Кургане, Уфе, Тюмени, Оренбурге с участием руководителей исполнительных и законодательных органов территорий, представителей федеральных органов власти. Было рассмотрено свыше 40 вопросов. Из них главные: разграничение полномочий между органами государственной власти РФ и ее субъектов; координация конверсии; создание и развитие зернового хозяйства; интеграция экономики территорий; охрана окружающей среды и природных ресурсов; экологическая безопасность; решение проблемы неплатежей; энергоснабжение и энергосбережение; усиление кооперации между нефтегазовым комплексом и машиностроительными предприятиями Урала; развитие воздушного транспорта.

Работа по институционализации региональной социально-экономической политики только набирает силу. Она встречает на своем пути много трудностей и прямого противодействия со стороны различных политических сил и административных структур. Достаточно вспомнить, с каким трудом, натисками и откатами, победами и поражениями осуществлялись выборы губернатора в Свердловской области, формирование нормативно-правовой базы

уставных документов и, конечно же, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Федерации и Свердловской области. Теперь Свердловская область, весь Урал лидируют в новом процессе. Однако он очень далек от завершения, изобилует трудностями и ошибками.

Остается много нерешенных проблем регионального развития, неясны пути их институционализации, распространения опыта одних регионов на другие. Пока в России доминируют взгляды о том, что регионы являются субъектами региональной политики, в большинстве стран мира они считаются ее объектами. Как, например, быть с Сибирью, северными территориями, которые не могут объективно и не имеют права замкнуться на своих интересах. Отстраненность Федерации от их судьбы, упование на рыночные «крычаги» может привести к деградации их производственного потенциала и обездвижению. «Проедание» основных производственных фондов Сибири уже перешло в стадию их быстрого разрушения — реальный объем капиталовложений за годы реформ сократился в 4 раза и стал в 2,5 раза меньше, чем необходимо для простого воспроизводства основных производственных фондов¹². Видимо, здесь пока не обойтись без государственного регулирования. Оно необходимо как региону, так и государству, получающему основные валютные резервы за счет сибирских ресурсов. Кроме того необходимо учитывать принципиально новое геополитическое положение Сибири после распада СССР.

С всей остротой стоит проблема депрессивных регионов, которым трудно выйти из этого состояния, опираясь только на собственный суверенитет, без государственной поддержки. Необходим разумный государственный протекционизм в отличие от субъективной раздачи привилегий, которая еще сохраняется.

Таким образом, из краткого анализа проблем институционализации региональной социально-экономической политики в специфических условиях переходного периода России можно сделать вывод о том, что она снимает наиболее острые вопросы в одних регионах и обостряет их в других. Нынешняя институционализация направлена преимущественно на закрепление прав и преимуществ отдельных относительно благополучных и адаптированных к рынку регионов, что ведет к опасности их замыкания, снижению интенсивности межрегиональных связей, тогда как перспектива за хоро-

шо отложенным общероссийским рынком. В конечном счете выход страны из кризиса в значительной степени будет зависеть от действенности региональной политики и здравых принципов обновленного федерализма.

Примечания

1. Алексеев В.В. Региональные проблемы России в исторической динамике // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. – Екатеринбург, 1995. – С.18–17.
2. Курсив. Информационно-аналитический бюллетень. – Екатеринбург, 1995. – С.5.
3. Постфедерализм и региональная политика. – Екатеринбург, 1994. – С. 8.
4. Селиверстов В.Е. Современные тенденции региональной политики в России // Регион, 1995. № 3. – С.27, 30.
Урал. Политика, экономика, право. Аналитический обзор, декабрь 1995 — январь 1996. № 1 (16). – Екатеринбург, 1996. – С. 98–99.
6. Там же. – С.6–8.
7. Там же. – С.11–12.
8. Там же. – С.13–14.
9. Там же. – С.103–105.
10. Урал политический — 95. Информационно-справочный сборник. Екатеринбург, 1995. С.7–42, 51–80, 91–104, 135–168, 191–230, 249–272, 381–406, 425–464.
11. Урал политический... – С.145–146.
12. Анфимов Н.П., Бобылева Н.В., Ершов Ю.С., Мельникова Л.В. Анализ динамики основных экономических и социальных показателей регионов Сибири в 1990–1994 гг. // Регион, 1995. № 4. – С.64.

*Институциональные аспекты
регионализма в общеевропейском
контексте. II бельгийско-российский
научный семинар. Екатеринбург, 1–9 июля
1996 г. – Екатеринбург 1996. – С.13-22*

ФЕДЕРАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗМ В РОССИИ: СИНОНИМЫ ИЛИ АНТИПОДЫ?

Федерализм и регионализм едва ли не самые распространенные слова в политическом лексиконе конца XX века. Они на устах политиков и дипломатов, ученых и журналистов. А в народной жизни эти явления затрагивают интересы многих миллионов людей в разных частях планеты, часто выливаясь в кровавые столкновения и затяжные национальные конфликты.

Причины и следствия такого положения вскрывались ни в одном сочинении представителями разных политических направлений и научных школ. Однако, в многочисленных публикациях на эту тему нет единства в толковании названных терминов, что нередко приводит к искажению их смысла. В данной связи важно определить объем и соотношение понятий «федерализм» — «регионализм»; «субъект федерации» — «регион». Это особенно необходимо сделать для таких больших и самобытных стран как Россия, где исторически и функционально названные понятия наполняются специфическим содержанием.

Русская история между централизацией и децентрализацией

В истории России всегда действовали два противоположных процесса: центростремительный и центробежный или централизованный и децентрализованный. Внимание историков преимущественно привлекал первый процесс — централизации, складывания единого государства, его бюрократической унификации. Между тем, области, которые подвергались колонизации и интегрировались в единое государство, не без трений принимали власть Москвы и систематически питали сепаратистские настроения. Второй процесс тоже требует своего изучения, особенно в современных условиях обострения региональных проблем.

С самого рождения Россия была многонациональным государством. Древняя Русь IX–XII вв. объединяла более 20 различных народов. Во времена феодальной раздробленности (XIII–XV) исконно русские земли представляли собой многочисленные самостоятельные княжества со своими границами и порядками, которые долго давали о себе знать уже после образования централизованного государства. В XVI–XVII в.в. Русское централизованное государство

вобрало в себя поволжские ханства и Сибирь, часть Северного Кавказа, населенного многочисленными народами, а также территорию Украины. Позднее Имперская Россия завершила формирование многонационального государства, включив в его состав народы Закавказья, Средней Азии, Прибалтики, Юго-Западных окраин, Польшу и Финляндию. В конечном итоге она заняла огромное вмещающее пространство Евразии от Балтики до Тихого океана, не сталкиваясь на этом поприще с крупными мировыми империями. Ее границы были надежно защищены окраинным геополитическим положением, а неисчислимые природные богатства позволяли прочно удерживать политico-экономическую стабильность в государстве.

В его структуре находились регионы с существенно различимися экологическими условиями, хозяйственно-экономическими потенциалами, этнографическим и конфессиональным составом населения. Правительству постоянно приходилось решать вопросы увязки общероссийских административно-правовых стандартов и регионального разнообразия. Так, в первой половине XIX в. в Сибири учреждаются региональные образования — генерал-губернаторства (Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское). Оформившая этот процесс реформа М.М. Сперанского, включала моменты децентрализации (предоставление широких полномочий генерал-губернаторам). В известной мере институт генерал-губернаторов противоречил министерской системе управления. Необъятность прав и обязанностей генерал-губернаторов на практике превращала их в противовес всесилию министерств. Они были единственной силой, которая могла противостоять ведомственным сатрапиям. Эта позиция нередко диктовалась личными амбициями, но чаще всего она была обусловлена отстаиванием интересов региона. При этом можно было опираться на статью закона, гласившую, что «никакая новая мера или особое распоряжение, относящееся для благоустройства, общей пользы и казенного интереса в крае, вверенном генерал-губернатору, не предпринимается иначе, как по предварительному истребованию соображений и заключений генерал-губернатора». Оптимальной являлась ситуация, когда министр представлял интересы страны, генерал-губернатор — интересы края. В конце XIX в. за сибирскими генерал-губернаторами (Иркутским, Приамурским, Степного края) сохранялось в отноше-

нии постановлений законодательных и высших административных органов право представления о неудобстве в их исполнении и об их изменении сообразно с местными условиями и нуждами.

Отличительные черты имела система управления в окраинных регионах, которые существенно отличались от центральных по национальному составу, уровню культурного развития, историческим и политическим параметрам. На рубеже XIX–XX вв. большая часть России имела систему управления на особых началах, отличных от тех на основании которых было организовано управление в коренных русских губерниях (Финляндия, Царство Польское, Кавказ, Закаспийская область, Туркестанский край, Степной край, Уральская и Турагайская область, Сибирь). Степень культурного и политического развития присоединяемых земель была различной. Отдельные из них имели уже хорошо организованное административное устройство. В политическом отношении некоторые стояли даже выше России. Поэтому нередко в присоединяемых местностях оставлялось прежнее административное устройство или вводилось новое, согласованное с условиями местной жизни. (Финляндия, Царство Польское, Остзейские губернии и пр.). Такой образ действий со стороны российского правительства обуславливается прежде всего желанием сохранить за собой приобретенные земли.

Новое значение приобрел вопрос о силах децентрализации в истории революционного движения, начиная с декабристов. Последние разработали два проекта преобразования империи — унитарный и федералистский. Первая точка зрения получила отражение в «Русской Правде» Павла Пестеля. Он считал основным недостатком федеративного государства слабость власти. По его мнению, федеративное устройство было неприемлемо для России, состоявшей из разнородных в социально-экономическом, этноконфессиональном, политико-административном плане регионов. Федералистский проект был разработан Никитой Муравьевым — другим представителем движения декабристов. Согласно этому проекту Россия делилась на области, приблизительно соответствовавшие генерал-губернаторствам. Деление также осуществлялось на территориальной, а не национальной основе.

Позднее — в конце 1870- гг. идеи территориально-областного устройства защищал видный деятель украинского движения М.Драгоманов. Свои взгляды он изложил в проекте устава украин-

ского Вольного Союза. Согласно этому проекту, Россия должна делиться на области «сообразно совокупности географических, экономических и этнографических условий». Он утверждал «Терпешние губернии, выкроенные для чисто административных целей и по канцелярским соображениям представляются единицами, совершенно неудобными для интересов земских. Земская единица, средняя между уездом и государством, должна бы соединять в себе следующие условия: 1) обнимать собою края, однородные по характеру земли и населения; 2) быть достаточно населеною, чтоб иметь средства для удовлетворения потребностей местных, но все же совершенно непосильных уезду; 3) достаточно обширою, чтобы ее представительство стояло в известном отдалении от более мелких дел уезда и в то же время, чтобы оно могло иметь вес перед государством». Удовлетворяющей этим условиям земской единицей являлась область, которая должна была делиться на уезды и волости. В каждой из этих единиц образуются думы и управы. Верховным законодательным органом должны были быть две думы — государственная и союзная. Первая является общегосударственным представительством, вторая выражает федеративное начало и состоит из депутатов, избранных областными думами. Таким образом, здесь федеративное начало также не совпадало с принципом национального самоопределения. М. Драгоманов был убежденным сторонником украинской автономии, но понимал ее как культурное самоопределение в пределах территориальной экономико-географической единицы.

Группа «Народной воли» также включала в свою программу принцип областного деления: «Русское государство по характеру и условиям жизни населения делится на области. Самостоятельные во внутренних своих дела, но связанные в один общегородской союз. Внутренние дела областей ведаются областными управлениями; дела же общегосударственные — союзным правительством». В то же время программа «Народной воли» признавала и принцип национального самоопределения: «Народы, насильственно присоединенные к русскому царству, вольны отделиться или остаться в общегородском союзе».

С развитием революционного движения в конце XIX — начале XX вв. принцип национального деления начинает доминировать над принципом территориального устройства. Один из основных

пунктов программы социал-демократов (пункт 9, принятый на втором съезде РСДРП) «Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Программа эсеров предусматривала установление демократической республики. «с широкой автономией областей и общин, как городских, так и сельских: возможно более широкое применение федеративных отношений между отдельными национальностями, признание за ними безусловного права на самоопределение».

Международные конфликты и социальные потрясения первой четверти XX века нарушили былое равновесие региональных структур. Ослабление центральной власти в результате первой мировой войны и революции послужило мощным катализатором сепаратистских процессов, но советской власти удалось в конечном счете сохранить политическое единство бывшего имперского пространства. Однако это было сделано дорогой и не оправдавшей себя ценой. Принцип самоопределения наций явился временной уступкой сепаратизму, заложил мину замедленного действия под целостность страны. Она взорвалась после того, как местные элиты набрали для этого достаточно сил. Парадокс заключается в том, что чем больше центральное правительство шло на уступки этим элитам, тем больше они отдалялись от него. По всей видимости изначальный реальный федерализм мог привести к другим, более конструктивным результатам.

Советская региональная политика

В первые годы своего существования Советская власть приступила к решению трех проблем региональной политики: национально-государственному строительству; районированию и новому административно-территориальному устройству; выравниванию уровня экономического развития ранее отсталых территорий.

Первая проблема решалась в соответствии с ранее провозглашенным принципом самоопределения наций, что привело к образованию Союза Советских Социалистических республик вместо старой Российской империи. Это был крупный шаг на пути демократического решения национального вопроса, но на практике с равноправием в условиях тоталитаризма возникли большие трудности.

Решение второй проблемы началось в середине 20-х годов. Стали создаваться крупные экономические районы: Уральская область, Восточно-Сибирский и Дальневосточный край, которые оптимально для того времени соединяли промышленное и сельскохозяйственное производство, образовывали единые народно-хозяйственные комплексы, ориентирующиеся на сокращение перевозок, привлечение сюда недостающих трудовых ресурсов.

В третьей проблеме, связанной с выравниванием уровня развития ранее отсталых территорий, просматриваются две противоположные тенденции. С одной стороны, достигнут безусловный прогресс. Большинство из них за годы Советской власти превратились из ранее глухих углов в современные индустриальные районы. С другой же стороны, эти территории несут на себе печать ярко выраженных извращений советской эпохи, причем в более крупных масштабах, чем старо-промышленные регионы, главным образом в области нарушения экологического равновесия и этнодемографического развития.

Таким образом, великая Россия — это многовековая история унитарного государства, несмотря на некоторые отклонения от него как в имперский, так и в советский периоды. До конца XX в. не только не сформировались подлинно федеративные структуры, но даже не возникли их реальные проекты. Такое положение объясняется спецификой этой страны, заключающейся в громадных просторах ее территории, на которой могли разместиться десятки самостоятельных государств и необходимостью постоянно отстаивать свою независимость от многочисленных нашествий, что неизменно заставляло укреплять централизованное управление. Федерализму не способствовали так же тоталитарный политический режим и отсутствие экономической свободы.

Ситуация принципиально изменилась со второй половины 80-х годов под влиянием внешних и внутренних факторов. Измотанная противостоянием США и их союзников, измощденная неудачным социалистическим экспериментом, потеряв кредит доверия народа, страна утратила мобилизационный ресурс для сохранения своей целостности, возобладали центробежные тенденции, что привело к развалу Советского Союза, был упущен шанс его конфедеративного устройства. Не последнюю роль в этих процессах сыграли ментальные факторы, характерные в конце XX века и для благополуч-

ных стран. Ныне все большее число людей в ответ на культурную унификацию стараются утвердиться в своей самобытности, демонстрируют растущую приверженность традиционным нормам и ценностям. И если общество и его институты не готовы к такому повороту событий, то естественное стремление к национальному, конфессиональному и региональному самоопределению оборачивается взрывом изоляционистских и сепаратистских настроений.

Постсоветский федерализм и регионализм

В постсоветский период безбрежная суверенизация теперь уже Российской Федерации до предела обострила региональные проблемы вплоть до образования принципиально новых структур типа Уральской Республики. Затем она была несколько умерена договорами о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и администрациями областного уровня. Пока в России доминируют воззрения о том, что регионы являются субъектами региональной политики, тогда как в большинстве стран мира они считаются ее объектами. Как, например, быть с Сибирью, северными территориями, которые не могут объективно и не имеют права замкнуться в своих интересах. Отстраненность Федеративного центра от их судьбы, упование на рыночные рычаги может привести к деградации их производственного потенциала и обезлюдению.

Исходя из сложного и противоречивого развития Российской Федерации, ограниченности опыта федеративных отношений, трудно делать обобщающие выводы о сущности ключевых понятий в данной области, но в этом есть острые необходимости как в теоретическом, так и в практическом плане, причем с учетом российских реалий. Попытаемся в данном контексте соотнести выше названные дефиниции «федерализм» — «регионализм».

Под федерализмом обычно понимается разграничение государственной власти по вертикали, что разрушает централизацию управления и монополизацию власти в стране. Это чрезвычайно важно для постсоветской России, стремящейся к построению демократического правового государства. Зарождение реального федерализма началось здесь с принятия Конституции 1993 г., которая зафиксировала перераспределение власти по вертикали преимущественно по национально-территориальному принципу. Хотя все

субъекты федерации формально равны, фактически национальные республики получили больше прав, чем «рядовые» края и области. Это заметно отличает Российскую Федерацию от аналогичных западных форм, напоминает ситуацию, имевшую место в бывшем Советском Союзе, и чревато новыми осложнениями. Несмотря на то, что в последние годы предприняты заметные шаги по преодолению такого положения, федерация в России в силу исторических причин формирования ее государственности заметно разнится от европейской и американской.

Федерализм чаще всего рассматривается в контексте с регионализмом. Понятие регион наиболее употребимое в современной литературе и вместе с тем наименее концептуализированное. По своему значению термин «регион» близок к русским словам «округ», «рай». Специфика региона определяется природно-географическими, экономическими, политическими, этно-лингвистическими и социокультурными факторами, но это определенный мысленный конструкт, используемый при планировании, административном управлении и т.д.

В «основных положениях региональной политики в Российской Федерации», утвержденных Указом Президента РФ в июне 1996 г. делается попытка максимально сблизить понятия «регион» и «субъект федерации» — главным образом в инструментальных целях, но неудача полного осуществления этой попытки состоит уже в том, что делается уступка понятию региона как многосубъектному образованию («Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации, либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации»). Слишком узкое, чисто управленческое понимание региона атакуется реальными процессами регионаобразования с двух сторон:

сверху — образованием межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия, в практике которых регион по существу характеризуется прежде всего экономико-географическим единством, целостностью воспроизводственного процесса, выраженной специализацией в общероссийском разделении труда;

снизу — субрегионализмом, часто перекрывающим границы нескольких субъектов федерации. Примером этого могут быть различные ассоциации городов, муниципальных образований.

Правда, в том же документе содержится представление о регионе как об интегральном территориальном единстве практически всех природных и социальных признаков («часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социо-экономических, национально-культурных и иных условий»), которое можно взять в качестве «рабочего» определения, по крайней мере для нынешнего этапа регионализма в России.

В принципе же «регион» есть категория, очерчивающая пространство. Оно может характеризоваться по самым разным основаниям и тем самым возникает бесконечное множество «регионов». Весь вопрос в том, какой конкретно из них мы рассматриваем и в каком соподчинении он находится с другими. Отсюда регион континента (Средняя Азия), регион страны (Урал, Фландрис, Бургундия, Бавария), регион региона (Север Западной Сибири), лесной регион, степной регион, горный регион, Заполярье и так далее до бесконечности. По этой причине вряд ли можно дать исчерпывающее определение региона, отвечающее единым интегративным признакам.

Другое дело — понятие «регионализм» (не путать с региональной политикой федеративного или унитарного государства), который с нашей точки зрения представляет собой политico-экономическое движение за самостоятельность территориальных сообществ в области социально-экономических и этно-культурных прав. Правда, не всякий регионализм выливается в подлинный федерализм (достаточно привести пример РСФСР), но всякий федерализм есть следствие регионализма. Следовательно, упомянутые понятия не являются синонимами. Но их нельзя назвать и антиподаами. Это самостоятельные категории, несущие близкую, но не одинаковую нагрузку.

Регионализация большинством авторов понимается как процесс последовательных изменений в территориальном делении общества и их законодательного фиксирования. Такое деление принимает форму деконцентрации — распределения властных полномочий внутри единого политического руководства и децентрализации — создание дополнительных центров управления в пределах территории государства. В идеале институты власти должны устанавливаться на том уровне, где они наиболее эффективны. Регионализм ведет к федерализму при условии отказа гегемонии одного из регионов

по отношению к другим в составе единого государства, а так же при решении проблемы этнических, религиозных и прочих меньшинств.

В такой огромной и разноликой стране как Россия регионализм, в отличие от федерализма, имеет более глубокие корни. Исторически наиболее давним и политически более крайним выражением регионализма была средневековая раздробленность, отголоски которой очень долго чувствовались после создания централизованного государства. В дальнейшем твердой рукой Москвы под лозунгом противостояния внешней опасности и упрочения единства государства решительно искоренялись всякие попытки регионализма. Так было при Романовых, Сталине и Брежневе. Однако на крутых поворотах истории таких как смута начала XVII в., революции начала XX века и депрессия его конца региональные проблемы всегда выходили на передний план

К сожалению они очень слабо изучены. Чтобы изменить ситуацию российская регионалистика должна кардинально расширить поле научного поиска. Прежде всего необходимо значительно усилить ее политологическое и культурологическое направления, добиться действительно комплексного подхода к исследовательской практике. Другим важным резервом повышения эффективности региональных исследований является увеличение их временного горизонта.

И в заключение коснемся еще одной конкретной проблемы, поставленной в начале нашего текста — соотношения понятий «регион» и «субъект федерации». Нам представляется, что субъект федерации — понятие чисто юридическое, а регион — экономико-географическое. Из этого следует, что они не тождественны. Не каждый регион становится субъектом федерации, но каждый субъект федерации является большим или меньшим регионом. В России 89 субъектов федерации, а экономико-географических регионов только 10. На территории одного Уральского экономико-географического района 7 субъектов федераций (пять областей и две республики). Такая ситуация не вяжется с западными представлениями, например с землями в Федеративной Республике Германии. Вопрос видимо в том, что советское районирование преследовало в 30—40 гг. XX в. совсем другие цели, нежели немецкое после второй мировой войны.

Следует учитывать, что современные или относительно близкие к современности, исторически новые федеративные государства, как правило создавались путем «технического» решения проблемы федерализма — обеспечения для субъектов федерации относительно одинаковой меры близости уровня принятия решения к населению, примерно одинаковой территории, сопоставимого по мощи экономического потенциала и т.п. Так происходило образование ряда федеральных земель в Германии после второй мировой войны. Некоторые исторические земли(регионы) вроде Баварии, сохранились в качестве федеральных земель, а другие, такие как слишком мощная Пруссия были разделены в 1947 г. На ее месте возникли в частности земли Северный Рейн-Вестфалия, Нижняя Саксония. Этот процесс продолжается и в последнее время, когда из 14 административных округов бывшей ГДР созданы 5 новых федеральных земель. В рамках «новообразованных» федеральных земель практически заново развиваются процессы региона образования, формирования региональной идентичности. Фактически между процессами региона образования и федерализации всегда наблюдается исторический, временной разрыв, дистанция, хотя в рамках субъектов федерации идут постоянно новые процессы региона образования. «Ось» взаимодействия обоих процессов — политико-административное структурирование национальной, государственной территории.

Мы убеждены, что в России будущее за крупными культурно-региональными комплексами, которые в силу общности исторических судеб и длительного социально-экономического взаимодействия обладают устойчивыми этно-демографическими связями, а социально-экономические институты, общественное сознание, культура труда и быта их населения имеют сходные черты и составляют единое историко-культурное пространство, которое создает препятствие на путях деструктивных процессов в политической сфере.

*Federalism: Choices in Local Institutions and Policy. A Comparative Approach with Focus on the Russian Federation. – Leuven, 1998.
P 49-58*

РЕГИОН—ЭТНОС—КУЛЬТУРА: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В XX ВЕКЕ

Россия формировалась как крупное и могущественное государство за счет присоединения многочисленных территорий с различными природно-климатическими, социально-климатическими и национально-религиозными условиями. За многовековой период совместного существования они адаптировались друг к другу, но не настолько, чтобы потерять свое естественное своеобразие. Эта разноликость особенно рельефно проявляется на крутых поворотах истории, когда обостряются старые противоречия, возникают новые. Яркий пример тому — нынешние реформы, особенно когда они спустились с макроуровня государства в конкретные, часто диаметрально противоположные условия различных территорий. Региональные и национальные проблемы приобрели решающее значение. более того они тесно переплелись, что требует компаративного исследования.

Однако, пока таких публикаций пока нет. Названные проблемы по-прежнему нередко рассматриваются изолированно друг от друга, тогда как они имеют много общего. Предметом анализа отечественной историографии являются как правило колонизационные процессы, национальные отношения в традиционном понимании, социально-экономическое развитие России, а итогом — некоторое приращение фактического знания, но не извлечение опыта регионального управления и этнических отношений.

Поэтому сегодня важно для начала разобраться какое наследство нам досталось от старой России, какие новые деформации допущены в советский и постсоветский период. Поскольку в одной публикации невозможно решить весь комплекс проблем, сосредоточим внимание на наиболее типичных, сквозных, прежде всего касающихся этноса и культуры.

Региональные и национальные проблемы существовали в России всегда, поскольку она сложилась как огромное многонациональное государство. Бесконечные завоевания, перманентное расширение империи, включение в нее все новых и новых народов, которые не успевали адаптироваться к необычным условиям, тормозили процесс формирования русской нации. Особую остроту приобрели региональные проблемы в XX веке. После революции

1917 г. на поверхность выплеснулось то, что держал под спудом царский режим: национализм, сепаратизм, классовая ненависть. Националистические и сепаратистские движения, опирающиеся на классовый антагонизм, привели к полному отторжению от Российской империи ряда территорий (Польша, Финляндия), а некоторых — к временному (Прибалтика, Западная Украина). Отдельные народы (Кавказа и Средней Азии) получили самостоятельность, а потом, в силу затруднительности автономного существования, снова вошли в состав России, что напоминает нынешнюю ситуацию в СНГ.

Создание Союза Советских Социалистических республик было крупным шагом на пути демократического решения национального вопроса, но на практике равноправия не получилось. В условиях тоталитарного государства советские республики были подчинены диктату Кремля. В результате, с одной стороны, они получили крупные капиталовложения для развития своей экономики и культуры, что должно было отвечать общегосударственным интересам, а с другой стороны — ущемление национального достоинства стало питательной средой для нарастания недовольства со стороны быстро развивающихся местных элит. Парадокс заключался в том, что чем больше Москва вкладывала средств в развитие республик, тем дальше они отходили от нее, и в конечном итоге, выйдя из состава СССР, разрушили его. Конечно, рассматриваемый процесс был на практике многое сложнее, чем он представлен в этой краткой схеме. В данном контексте достаточно ограничиться констатацией того, что большевистская идея права наций на самоопределение в условиях тоталитарного государства не оправдала себя и привела к его развалу.

Много внимания уделялось выравниванию уровня развития ранее отсталых территорий. Здесь просматриваются две противоположные тенденции. С одной стороны, в их экономику вложены огромные средства. Только затраты на создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, по первоначальным ориентировочным подсчетам, составляли 30–32 млрд руб., что в 6–7 раз больше суммарных капитальныхложений в хозяйство Урала и Западной Сибири, реализованных в довоенные пятилетки¹.

Такой подход способствовал быстрому социально-экономическому прогрессу окраин. Большинство из них, как национальные ав-

тономии, так и русские области, за годы Советской власти превратились из ранее глухих углов и патриархальных провинций в современные индустриально развитые районы с разветвленной социокультурной инфраструктурой, что не требует особых доказательств; по крайней мере они в изобилии приводились в советской печати. С другой же стороны, эти территории несут на себе печать ярко выраженных негативов советской эпохи, причем в более крупных масштабах, чем старопромышленные регионы.

Широкий фронт хозяйственного освоения восточных районов актуализировал миграционные потоки населения. Между переписями населения 1926 и 1939 гг. численность жителей Сибири выросла более чем на 1/4. Сюда ехали не только по своей воле. На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке существовали десятки лагерей, где томились сотни тысяч политзаключенных. На Колыме их количество за 1932–1939 гг. выросло с 10 до 117 тыс. чел.² Это накладывало негативный отпечаток на политическое, социально-экономическое, демографическое, морально-нравственное состояние таких регионов. В ходе второй мировой войны и сразу после нее в указанные районы прибыли миллионы эвакуированных, сотни тысяч репрессированных советских граждан и десятки тысяч военнопленных разных стран. Такой «десант» отнюдь не способствовал социально-экономическому и морально-психологическому имиджу восточной провинции.

В 50–70 гг. в ходе строительства уникальных гидростанций, нефтяных и газовых промыслов, атомных и других военно-промышленных объектов в Азиатскую Россию прибыли дополнительные миллионы людей из европейской части страны. Причем, далеко не все они оседали здесь, а часто создавали волны неоправданной миграции с тяжелыми последствиями для региона. За 25 лет, предшествующих рыночным реформам, через Тюменскую область, где велось активное нефтегазовое строительство, «прошло» более 10 млн человек, тогда как осталось на постоянное местожительство не более 1 млн человек.

С одной стороны, массовый приток населения способствовал экономическому развитию территории, а с другой стороны, создавал дополнительное напряжение для нее. Край богатейших природных ресурсов и девственной природы, резервная территория государства, превращался в многочисленные очаги экологического

бедствия, что наносило огромный вред всем народам, особенно аборигенным. Для людей не хватало жилья, объектов соцкультбыта. Стоимость жизни здесь была на 35–50% выше, чем в Европейской России. Резко возросший процент новопоселенцев из разных республик Советского Союза заметно деформировал этнодемографическую структуру населения национальных районов Урала, Сибири и Дальнего Востока, послужил предпосылкой обострения здесь региональных и национальных проблем.

Постсоветское время, конкретнее реформы 90-х гг. характеризуются их всплеском, что проявилось прежде всего в разрыве хозяйственных, а также социокультурных связей регионов, в трансформации национального вопроса в территориальный. Экономический и национальный сепаратизм, произвол в переделе собственности, перекосы во внешней торговле, неконтролируемая инфляция, ценные парадоксы, неизвестное возрастание транспортных расходов в условиях огромных расстояний привели к катастрофическому нарастанию межрегиональных диспропорций, национальной недоверчивости. Рыночный механизм их выравнивания не срабатывал, хуже того, в такой огромной стране, как Россия, с ее полярно различными климатическими зонами и неравномерной социально-экономической освоенностью регионов, он привел к критическим ситуациям в разных частях страны.

В Сибири и на Дальнем Востоке началась деградация производственного потенциала и обездыевание территорий. «Проедание» основных производственных фондов в Сибири уже перешло в стадию их быстрого разрушения — реальный объем капиталовложений за годы реформ сократился в 4 раза и стал в 2,5 раза меньше, чем необходимо для простого воспроизведения основных производственных фондов³. Рыночная стихия последних лет поставила отдаленные районы, особенно северные, в невыносимые условия. По некоторым подсчетам численность населения Сибири и Дальнего Востока может уменьшиться в начале следующего века в 3–4 раза, что чревато потерей над ними юрисдикции России. Поэтому проблема если не увеличения населения Востока России, то хотя бы его стабилизации приобретает общенациональное значение.

Нарастание региональных проблем в условиях рыночных реформ приходится констатировать и в таком казалось бы благополучном и спокойном регионе как Урал. Это один из самых индуст-

риально развитых районов России, на долю которого в 1990 г. приходилось 15,6% ее промышленного производства, причем 1/3 составляла быстро прогрессирующая отрасль машиностроения. Здесь сосредоточены почти четверть предприятий военно-промышленного комплекса страны. Крупные масштабы военного производства на Урале, с одной стороны, стимулировали развитие его производительных сил, привлечение инвестиций и людских ресурсов, формирование большой армии высококлассных специалистов, а с другой стороны, привели к значительному исчерпанию его природных ресурсов, чрезвычайному обострению экологической ситуации, уродливому деформированию структуры экономики и занятости населения, что привело к крайнему обострению региональных проблем.

В современной ситуации, когда произошло резкое снижение оборонных заказов, вплоть до полного отказа от них, эта отрасль экономики и занятые в ней миллионы людей оказались в невероятно трудных условиях, ведущих к крайней социальной напряженности. Либерализация цен на Урале, в отличие от других регионов, обладающих дефицитными природными ресурсами, пользующимися высоким спросом на мировом рынке, а также районов, эффективно удовлетворяющих свои текущие потребности за счет внутренних ресурсов, нанесла большой ущерб экономике, в связи с тем, что его промышленность имеет длительный производственный цикл и ориентирована на удовлетворение инвестиционных потребностей. Начавшийся в 1990 г. экономический спад особенно углубился в 1993 г. Объем промышленного производства в Свердловской в 1990 г. составил к уровню 1989 г. 97,7%; в 1991 г. — 95,6%; в 1992 г. он был уже на уровне 67,6%, а в 1993 г. составил 56,1%⁴.

Начало реформ ознаменовалось безудержной «суверенизацией» территорий Российской Федерации. Призыв Президента «брать столько суверенитета, сколько они могут проглотить» поставил национальные республики России в преимущественное положение перед «рядовыми» регионами, не имеющими национально-государственного статуса, и привел к противостоянию между этими группами субъектов Федерации. Особую остроту приобрел вопрос о масштабах налоговых отчислений в Федеральный бюджет. Региональные политики неоднократно поднимали вопрос о том, что эти отчисления должны быть одинаковыми для всех субъектов Федера-

ции. Между тем, по утверждению например уральцев, Татарстан платил 14%, Башкортостан — 26%, а Свердловская область — 51%. Легко представить в какие громадные суммы это выливалось, учитывая мощь ее экономики. Коллизии подобного рода являлись питающей средой для противопоставления этнических и региональных интересов.

Положение осложнялось еще и тем, что сами «рядовые» регионы оказались в неравном положении. Одни имели высокоразвитые отрасли экономики или богатые сырьевые ресурсы, другие обладали слабым производственным потенциалом и не находили рыночного спроса на свою низкокачественную продукцию. Недовольство региональных элит накаляла раздача привилегий одним регионам за счет других. Все это до предела обострило региональные проблемы и потребовало их скорейшего разрешения тем или иным способом — с участием регионов или без такового, исключительно волевым диктатом центра.

Регионально-политические и регионально-экономические проблемы постоянно взаимодействуют с этническими и культурными. Они тесно связаны и дополняют друг друга, составляя единое поле региональной политики. Выше уже отмечалось, как болезненно реагировали на региональные перестройки национальные отношения. Теперь попытаемся проследить их взаимосвязь.

В 20-е гг. в связи с национализацией земли автохтоны лишились собственности на хозяйствственные угодья, а затем в ходе коллективизации и собственности на основные средства производства. Разрушению систем землепользования и общественных отношений способствовали массовые репрессии 20—40-х гг., вызвавшие неупорядоченные миграции населения, социальный и психологический хаос. Политика огосударствления деформировала механизм традиционной культуры. Болезненными для традиционных культур явились меры по введению всеобщего обязательного среднего образования. Интернаты и неадаптированные к этническим культурам учебные программы нарушили механизм межпоколенной передачи опыта. Эти поколения коренных жителей во многом утратили элементарные навыки жизнедеятельности (ориентация на местности, выбор и освоение промысловых угодий, содержание домашних животных и т.д.) и с трудом адаптируются к традиционным видам хозяйственной деятельности. В результате резко сократился удельный

вес (до 40%) трудоспособного населения Сибири, занятого в сфере традиционного хозяйства, составляющего основу этнокультурных комплексов. Продолжительность жизни коренного населения на 10–15 лет короче, чем в целом по стране. Следовательно, идет процесс «люмпенизации» и деэтничации северных народов⁵.

Негативное влияние на автохтонов, так же как и на русское население, оказали геополитические акции, связанные с индустриально-ресурсным, транспортным освоением северных территорий, отчуждение земель под нужды обороны и карательных ведомств (система ГУЛАГа и др.), что вызвало значительное сокращение площади хозяйственных угодий, нанесло ущерб биоресурсам, создало условия для неупорядоченных миграций новопоселенцев и утраты коренными жителями реальных прав владения и пользования исконными территориями.

Массовые политico-экономические кампании по созданию во вновь осваиваемых районах индустриальных и аграрных комплексов вызвали деформации местных этно-территориальных структур, появление в их среде иноэтнических анклавов, серию миграционных бумов. В ряде регионов сформировались совершенно новые этно-территориальные образования, не отличающиеся прочностью и стабильностью.

Все это требует целенаправленного и глубокого изучения, для чего необходимы специальные исследовательские процедуры. С этой целью еще в 1991 г. мы предложили в качестве объекта исследования культуру регионального сообщества⁶. Культура в данном случае понимается как способ жизнедеятельности, а предмет исследования интерпретируется как процесс его развития в длительной исторической ретроспективе. В качестве выхода из создавшейся критической ситуации предлагается активизация культурологического фактора, под которым понимается ориентация и деятельность лиц, играющих роль в производстве и распределении духовных ценностей, задающих образцы поведения в общественной жизни, определяющей содержание социальных институтов.

В связи с активным вхождением в научный и политический оборот понятий «единое экономическое, политическое, военно-стратегическое и экологическое пространства» встает вопрос о единстве историко-культурного пространства. Он упирается в противоречивый характер формирования российской государственно-

сти, сочетающего в себе моменты единства и многообразия. Россия интегрировала в себя не только ряд относительно самодовлеющих локализованных этнических общностей, но и историко-географические ареалы, связанные цивилизационным комплексом отношений с иными мировыми культурными центрами, лежащими за пределами границ России. Для ряда ираноязычный и тюркских народов подобными центрами историко-культурного тяготения является ближневосточное исламское общество. Некоторые народы Нижней Волги, Южной Сибири, Забайкалья принадлежат в историко-культурном отношении к центральноазиатской ламаистской традиции. Надо реально смотреть на то, что это закладывает в межэтнические отношения синдром культурной (а в нынешней ситуации и политической) центробежности ряда территорий России.

В составе самого русского этноса, составляющего более 84% населения Российской Федерации, выделяются и более или менее самоидентифицируются различные этнокультурные сообщества, специфика которых определена исторически. Например, признаки обоих культурно-исторических общностей до сих пор сохраняют территории бывших казачьих «войсю». Еще большей спецификой обладают национально-государственные образования, созданные на территории компактного проживания нерусскоязычных этносов. С «коренными» жителями себя идентифицируют 42% населения автономных республик и 21% населения автономных областей. В округах этот показатель снижается до 10%. Все это позволяет говорить о складывании в Российской Федерации ряда региональных историко-культурных комплексов.

Они есть результат взаимодействия природно-климатических, этно-демографических, историко-генетических, социально-экономических, политических факторов. Совокупность культурно-региональных комплексов, которые в силу общности исторических судеб и длительного взаимодействия обладают устойчивыми этно-демографическими связями, а социальные институты, общественное сознание, культура труда и быта их населения имеют сходные черты и составляют единое историко-культурное пространство. Оно создает препятствие на путях деструктивных процессов в политической сфере. Под воздействием внешних факторов и внутренних особенностей развития, его характерные черты, структура и границы подвержены изменениям. Более того, при стечении небла-

гоприятных обстоятельств историко-культурное пространство может распасться. Задача ученых и управленицев заключается в том, чтобы не допускать этого.

При таком подходе признание реальности единого историко-культурного пространства России зависит от того, в каком соответствии находятся между собой факторы дифференциации и историко-культурного единства. В недавнее время оно связывалось не столько с процессом реального духовного сближения народов, сколько с их взаимодействием в единых политических границах, т.е. с государственным принципом. К чему это привело, хорошо известно. Поэтому задача заключается в том, чтобы основательно изучить эти процессы и целенаправленно на них воздействовать в правильном направлении.

Примечания

1. Экономические проблемы развития Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 33.
2. См.: Алексеев В.В. Освоение Сибири: исторический опыт и современность. Материалы к X Международному Конгрессу экономической истории. – Свердловск, 1990.
3. Анфимов Н.П., Бабилова Н.В., Ершов Ю. С., Мельникова А.В. Анализ динамики основных экономических и социальных показателей регионов Сибири в 1990–1994 гг. // Регион, 1995, № 4. – С. 64.
4. Региональный рынок. Предпосылки формирования и функционирования. – Екатеринбург, 1995. – С. 24.
5. Перспективы социокультурного развития Российского Севера. – Екатеринбург, 1992. – С.52-53.
6. См. подробнее: Алексеев В.В., Артемов Е.Т., Дубнов А.П. Исторический опыт развития национально-территориальных образований: культурологический аспект. – Свердловск, 1991.

Публикуется впервые

Введение.

Двадцатый век уходит в лету как один из самых противоречивых в человеческой истории. К числу таких противоречий относится региональное развитие. С одной стороны, благодаря гигантской научно-технической революции, неизвестно изменившей средства транспорта и связи, чрезвычайно интенсифицировалось человеческое общение. Самые отдаленные уголки планеты стали доступны практически любому человеку, что привело к беспрецедентной унификации товаров и услуг, стиранию различий в духовных ценностях и даже политических пристрастиях. Возникли транснациональные корпорации, мировые политические и культурные организации: ООН, НАТО, ЕЭС, ЮНЕСКО и т.д. На первый взгляд сглаживается былое национальное, конфессиональное, региональное противостояние. С другой стороны, наблюдается противоположный процесс — обострение региональных противоречий, в основе чего лежат опять таки национальные, конфессиональные, экономические, политические, социокультурные интересы, выраженные в новом интегративном движении — регионализме.

Его зарождение относится к середине XIX в., когда был завершен процесс образования крупных централизованных государств и началось противодействие местных сообществ бюрократической унификации разнохарактерных регионов в условиях модернизации (перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному). Она потребовала интенсификации использования природных ресурсов, централизации экономической и технической политики, унификации законодательства, введения образовательных и квалификационных стандартов, что задевало интересы этих сообществ и угрожало потерей их самобытности. Возникшие в такой связи региональные противоречия наиболее колоритно в тот период проявились в Бельгии и реализовались первоначально на культурном уровне, особенно во Фландрии.

По мере нарастания темпов индустриального развития и успехов модернизации происходила все большая концентрация промышленности и населения в определенных точках роста. В наши дни на 2% территории земли сосредоточено около 45% людей, а на

5-7% — от 60 до 70% всего населения мира¹. Неравномерность регионального развития имеет, помимо статического, динамическое измерение, что в частности, во всемирном масштабе находит выражение в периодической смене мирового экономического лидера. Перераспределение региональных ролей касается многих государств и идет как правило по линии Север-Юг. Сегодня трудно найти страну, в которой бы отсутствовали региональные противоречия. Это проблемы фланандского и валлонского сообществ в Бельгии, Шотландии в Великобритании, Квебека в Канаде, Тироля в Австрии, басков и каталонцев в Испании, Синьцзяня и Тибета в Китае, Пенджаба, Кашмира в Индии и т.д. Новые движения не носят, как это было раньше, только национальный, религиозный или экономический характер. В них превалируют традиционные ценности и нормы, требование историко-культурного самоопределения, формируется специфическое региональное самосознание.

В основе экономических программ, отстаиваемых регионалистскими движениями, лежат доминирующие в данном региональном сообществе представления о социально-справедливом распределении национального дохода. Главным требованием сильных регионов становятся вопросы изменения политики финансирования и налогообложения, порядка формирования и распределения национального бюджета в направлении расширения финансово-бюджетной автономии регионов и более жесткой увязки получаемых регионом финансовых ресурсов с его вкладом в национальную экономику. В других случаях регионализм является болезненной реакцией местных сообществ на их ухудшающуюся экономическую динамику, долговременный депрессивный спад, социальную деградацию в следствии перегрузок в предшествующие периоды истории, неся основное бремя национального экономического развития. Отсюда требование региона возвращения «исторических долгов» нации.

Политически регионализм развивается в направлении организаций так называемых «третьих партий», фиксирующих свою активность на защите специфических региональных интересов. В конечном счете происходит перевод различных внутрирегиональных проблем и социального недовольства в плоскость отношений между регионами и политическим центром страны. Регионализм как правило, но не всегда, выливается в федерализм. Названные поня-

тия не являются синонимами, но их нельзя считать и антонимами. Это самостоятельные категории, несущие близкую, но не одинаковую нагрузку.

Таким образом, отмеченные выше две казалось бы противоположные мировые тенденции XX века — стирание региональных различий и обострение региональных проблем — имеют одно основание. Вторая тенденция является болезненной реакцией на первую, причем опасность этого диагноза нельзя недооценивать, поскольку он уже привел к гибели миллионов людей и конца этой эпидемии не видно. Долгое время региональные проблемы заслонялись соперничеством великих держав и классовой борьбой в них. В конце XX в. они вышли на один из первых планов мировой политики.

Историография

Раньше всех на это обратила внимание западная политология. Еще в 20–30-е гг. XX в. появились работы, посвященные региональным моделям хозяйствования, рационального размещения промышленности, взаимосвязи экономики и территории, пространственному компоненту в региональном планировании, теории «полюсов роста» и «саморазвитию» региональной экономики. Часть из них была опубликована в СССР², но в силу идеологической конфронтации они не получили официального признания и ограниченно использовались на практике, а нередко и запрещались.

Позднее западная регионалистика значительно расширила фронт научного поиска и перешла к комплексным проблемам регионального развития³. Из большого перечня этих работ необходимо выделить книгу — В.Шляппентхса, Р.Левита, М.Лойберга. Во-первых, потому что она наиболее широко и комплексно решает проблему. Во-вторых, специально посвящена России. В третьих, написана международным авторским коллективом, что дало возможность посмотреть на регионализм как изнутри, так и со стороны. Книга имеет добротный теоретический фундамент, отличается взвешенным подходом к противоречивым явлениям российской действительности, освещает очень широкий спектр вопросов как во времени, так и в пространстве. Главное внимание уделено разнохарактерности проявлений регионализма в России, его специфике.

Правда, авторы в основном идут за событиями, особенно современности, не поднимаясь до высоких обобщений.

Отечественная регионалистика оказалась не готовой к крутым поворотам событий в своей стране. Ее представители занимались или региональной экономикой, или национальными вопросами, или элементарным краеведением. Современное комплексное понимание проблемы отсутствовало. Много писали об едином экономическом, политическом, военно-стратегическом, экологическом, но не историко-культурном пространстве, игнорировали культурологический фактор, который веками объединял народы. Не считаться с этим, значит провоцировать изоляционистские и сепаратистские настроения, выливающиеся в кровопролитные войны. Поэтому очень важно оценить исторический опыт решения региональных проблем, извлечь из него необходимые уроки. На это обстоятельство мы неоднократно обращали внимание в последнее двадцатилетие, задолго до нынешнего обострения регионализма, но должных выводов ни в науке, ни в политике не сделано до сих пор⁴.

И только задним числом, после гибели СССР, публикации на эту тему пошли валом⁵. Остановимся на двух полярных. В книге С.В.Чешко «Распад Советского Союза» это событие определяется как «эпохальный катаклизм глобального масштаба»⁶. В статье А.Трейвиша и В.Шупера, наоборот, ратуется за сжатие оставшегося пространства государства. «Мы отдаем нашим необъятным просторам больше, чем мы получаем от них, — пишут авторы, — они как бы высасывают соки из организма страны, постоянно подталкивая ее на путь экспансивного развития. И если бы за Уралом плескался бы океан, то скорее всего Россия уже давно была бы полноправным членом сообщества цивилизованных стран»⁷.

Такой разнобой в оценке принципиальных вопросов регионального развития отечества объясняется, с одной стороны, расколотостью российского общества, а, с другой стороны, слабой разработанностью данной проблемы в нашей науке, не говоря уже о шараханиях политической практики. Чтобы изменить ситуацию российская регионалистика должна кардинально расширить поле научного поиска. Прежде всего необходимо значительно усилить ее политологическое и культурологическое направления, добиться действительно комплексного подхода к исследовательской практике. Другим важным резервом повышения эффективности регио-

нальных исследований является увеличение их временного горизонта. По сути, речь идет о формировании нового научного направления — исторической регионалистики.

Ее основные задачи можно определить следующим образом. Во-первых, выявление исторических корней т.е. условий (причин) возникновения проблем, которые приходится решать или с которыми предстоит столкнуться в обозримой перспективе. Во-вторых, определение тенденций, имеющих относительно устойчивый характер на протяжении длительного времени и придающих региональному развитию соответствующую направленность. В третьих, оценка эффективности использовавшихся в прошлом моделей регулирования региональных процессов, извлечение из исторического опыта значимых для современной социальной практики уроков. Думается, что решение этих задач будет способствовать как углублению теоретических представлений, так и повышению обоснованности принимаемых решений в сфере региональной политики. В задачу данной статьи входит выяснение основных тенденций развития и причин обострения региональных проблем России в XX веке, их влияния на судьбу государства.

Теория вопроса

Теоретической основой нашего подхода к проблеме служит триумвират взаимосвязанных идей. Во-первых, регионализм квалифицируется как самостоятельное, комплексное явление, имеющее внутренние и внешние формы его проявления. Он есть политико-экономическое движение за самостоятельность территориальных сообществ в области социально-экономических и этнокультурных прав. Во-вторых, регионализм рассматривается сквозь призму исторического опыта, который представляет собой преемственность знаний и умений поколений, концентрированное выражение социальной практики прошлого, использование чего способствует повышению обоснованности решения проблем современности. В третьих, регионализм интерпретируется не как обычно с национальных или классовых позиций, а в контексте общей теории модернизации⁸.

Гипотетически процессы модернизации и регионализации выглядят как разновекторные и, чаще всего, так и изучаются, но на самом деле все обстоит гораздо сложней, что заставляет со всей ост-

ротой поставить эту проблему. Модернизация в идеале должна вести к выравниванию страновых уровней, экономико-технологической, политической и социокультурной унификации и универсализации. Ликвидация региональных различий, подтягивание мировой периферии до уровня развитых индустриальных обществ составляет существо модернизационного процесса и сложившейся в его лоне теории модернизации. Региональное развитие, напротив, ведет к фиксации и развитию территориального разнообразия, закреплению региональных самоидентификаций, этнокультурного своеобразия, самобытных традиций. Показательно, что модернизация практически постоянно сопровождается перераспределением региональных ролей и изменением региональной структуры. Следовательно, модернизация и региональное развитие разворачиваются параллельно и в значительной степени во взаимодействии друг с другом. Задача заключается в том, чтобы определить характер этого взаимодействия и тем самым обнаружить скрытые пружины региональных конфликтов.

Обращение к теории модернизации позволит вывести проблему регионализма на цивилизационный уровень и подняться над традиционным ситуационным подходом к ней, что так необходимо в канун рубежа веков и тысячелетий. Важнейшее значение в данной связи имеет культурологический фактор общественного развития. Веками менялись политические, социально-экономические, военно-стратегические парадигмы, но неизменной оставалась тяга народов к своим историко-культурным устоям, наиболее ярким воплощением чего в наши дни является исламский фундаментализм.

Сегодня задача заключается в том, чтобы изучить региональную политику, как сложную взаимосвязанную, постоянно воспроизводимую ситуацию широкого геополитического выбора государственной конструкции в контексте общенациональных и вместе с тем региональных интересов. Это предполагает исследование взаимодействия политических, экономических и социокультурных составляющих в конкретно исторических условиях, с тем, чтобы оценить эффективностьправленческих решений, как с позиций высшего руководства страны, так и со стороны местного сообщества.

Имперский период

В двадцатый век Россия вступила как одна из крупнейших мировых империй. К этому времени завершился процесс ее расширения. Она представляла собой мощное централизованное государство, занимающее большую часть вмещающего пространства Евразии, играла важную стабилизирующую роль в Европе, да и в Азии. По крайней мере со времен победы над Наполеоном и до первой мировой войны, на протяжении столетия, она, несмотря на крайне напряженную международную обстановку, сдерживала мир от крупных потрясений (до недавних пор в нашей историографии эта миссия именовалась жандармом Европы).

Огромная территория, природно-климатическое, национальное и конфессиональное разнообразие создавали большие трудности для управления страной, но они довольно успешно решались. Правительству удавалось увязывать общероссийские административно-правовые стандарты с региональным разнообразием. Были наработаны региональные управленческие модели, которые в той или иной степени улавливали региональную вариацию, адаптировались к ней и, в конечном счете, адаптировали ее. По «Учреждению» М.М.Сперанского, например, генерал-губернаторам в регионах предоставлялись очень широкие полномочия, которые делали их противовесом всевластия министров, ведомственных сатрапий. Оптимальной была ситуация, когда министр представлял интересы страны в целом, а генерал-губернатор — края. Такой опыт заслуживает положительной оценки и внимания в современных условиях.

Итогом реализации местных моделей администрации явилась интеграция, более органичное вхождение новых регионов в состав государства. Процесс этот протекал относительно плавно, преимущественно без насилистических действий, путем постепенного выравнивания экономической, административной и культурной специфики территорий. Обходилось без крупных региональных конфликтов, хотя отдельные столкновения имели место. Взять хотя бы движение Шамиля на Кавказе, казнь сибирского губернатора Гагарина, сибирское областничество.

Несмотря на унитарный характер государства, высокий уровень его централизации, имелись отличительные черты управления в окраинных регионах, которые существенно отличались от центральных по национальному составу, уровню культурного развития,

историческим и политическим параметрам. На рубеже XX в. большая часть России имела систему управления на особых началах, отличных от тех, на основании которых оно было организовано в коренных русских губерниях (Финляндия, Царство Польское, Кавказ, Закаспийская область, Туркестанский край, Степной край, Уральская и Турукайская области, Сибирь). Степень культурного и политического развития этих земель была различной. Отдельные из них имели до присоединения к России хорошо организованное административное устройство. В политическом отношении некоторые стояли даже выше ее. Поэтому нередко в присоединяемых местностях оставалось прежнее административное устройство или вводилось новое, согласованное с условиями местной жизни (Финляндия, Царство Польское, Остзейские губернии и пр.). Такой образ действий со стороны Российского правительства обуславливается прежде всего желанием сохранить за собой приобретенные земли и обеспечить спокойствие на их территории, что не потеряло значения до наших дней.

Не меньший интерес представляет опыт организации управления аборигенным населением. Невмешательство властей в его внутреннюю жизнь, традиционную культуру помогли аборигенам сохранить свой самобытный образ существования, местные экосистемы и виды промысловой деятельности, свою оригинальную культуру вплоть до советских преобразований. Не идеализируя национальную политику Российской империи и не впадая в ее огульную критику, как это делалось недавно, можно утверждать, что она не была ни тюрьмой, ни раем для ее народов. Все они испытывали примерно одинаковый гнет полуфеодального жестко централизованного государства. По крайней мере русский этнос не имел каких-то особых привилегий, а другие народы не подвергались геноциду, как это было в ряде стран.

Однако глобальные противоречия наступающего века не миновали Россию. Прежде всего это противоречия, порожденные модернизацией. Одни страны и регионы отдельных государств, в том числе и России, значительно продвинулись по пути индустриализации, другие оставались традиционно аграрными. Нарастало противоречие между трудом и капиталом. Передовые страны, добившиеся больших успехов на поприще модернизации, начали теснить отставшие, происходил передел мира. Все это обостряло ре-

гиональные проблемы, замешанные в значительной степени на национальной нетерпимости.

Российская империя и ее правящая династия Романовых постепенно теряли динамизм развития. При некотором экономическом прогрессе в самом начале века страна испытывала быстро нарастающие трудности. Попытное движение в региональном плане началось еще раньше, во второй половине XIX в., когда в 1867 г. была продана Аляска США. Для этого были обоснованные причины, но сам факт первой территориальной потери в новой истории России не приходиться отрицать. И, хотя позднее к ней были присоединены некоторые новые территории в Средней Азии, процесс сжатия империи начался.

Он получил трагическое продолжение в XX в. Политики и учёные к нему относятся по-разному. Не желая впадать в полетес по этому поводу, мы будем стараться освещать его объективно, с позиций геополитики и национальных интересов государства. В рассматриваемом процессе можно выделить две составляющие и три стадии их развития. Первая составляющая относится к изменению внешних границ страны, вторая — к внутрирегиональным проблемам. Стадиально процесс делится на три части. Первая стадия охватывает период с начала XX в. до революции 1917 г., вторая — весь советский этап (1917–1991), третья — постсоветское время.

На первой стадии не произошло существенных изменений в региональном управлении, хотя жизнь настойчиво подталкивала к ним, а вот потери, причем значительные начались. Прежде о тенденциях и проектах несостоявшихся преобразований. Их корни уходят в глубины XIX в. и связаны с нарастающим революционным движением. Принято считать, что первыми революционерами на Руси были декабристы, но при этом как-то выпускается из виду, что они, наряду с уничтожением самодержавия, предложили принципиально новое административно-территориальное устройство государства, причем П.Пестель предвосхитил одну из главных причин раз渲ла Советского Союза.

Декабристы разработали два проекта преобразования империи — федеральный и унитарный. Первый содержался в Конституции Н.Муравьева. По нему Россия должна была состоять из областей, приблизительно соответствовавших генерал-губернаторствам. Деление осуществлялось на территориальной, а не национальной ос-

нове. Области делились на уезды, уезды — на волости. Верховным законодательным учреждением являлось Народное Вече, состоявшее из двух палат — Верховной Думы и Палаты представителей. Первая выражала федеративное начало и состояла из депутатов от областных палат, по три от каждой. Вторая была представительством общенациональным и состояла из депутатов, избранных по расчету: один представитель на 50 тыс. жителей, т.е. областям предоставлялось право участвовать в законодательном творчестве через своих представителей⁹.

Второй проект был отражен в «Русской Правде» П.Пестеля, который считал основным недостатком федеративного государства слабость власти. По его мнению, федеративное устройство было неприемлемо для России, состоявшей из разнородных в социально-экономическом, этноконфессиональном, политico-административном плане регионов. Он писал: «Что же в особенности касается до России, то, дабы в полной мере удостоверится, до какой степени федеративное образование государства было бы для нея пагубно, стоит вспомнить, из каких разнообразных частей сие огромное государство составлено. Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсем различными языками говорят, совсем различные веры исповедуют; жители оных совсем различное происхождение имеют, к различным державам некогда принадлежали; и потому ежели сию разнородность еще более усилить через федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже может быть и бытие свое между большими и главными государствами. Она тогда снова испытает все бедствия и весь неизъяснимый вред, нанесенный древней России удельною системою, которая также не что иное была, как род федеративного устройства государства».

Пестель последовательно отрицал федеративное начало в государственном устройстве. Во главе государства онставил одну палату — народное вече, избираемое окружными поместными собраниями и образующее единое всенародное представительство. Вместе с тем по его проекту административное устройство России должно было включать развитые элементы местного самоуправления. При этом

Пестель отстаивал принцип деления страны на областной, а не национальной основе. Россия должна была делиться на 3 «удела» (Столичный, Донской и Аральский) и 10 областей (Чудскую, Холмскую, Северскую, Сибирскую, Уральскую, Славянскую, Вершинную, Черноморскую, Украинскую, Кавказскую). Каждая область в свою очередь подразделялась на округа, округа на уезды, уезды на волости. В округах, уездах и волостях вводились народные собрания, разделявшиеся на земские и наместные. Они созывались в волости и состояли из всех правоспособных граждан; обладали только избирательными функциями и распускались после избрания депутатов в волостные, окружные и областные наместные собрания. Последние занимались всеми делами, «народному соучастию представленными». Области не имели никакого представительства в верховных органах власти¹⁰.

В конце XIX в. группа «Народной воли» также включала в свою программу принцип областного деления: «Русское государство по характеру и условиям жизни населения делится на области, самостоятельные во внутренних своих дела, но связанные в один общерусский союз. Внутренние дела областей ведаются областными управлениями; дела же общегосударственные — союзным правительством». В то же время программа «Народной воли» признавала и принцип национального самоопределения: «Народы, насильственно присоединенные к русскому царству, вольны отделиться или остаться в общерусском союзе»¹¹.

С развитием революционного движения в начале XX в. принцип национального деления начинает доминировать над принципом территориального устройства. Один из основных пунктов программы социал-демократов (пункт 9, принятый на втором съезде РСДРП), гласил: «Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Программа эсеров предусматривала установление демократической республики «с широкой автономией областей и общин, как городских, так и сельских: возможно более широкое применение федеративных отношений между отдельными национальностями., признание за ними безусловного права на самоопределение»¹².

В независимости от ценности этих проектов можно сделать вывод о назревших проблемах регионального переустройства России, но оно не осуществилось. Между тем, начались потери. Они поя-

вились в ходе первой Российской революции (1905–1907 гг.), русско-японской и первой мировой войн. Неспособность (или нерешильность) самодержавия институционально привести в соответствие достигнутые рубежи модернизации с политическими, социально-экономическими, научнообразовательными, юридическими, культурными и ментальными условиями ее продолжения привели к системному кризису общества, что обострило региональные проблемы внутри страны (волна революционных выступлений прокатилась практически во всех регионах) и нанесло урон на внешних рубежах (потеря Порт-Артура, Дальнего, южной половины о. Сахалин, а позднее — Западной Украины и др.). К концу первой мировой войны Российская империя, как и ее противница Австро-Венгерская монархия оказалась на грани раз渲ла.

Советский период

Ситуацию безусловно усугубила, а точнее спровоцировала революция 1917 г., которая явилась следствием нерешенности задач первой революции. Не последнюю роль во всем этом сыграли внешние враги России, которые опасались ее перспективной конкуренции на мировых рынках. В ходе гражданской войны страна оказалась практически расчлененной, хотя многочисленные правительства автономных территорий не переставали ратовать за единую и неделимую Россию. Националистические и сепаратистские движения привели к полному отторжению от Российской империи ряда территорий (Польша и Финляндия), а некоторых — к временному (Прибалтика, Западная Украина). Отдельные народы (Кавказа и Средней Азии) получили самостоятельность, а потом, в силу затруднительности автономного существования, снова вошли в состав теперь уже Советской России, что напоминает нынешнюю ситуацию в СНГ.

За неполное двадцатилетие начала века, потеряв часть своей территории, Россия из великой централизованной империи превратилась в слабую, дезинтегрирующуюся страну. С одной стороны, это можно расценивать как кризис больших социальных систем и сход с исторической сцены имперских держав (развал Австро-Венгерской и Османской империй). А с другой стороны надо видеть внутренние обстоятельства: неспособность царского правительства открыть дорогу полномасштабной модернизации; соци-

альные потрясения и политическая анархия в стране; нарушение было равновесия региональных структур; дестабилизирующее влияние враждебных сил (германские и японские деньги на революции). И тем не менее запас прочности у государства сохранился, но бездарные правители не сумели его использовать. Как показали последующие события, у России имелись шансы остаться великой централизованной державой.

Ослабление центральной власти в результате мировой войны и революции послужило мощным катализатором сепаратистских процессов, но советской власти удалось в конечном счете сохранить политическое единство бывшего имперского пространства. Однако это было сделано дорогой и не оправдавшей себя ценой. Принцип самоопределения наций явился временной уступкой сепаратизму, заложил мину замедленного действия под целостность страны. Она взорвалась после того, как местные элиты набрали для этого достаточно сил.

При исключительно высокой полиэтничности России никакое деление по национальному принципу не может удовлетворить все народы, каждый из которых вправе претендовать на автономию, а это ведет к обвальной дезинтеграции государства. В результате права этносов входят в противоречие с правами человека, на которых зиждется гражданское общество. Такого удалось избежать лишь в США, и их исторический опыт заслуживает внимания.

И, тем не менее, региональные проблемы в советское время решались активно, на этом поприще были достигнуты некоторые успехи как в области национально-государственного строительства, так и в социально-экономической сфере, но регионализм в прямом понимании этого слова и тоталитаризм были несовместимы. В условиях массовых репрессий малейший намек на региональную самостоятельность воспринимался как проявление национализма, сепаратизма и иных нарушений советского демократического централизма. Сотни выдающихся региональных и национальных лидеров были репрессированы на этой почве. Теоретические проблемы регионализма не разрабатывались, был осужден «географический детерминизм» и прикрыто краеведческое движение, как выражение регионального сознания. Регионы находились под тройным контролем: советов, партийных комитетов и органов ВЧК—ОГПУ—КГБ. И даже тогда, когда этот контроль формально ослаблялся, фактиче-

ски он становился еще сильней. Так, при Л.И.Брежневе заметно увеличился срок пребывания партийных секретарей у власти, что делало их бессменными и преданными режиму хозяевами территорий. Это обеспечивало стабильность в стране, но не гарантировало прогресс.

В первые годы советской модернизации была провозглашена прогрессивная идея рационального размещения производительных сил по территории страны, но она не была основательно проработана, уперлась в идеологические догмы и не дала на практике ожидаемых результатов. Закономерности рационального размещения производства и комплексного социально-экономического развития регионов подменил административный диктат. Интересы территорий и ведомств не совпадали, не был создан механизм их регулирования. Местные органы власти практически не участвовали в распределении доходов, полученных от эксплуатации их территорий. В то время как в Якутии добывалось 4/5 советских алмазов и 2/3 золота, ее руководство не влияло на их реализацию. Республика мало что имела от тех огромных доходов, которые она давала стране. В результате развитие отдаленных районов шло трудно, с большими экономическими, экологическими и моральными издержками.

Сложившуюся систему распоряжения природными ресурсами регионов не смогли поколебать специальные программы: Урало-Кузнецкая, Ангаро-Енисейская, Западно-Сибирская нефтегазовая, БАМ и др., хотя они и сыграли важную роль в развитии производительных сил страны, укрепления ее оборонной мощи. Однако они только в определенной мере компенсировали наиболье вопиющие нерациональности советской экономики (сверхдалняя транспортировка гигантских объемов сырья и энергоресурсов), а их интеграционный эффект реально выразился лишь в создании отраслей первичного уровня обработки ресурсов (металлы, древесина, химическое сырье, электроэнергия и др.). Поэтому при всей безусловной значимости реализации этих программ для экономики страны, роста экономического потенциала восточных регионов России их доля в народном хозяйстве государства увеличивалась сравнительно медленно. Эта инерция ярче всего проявилась в сохранении разительного контраста между сосредоточением перерабатывающих мощностей в Европейской России, а ресурсов сырья и энергии на востоке. Получилось так, что ни в одном регионе России не наблюда-

лось признаков сложившегося сбалансированного экономического комплекса.

Затратный механизм советской экономики вел к гипертрофированному росту спроса на сырье и энергию. Их добыча наращивалась преимущественно на окраинных территориях, прежде всего в Сибири, и обеспечивала по низкой цене потребности, в первую очередь военно-промышленного комплекса, гарантировала высокий уровень занятости населения, компенсировала не эффективность хозяйственного механизма, давала возможность иметь крупную валютную выручку от продажи за рубежом. В этих условиях окраины государства превратились в сырьевые придатки центра, а в связи с «холодной войной» и отчаянной конфронтацией с капиталистическими странами многие районы были превращены в военно-промышленные комплексы и стартовые площадки атомного возмездия, что привело к тяжелым экологическим последствиям. Масштабы воздействия на природу приблизились к геологическим, что подняло региональные проблемы до планетарного уровня.

В итоге Советский Союз оказался обремененным сложными региональными проблемами. Часть из них была органически присуща огромному многонациональному государству с разнообразными природно-климатическими и социально-экономическими условиями многочисленных регионов. Другую часть породили ошибки в региональной политике. Переплетение объективных и субъективных причин в условиях обострения мирового регионализма создавало перманентную опасность, но ситуация находилась под жестким контролем тоталитарного государства.

Постсоветский период

Ее дестабилизировала перестройка, начатая М.С.Горбачевым. Сама перестройка не предусматривала принципиального пересмотра региональной политики, но она начала делать большие зигзаги по мере развала экономики, крушения идеологических и нравственных устоев, обострения национальных проблем. Последовали кровавые события в Алма-Ате, Нагорном Карабахе, Сумгаите, Вильнюсе, Тбилиси. В последний год существования СССР (конец 1991 г.) на его территории насчитывалось более 160 территориальных притязаний¹³. Наметилась опасная тенденция дезинтеграции государства, которая вскоре стала фактом.

Советские историки немало потрудились над выяснением предпосылок социалистической революции в России и образования Советского Союза, а вот о предпосылках, причинах и следствиях его развала пока нет ни одной серьезной работы, кроме предельно идеологизированной публицистики всех мастей, между тем как это самая крупная региональная проблема (и не только) второй половины XX в., да пожалуй всей мировой истории на исходе второго тысячелетия. Обстоятельно рассмотреть ее в одной публикации нет никакой возможности. Поэтому мы попытаемся хотя бы обозначить основные пути движения в этом направлении.

Условно можно выделить три главные причины гибели СССР: историческая обреченность; внутренняя эрозия; внешняя «мирная» агрессия. Первая причина уходит корнями к началу XX в., когда был манифестирует принцип самоопределения наций, а затем реализован в образовании Союза Советских Социалистических республик. Административно-политическое деление по национальному принципу такого огромного мультинационального государства как Россия привело к тому, о чем за столетие до этого предупреждал П.Пестель. Исторический опыт, особенно XX в., убедительно доказал непрочность такого рода образований.

Вторая причина связана с первой и демонстрирует неуклонное нарастание центробежных тенденций по мере осложнения экономического положения государства и ослабления его политической роли, разложения центральной власти, зарождения в ней предательских элементов, криминальных кланов, созревания национальных элит на окраинах, стремящихся искать собственный выход из затруднительного положения. Примерами такого рода изобилует весь перестроечный период, что полностью подтверждает исторический прогноз русского религиозного мыслителя И.Ильина, который вскоре после второй мировой войны писал: «...если что-нибудь может нанести России,— после коммунизма, новые, тягчайшие удары, то именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании демократический строй. Ибо эта тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии, без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность и всплыивание на поверхность все новых антикоммунистических тиранов..., лишенных патриотизма, чести и совести»¹⁴.

Третья причина проистекает из поражения страны в «холодной войне» и «мирного» наступления ее главного соперника— США, в чем они цинично признаются сами. «Советский Союз потерпел крах не сам по себе, — пишет американец Питер Швейцер, — не потому, что время было на нашей стороне. Если бы Кремль не столкнулся с кумулятивным эффектом СОИ, оборонным укреплением, geopolитическими препятствиями в Польше и Афганистане, потерей десятков миллиардов долларов в твердой валюте, поступавших за экспорт энергоресурсов, ограничением доступа к технологиям, разумно полагать, что он бы смог выдержать бурю. Советский коммунизм не был организмом, обреченным на самоуничтожение в любой международной среде. Американская политика могла и изменила курс советской истории»¹⁵.

Оценить во всей полноте последствия случившегося пока трудно. Можно только обратиться к прогнозу того же И.Ильина, который считал, что посткоммунистическое расчленение России «явились бы невиданной еще в истории политической авантюрий, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена... в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения». По его подсчетам в этом случае возникнет «до двадцати отдельных государств, не имеющих ни спорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни бесспорного национального населения. До двадцати пустых названий. Но природа не терпит пустоты. И в эти образовавшиеся пустые ямы, в эти водовороты сепаратистской анархии хлынет человеческая порочность: во-первых, вышколенные революцией авантюристы под новыми фамилиями; во-вторых, наймиты соседних держав; в третьих, иностранные искатели приключений, кондотьеры, спекулянты и «миссионеры». «Неумно все это, — подводит он итог, — недальновидно. Торопливо в ненависти и безнадежно на века. Россия не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исто-

рический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!»¹⁶.

После распада Советского Союза и образования СНГ региональные проблемы не только не исчезли на постсоветском пространстве, но еще больше обострились. Постоянное напряжение испытывается между Западной и Восточной Украиной, между центральной частью Молдавии и Приднепровьем, между Севером и Югом Казахстана, не говоря уже о Кавказе и Средней Азии. Даже в Прибалтике далеко не спокойно.

Отношения центр — периферия превратились в ключевой вопрос Российской Федерации. Начало рыночных реформ ознаменовалось безудержной суверенизацией ее регионов. Призыв президента Б.Н.Ельцина «брать столько суверенитета, сколько они могут проглотить» поставил национальные республики в преимущественное положение перед «рядовыми» территориями, не имеющими национально-государственного статуса, и привел к противостоянию между этими группами субъектов федерации.

После октябрьских событий 1993 г. призывы к «суверенизации» особенно «русских» краев и областей, заглохли. Была ликвидирована самопровозглашенная Уральская республика. Конституция 1993 г. зафиксировала новое распределение власти между центром и регионами преимущественно по национально-территориальному принципу. Хотя все субъекты Федерации были объявлены равными, фактически национальные республики получили больше прав, чем « рядовые» края и области. Это заметно отличает Российскую Федерацию от аналогичных западных форм, напоминает ситуацию, имевшую место в бывшем Советском Союзе.

На фоне активной децентрализации политического пространства государства особенно тревожно выглядит ситуация на юге (Чечня) и северо-востоке страны (Магаданская область, Камчатка). Рыночные реформы поставили в чрезвычайно трудное положение отдаленные районы, которым трудно жить без достаточной государственной поддержки при колossalном росте транспортных затрат.

Заключение

Все это создало критическую ситуацию на поприще решения региональных проблем и чревато дезинтеграцией России. Ее траге-

дия заключается в том, что она дважды в течение последнего столетия сменила социально-экономический строй на обратно противоположный, не соотнеся это со своими как нигде сложными региональными проблемами. В результате первой смены страна едва сохранила свою целостность, а в ходе второй потеряла ее. С определенной долей уверенности можно утверждать, что если бы в ходе второй перестройки Россия своевременно сняла региональное напряжение, развала государства не произошло бы. В первом случае положительную тактическую роль сыграл своевременно выдвинутый, но в принципе неприемлемый для нее лозунг самоопределения вплоть до отделения. Во втором случае кардинально нового принципа вообще не было выдвинуто. Его подменил огульный антикоммунизм, который не имел конструктивного значения. За идеологическим противостоянием были потеряны национальные интересы огромного государства, игравшего стабилизирующую роль в мире.

Краткий анализ российских региональных проблем приводит к выводу, что вместо многовековой тенденции к централизации государства в последнее десятилетие XX в. началась его дезинтеграция. С одной стороны, это есть проявление общемировых тенденций уходящего столетия, а с другой — выражение национального кризиса, потери управляемости страной. При всем стремлении к демократическому решению назревших региональных проблем явно ощущается историческая неразвитость федеративных компонентов в российском национальном менталитете.

Преодоление названных тенденций возможно на путях более тщательного учета исторического опыта страны и последовательно поэтапного введения новых государственных форм, для того чтобы избежать фарса, подобного социалистическим преобразованиям. Будущее в России по всей вероятности за крупными культурно-региональными комплексами, которые в силу общности исторических судеб и длительного социально-экономического взаимодействия обладают устойчивыми этно-демографическими связями, а социально-экономические институты, общественное сознание, культура труда и быта их населения имеют сходные черты и составляют единое историко-культурное пространство, которое создает препятствие на путях деструктивных процессов в политической сфере.

Российская ситуация заметно коррелируется с мировой.. На смену эпохе централизма вероятно идет децентрализация. Под влиянием демократизации, усиливающейся самодостаточности регионов, атомизации общества и его региональных структур, уменьшения опасности иноземного захвата территорий в условиях атомного противостояния рушатся узы, скрепляющие централизованные государства, они все более заметно превращаются в менее крупные, однонациональные.

С одной стороны, многие современные тенденции способствуют регионализму, делают его привлекательным. С другой же стороны, в условиях однополярного мира неограниченное развитие регионализма может привести к переделу мира. Оставшийся сильным подомнет десятки ослабленных со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями для человечества.

Примечания

1. Матрусов Н.Д. Региональное прогнозирование и региональное развитие России. – М., 1995. – С.34-35.
2. Вебер А. Теория размещения промышленности. – М.; Л., 1926; Изард У Методы регионального анализа. – М., 1986; Леш А. Географическое размещение хозяйства. – М., 1959; Тюнен И.Г. фон. Изолированное государство. – М., 1926 и др.
3. Brydon D. Regions and Centres: The Literary Images of the Two countries // Federalism in Canada and Australia Historical Perspectives. 1920–1988. – Peterborough. 1989; Regions in Upheaval Ethnic Conflict and Political Mobilization. – Kristianstad, 1984; Regional Economic Development. Essays in honour of Francois Perroux. – L.; Sydney; Wellington, 1988; Rothblatt D.N. Regional planning: The Appalachian Experience. – Lexington. 1971; Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units. – Oxford. 1990; Холмис Г Плоуккерк. На пути к демократической дезинтеграции: Перестройка региональных и местных органов власти в новой Европе. – Брюссель. 1995; Miemyrk W. Regional analysis and Regional Policy. – Cambridge: Oelges-Chlager, 1982; Vanhove N. and Klaasen L. Regional Policy: A European approach. – Aldershot. England: Avebury, 1987; Shlapentorh V., Levita R., Loibery M. From submission to Rebellion. The Provinces versus the center in Russia. – Boulder C Col: Westviewpress, 1997 и др.
4. Алексеев В.В. Исторический опыт освоения Сибири — в современную практику// Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1981, № 11. – Вып.3. – С. 10-14; Он же (научный руководитель). Целевая на-

учно-исследовательская программа: Исторический опыт освоения Сибири. – Новосибирск. 1987; Он же (научный руководитель) Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории). – Свердловск, 1989; The Development of Siberia: Historical Experience and the Present. – Sverdlovsk, 1990; Он же Soviet Regional Problems: Cause and Effects // Russian History (USA) Vol. 18, № 1, 1991. – P. 77-83; Региональные проблемы России в исторической динамике // Региональная структура России в geopolитической и цивилизационной динамике. – Екатеринбург, 1995. – С. 18-27; Он же. The economic foundations of regionalism in the Urals // Regionalism in Russia. The Urals Cause. – Leuven, 1996. – P. 75-82 и др.

5. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991; Макаричев А.С. Регионализм: проблемы и перспективы. — Общественные науки и современность. – 1991, № 3; Курчинян Н.С. Седьмой сценарий. – М., 1992; Трейвиш А., Шупер В. Теоретическая география, geopolитика и будущее. – Свободная мысль. – 1992, № 12; Бусыгина И.М. Теория и практика европейского регионализма. – Кентавр. – 1993, № 6; Лившиц А.Я., Новиков А.В., Смирнягин А.В. Региональная стратегия России: Материалы к обсуждению. – М., 1993; Алексеев В.В., Зубков К.И., Килин А.П., Широгоров В.В. Зарубежный опыт региональной антидепрессионной политики. – Екатеринбург, 1993; Гранберг А.Г. Региональная экономика и региональная экономическая наука в СССР и России. – Регион: Экономика и социология, 1997, вып. 1; Ненароков А.П. Регионализм—Федерализм—Сепаратизм. Исторический опыт России.— Межнациональные отношения в России и СНГ – М., 1995; Региональная структура России в geopolитической и цивилизационной динамике. – Екатеринбург. 1995; Сунгурев А. Гиперфедерализм: российская дезинтеграция в сравнительной перспективе. – Полис. 1996, №1; Институциональные аспекты регионализм в общеевропейском контексте. – Екатеринбург, 1996; Пивоваров Ю.А. Альтернативная концепция макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства. – Мир России, 1996, № 2; Чешко С.В. Распад Советского Союза. – М. 1996. Алексеев В.В. Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации (на русском и английском языках). – Екатеринбург–Лейден, 1997 и др.
6. Чешко С.В. Указ. соч. – С.3.
- 7 Трейвиш А., Шупер В. Указ. соч. – С. 23-33.
8. Эта широко известная в мировом научном сообществе теория не получила должной адаптации к России (См. подробнее: Алексеев В.В. Россия в контексте теории модернизации // Российская модернизация

- XIX–XX веков: Институциональные, социальные, экономические перемены. – Уфа. 1997
- 9 Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. – М., 1933. – С.308–366 (Приложения)
 - 10. Восстание декабристов. Документы. – М., Л., 1958. – Т.7. – С. 9-75.
 - 11. Литература соц. рев. партии «Народная Воля». – Женева, 1905.
 - 12. См. Алексеев Н. Советский федерализм // Общественные науки и современность. – 1992, № 1. – С. 112-114.
 - 13. Петров Н.В. Что такое полизтизм?// Полис. № 6. – С.8.
 - 14. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. – Т.1. – М, 1992. – С.344.
 - 15. Schweizer P. Victory. The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union. – New-York, 1994. – Р.282.
 - 16. Ильин И.А. Указ. соч. – С. 255-264.

Публикуется впервые

АЗИАТСКАЯ РОССИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Проблемная ситуация. В условиях активной *децентрализации* постсоветского политического пространства все более обостряется ситуация на востоке страны. *Рыночные реформы* поставили в чрезвычайно сложное положение отдаленные восточные и северные районы, которым трудно жить без достаточной государственной поддержки при колоссальном росте транспортных затрат. Только за 1990–1994 г. железнодорожные тарифы выросли в 5000 раз.

Между тем, после распада СССР и потери благоприятных для человека южных районов *жизненное пространство страны* как бы сдвинулось на северо-восток. Ныне районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности составляют 70% территории государства. Они катастрофически быстро обезлюдиваются. По некоторым оценкам за 1991–1995 гг. эти территории потеряли около 1 млн чел. Если учесть и без того их слабую заселенность, то станет очевидной *критическая ситуация*, сложившаяся здесь.

Во весь рост встал вопрос о судьбе азиатской части России. В последнее время все настойчивее раздаются голоса о необходимости *сжатия используемого пространства страны*. Где же выход? Разумеется он лежит в *оптимизации использования нашего огромного пространства*. И здесь первостепенный вопрос: как им распоряжались в исторической ретроспективе, что государство от этого приобретало, а что теряло, каков баланс побед и поражений? Только получив объективный ответ на данный вопрос, мы сможем правильно определить перспективу. Следовательно, задача заключается в том, чтобы изучить *исторический опыт освоения Азиатской России в геополитической и цивилизационной динамике*.

Постановка проблемы. В понятие «Азиатская Россия» изначально вкладывается более емкий и содержательный смысл, чем допускает анализ исторического развития этой части России в разрезе отдельных составляющих ее фрагментов-регионов: Урала, Сибири и Дальнего Востока. В последнем случае, следуя традициям русской

«государственной» школы историографии XIX в. (как и ее советских «модификаций»), указанные регионы могут и неизбежно будут рассматриваться лишь как пространственные и *ресурсно-силовые факторы* «прирастания» российского могущества (и прежде, и теперь идентифицируемого главным образом со «столичным» сегментом национального развития и политическим азимутом *европеизма*). Во всемирно-историческом масштабе (при обращении к «соразмерным» этому видению исторического процесса концепциям, данная «точка отсчета» практически не изменяется: восточные регионы России по-прежнему будут осмысливаться как *этапы или вехи*, экспансии *европейской цивилизации* (пусть даже в «перекодированном» русском варианте) на мировую периферию. Преодоление сложившегося стереотипа, вероятно, возможно на путях не столько отдельных историографических уточнений, сколько основательной *историософской инверсии всего российского исторического опыта*.

Концептуальная новизна исследования. Речь идет о принципиально новом, глубоком историософском переосмыслении одной из двух *относительно самостоятельных сущностей* исторической России, участвовавших в формировании того оригинального цивилизованного феномена, который описывается в терминах так называемой «евразийской идентичности». В работах «евразийцев» 1920–1930-х гг. были сделаны лишь первые, во многом полемически спешные, попытки «открыть» и полноценно, на равноправных основах, ввести в русскую историю *азиатскую тему* во всем ее интегральном значении. Как жесткая geopolитическая и социокультурная антитеза западнической, «европейско-петербургской», концепции истории России, это «азийство» либо выливалось в изощренную, почти модернистскую, игру в восточные мотивы и реминисценции, либо страдало искусственным «симфоническим» синтезизмом (вроде идей об органичном «славяно-турецком» симбиозе, о северном тюркском исламе как «потенциальном» православии и т.п.).

Лишь с 1960-х гг. в историографии (причем западной, а не советской) были сделаны попытки радикально переосмыслить доминирующую историческую схему развития Азиатской России, применяя к российским реалиям разработанную Ф. Тернером концепцию «фронтира» (А. Лобанов-Ростовский, Дж. А. Ленсен и др.). Концептуальная новизна подхода заключалась, прежде всего в двух ас-

пектах: во-первых, в рассмотрении Азиатской России как *самостоятельного центра «кристаллизации» российской исторической жизни*, воспроизведенного не столько «московско-петербургскими» замыслами и стратегиями, сколько принципиально новым – *азиатским* – природным, этническим, geopolитическим и цивилизационным *окружением* континентального масштаба; во-вторых, в попытке исследования того, как урало-сибирский «фронтier» *инверсионно* (возвратным образом) *воздействовал* на российское общество и его институты, на культурно-психологический склад россиянина, на национальные цели и приоритеты. Метафорически, этот взгляд предполагает, что российская цивилизация, ее сущностные свойства формировались в пространстве пересекающихся geopolитических импульсов и культурно-цивилизационных иррадиаций, исходящих от двух обращенных друг к другу исторических «зеркал» — европейского и азиатского.

Разумеется, такой подход требует аналитически тонкой и концептуально осмысленной сепарации исторических тенденций, событий и фактов, помещения их в совершенно иные, чем прежде, контексты и структурные построения. И если за европейски-ориентированными концептуализациями российской истории сегодня стоит вся мощь сложившегося историографического стереотипа, то азиатски-центрированная «программа» исследований угадывалась до сих пор лишь в самых общих очертаниях – в большей степени в широком спектре общественных и литературно-публицистических опытов (расколоучители, сектанты, местные историки, общественные деятели областнического направления, просвещенная часть местной бюрократической элиты и торгово-промышленных кругов, «евразийцы» и т.п.), чем в регулярном потоке исторических исследований.

Хронологические рамки и тематический ракурс. Уже исторический по своему значению *переход русской цивилизации за Урал* в 80-х гг. XVI в. положил начало не только тому, что мы называем сегодня Азиатской Россией, но и глубокой трансформации сложившегося за два столетия русского государственного типа – переходу от *национального государства европейской периферии* к «евразийской» *многонациональной империи*, строительство которой в основных чертах завершилось при Петре I. По-видимому, данный факт нельзя упрощенно сводить к географическим изменениям государственной

территории и этнического состава страны – он оказал влияние на весь культурно-политический и социальный строй России. Можно сказать, что переваливший через Уральский хребет русский колонизационный поток одновременно открыл *процесс трансляции определенных социокультурных моделей и установок в обратном направлении* – в Европейскую Россию.

Геополитически, также было бы не вполне верным рассматривать зарождение Азиатской России исключительно в категориях формирования *ресурсного тыла*, подкреплявшего базисную архитектонику европейской внешней политики России. *Первичным фактом* относительно оформления основных векторов европейской политики России следует, по-видимому, считать ту *новую интегральную геополитическую конфигурацию силы*, в которую Азиатская Россия – по крайней мере, с эпохи Петра I до эпохи Сталина – вписывалась не только *ресурсно-силовым дополнением*, но и стратегически важным *содинительным звеном*. Данный проблемный ракурс возможен, на наш взгляд, только при соблюдении двух основополагающих условий.

Он связан, во-первых, с постановкой в центр *исторической субъектности* (а, следовательно, и исследовательской «точки отсчета») именно Азиатской России, а не России в целом, и, коль скоро такая достаточно выраженная субъектность будет обнаружена, с прорисовкой из этого центра основных геополитических и культурно-цивилизационных *проекций и векторов влияния*, распространяющихся не только на *российскую историческую сцену*, но на *мировую*. (Значение данных проекций – как внутринациональных, так и внешних – с точки зрения *жизненно важных основ существования* самой Азиатской России может вполне уравновешиваться и даже обретать обратные соотношения). Исторический опыт убеждает нас, что *реальность* этих влияний должна определяться не только и не столько в *количественных параметрах силы*, сколько в категориях *исторической инициативы*, и не столько, может быть, в санкционированных Петербургом или Москвой *приращениях имперской территории*, сколько в создании совершенно *новых региональных «миров»* (от мистического Беловодья до экзотической маньчжурской «Желто-России» и Русской Америки) и *перспективных геополитических проектов*.

Во-вторых, очевидно, что предлагаемая концепция исследования принципиально реализуема только *при целостном ретроспективном взгляде на историю Азиатской России в протяженности нескольки-*

ких столетий. (Здесь геополитическому масштабу охвата событий и сюжетов, мышлению категориями континентов и океанов, наилучшим образом соответствует исключительно продуктивные импликации бродлевской концепции истории как «*dong duree*». Только при таком масштабном взгляде возможно выявление исторических ритмов развития Азиатской России, которые, как показывает даже первое, беглое обозрение тенденций и событий, существенно различались с общероссийскими (особенно на исходе XIX- в начале XX вв.), в ряде случаев опережали их, подчас в большей степени сближая Азиатскую Россию с *окружающей ее Азией, а не собственно Россией*. Вместе с тем, историческая ретроспектива – это, вероятно, единственное вполне специфическое историческое «пространство», в котором исследователь может двигаться максимально свободно, закономерно переходя к рассмотрению исторической перспективы.

Сегодня тот разрыв (если не сказать «вакуум» перспективы), который образуется между степенью государственного безразличия к интересам населения Азиатской России и предсказываемым «контраступлением» восточно-азиатских цивилизационных моделей прогресса в XXI в., может рассматриваться как одна из самых серьезных геополитических угроз государственному существованию России. Это незримо, но властно диктует необходимость формирования той собственной «системы координат», той самостоятельной «точки отсчета», в которой Азиатская Россия может черпать свое собственное достоинство и жизнеспособную философию развития.

Теоретико-методологические подходы к исследованию заложены уже в самой формулировке проблемы. Предстоит соотнести пространственные и цивилизационные координаты в длительной исторической ретроспективе, или динамике. Геополитика позволит осмыслить взаимодействие человека и пространства, географические, межэтнические и межгосударственные аспекты анализируемого объекта, его управляемость, а цивилизационный критерий даст возможность проследить сменяемость культур (в самом широком смысле этого слова), их взаимодействие в процессе исторического развития. Особого внимания требует важнейшая разновидность цивилизационного подхода – модернизация, под которой понимается переход от традиционного (аграфного) к современному (индустриальному) обществу. Существенная часть обозначенных выше хронологических рамок приходится именно на этот модернизационный переход, который в

значительной степени определяет нынешнее состояние изучаемого объекта и позволяет делать вывод о его соответствии мировым стандартам нашего времени, что принципиально важно для определения перспектив дальнейшего развития.

Организация исследований и их основной выход. Названную работу предполагается выполнить усилиями гуманитариев *трех региональных отделений Российской Академии наук*: Уральского, Сибирского, Дальневосточного с привлечением вузовской науки этих регионов и специалистов столичных учреждений, а возможно и зарубежных исследователей. Необходимые средства могут быть получены как из бюджета, так и от спонсоров, различного рода грантоодержателей, российских и международных. *Итоговым результатом должна стать крупная монография с максимально высоким уровнем обобщения материала.*

Публикуется впервые

ОСВОЕНИЕ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ ВОСТОКА РОССИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ

История России в значительной мере — это история колонизации, история покорения обширных пространств северо-востока Евразии. Этот процесс, историческая скорость которого поистине беспрецедентна (за 50 лет русские преодолели гигантское расстояние от Урала до Тихого океана), необходимо связывать с двумя обстоятельствами, определившими специфику взаимоотношений русского этноса с новыми территориями. Во-первых, параллельно с развертыванием процесса освоения новых территорий в России шло становление устойчивой государственно-политической формы — сначала самодержавной, затем имперской. Эти процессы были диалектически взаимосвязаны, и территориальное расширение накладывало глубокий отпечаток на характер Российской, а затем и Советской империи как особого образа правления и столь же специфичного способа экономической эксплуатации территорий. Во-вторых, на огромных просторах Евразии, где развертывалась русская экспансия, ее авангард сталкивался с безгосударственным хаосом мелких племен и не встретил сколько-нибудь сложившихся эффективных форм экономики, кроме маргинальной деятельности аборигенных охотников и собирателей.

Отсюда возникла чрезвычайно редкий исторический феномен, когда развивающее свою властно-политическую мощь государство выступало в качестве своеобразного демиурга; то есть могло создавать экономику фактически с «чистого листа» и в этой своей свободе могло достаточно произвольно варьировать те социальные формы, в которых протекало освоение территории. С этим, в частности, современные российские историки связывают и ограниченность предпринятой Петром I модернизации России, которая опиралась на архаичные социальные механизмы и тем самым заблокировала дальнейший экономический прогресс страны.

Даже трансплантированная на русскую почву принципиально новая индустриальная форма производства по мере ослабления государственного волевого начала архаизироваться и возвращаться к исторически предшествующим способам — завоевательным, грубо-экспроприаторским — мобилизации и использования природных

богатств. Можно сказать, что созданная столь искусственным путем индустрия постепенно теряла глубину воздействия на вводимые в оборот ресурсы и могла расти лишь чисто экстенсивно.

Безусловно, на определенной стадии уникальное ресурсное богатство в сочетании с архаичными формами социального принуждения давало громадные преимущества. С этим можно, в частности, связывать взлет уральской черной и цветной металлургии в XVIII в., которая до наступления новой волны технико-технологического прогресса могла удерживать монополию низких цен за счет уникального сочетания природно-ресурсных и социальных факторов. В течение XVIII в. здесь было построено около 200 горных предприятий, преимущественно по добыче железной руды и ее переработке в чугун и железо. За счет Урала Россия в конце века по производству черных металлов вышла на первое место в мире. Урал давал 4/5 российского чугуна и 9/10 российской меди. Уральское железо экспорттировалось во многие страны Европы и в США.

Подобные локальные индустриальные анклавы в известном роде оказываются индифферентными к факторам конкуренции и нормального экономического расчета, а их уникальность должна серьезно поддерживаться самыми расточительными средствами. Например, еще в конце XIX в. высококачественное уральское железо, производимое из древесноугольного чугуна, снабжало зарубежные рынки избирательных направлений (например, автомобильную промышленность Америки) и в силу уникальности своего продукта не знало в этом отношении конкуренции. Но как только были внедрены более дешевые способы фабрикации автомобильного листа, а уникальными свойствами железа можно было пожертвовать, западноевропейское и собственное американское железо стали по-всеместно вытеснять экзотический уральский продукт, особые качества которого обеспечивались за счет варварского сведения лесных площадей.

В условиях параллельного развития в России других, более прогрессивных социально-экономических укладов, архаичный, переживший себя способ производства мог продолжать существовать лишь в искусственных условиях, обеспечиваемых сильной государственной властью. С отменой крепостничества была фактически ликвидирована феодальная монополия на трудовые ресурсы, но в

значительной объеме была сохранена монополия государства и консервативных социальных групп на ресурсы экономические в первую очередь, на ресурсы первичные, составляющие материальный базис экономики (леса, земли, минеральные богатства). Отсюда определенные зоны индустриального хозяйства были фактически выведены за рамки естественных конкурентных факторов, действующих в открытой экономической системе. В дореволюционной России за счет резервирования крупных ресурсных источников существовали довольно значительные сектора казенной (государственной) и кабинетской (императорской) промышленности. Не случайно наиболее сильные позиции эти сектора занимали в ресурсно-богатейших районах России — на Урале и в Сибири.

Особое значение в данной связи имела добыча драгоценных металлов и камней. В первой половине XIX века один Алтайский горный округ получал серебра больше, чем Англия, Франция, Швейцария, Пруссия и Бельгия вместе взятые. На смену «серебряному» веку пришел «золотой». В середине XIX в. среднегодовая добыча золота в Сибири достигла 25 тонн., на долю России приходилось 10,6% его мировой добычи. Следовательно, Сибирь играла крупную роль в этом деле даже по мировым стандартам. На втором месте по получению благородного металла стоял Урал. Зато он был на первом месте по добыче платины, не только в России, но и в мире. В начале XX в. из его недр извлекали 95% мировой добычи платины. Остальные 5% приходились на долю Колумбии, Канады, США и Южной Африки.

Роль производств, культивировавшихся правительством в рамках государственной ресурсной монополии, не может рассматриваться исключительно негативно; она противоречива в самих своих исторических посылках. Безусловно, с общеэкономической точки зрения, эта монополия вызывала такое перераспределение ресурсов в системе, которое значительно тормозило развитие производственного частнопромышленного сектора, сужало его экономическое пространство. С другой же стороны, в условиях определенных искусственных преференций она же позволяла возвращать элементы высочайшей производственной и технической культуры, имевшие общенациональное значение.

Выразительный пример этого дает развитие камнесамоцветной и ювелирно-камнерезной промышленности Среднего Урала.

В течение XVIII–XIX вв. наиболее ценные месторождения ювелирных и поделочных камней на Урале находились в монопольной собственности Его (Ее) Импер. Вел. Кабинета, что, по общей оценке, тормозило или загоняло в нелегальное русло частные старательские и камнерезные промыслы. Хотя и в этой системе имели место отступления от жесткой монополии (частная аренда месторождений), все-таки основные объемы камнесамоцветного сырья циркулировали в замкнутой системе кабинетских гранильных фабрик (прежде всего, Петергофской и местной, Екатеринбургской), работавших на государственных дотациях и поставлявших высокохудожественную продукцию к императорскому дому. В пореформенный период (60–70-е гг. XIX вв.) Екатеринбургская гранильная фабрика, вынужденная перейти на работу в условиях открытого капиталистического рынка, испытала стремительный упадок производства и общую деградацию камнерезного искусства. Сменившая ее отложенное производство стихия мелких частных камнерезных промыслов так никогда и не смогла уже добиться выпуска такого же уровня и великолепия.

В сущности, по аналогии можно рассматривать и условия функционирования казенного военного сектора в промышленности царской России, а затем и советской оборонной промышленности, создание которых (последней в гораздо большей степени) достигалось за счет искусственной концентрации лучших материальных, научно-технических и интеллектуальных ресурсов нации, выведения их из нормального народнохозяйственного оборота. Положение конверсионных отраслей промышленности уже в период современных рыночных реформ в России показывает, что без специальных мер спасения, в частности, специфических, геополитический формируемых каналов сбыта (рынки вооружений), «шоу» вхождения в рыночную стихию повсеместно ведет к распаду и деградации сложных высокотехнологичных производств.

Естественно, что единственными причинами, которые могли оправдывать существование неэффективных, ресурсно-затратных производств, могли быть исключительно особые стратегические приоритеты государства, его имперские интересы, приобретавшие самодовлеющее значение. С этой точки зрения в экономических системах царской и большевистской России просматривается много общих генетических черт: в царской России уже существовал не-

который «квазисоциалистический» сектор промышленности, столь же малоэффективный и пронизанный социальным патернализмом, что и в советское время. Их общность определялась характером созданной политической системы, выросшей не из гражданского общества и его экономического базиса, а, наоборот, активно формировавшей экономическую систему по своему образу и подобию. Однако если в царской России с трудом, но вызревала многоукладная система экономики, то при советском режиме прежняя ресурсная монополия чудовищно разрасталась, обретая тотальную форму.

Громадные пространственные и ресурсные резервы, оказавшиеся в распоряжении советского государства позволяли существенно видоизменять порядок и формы экономической деятельности. Парадигма абсолютно управляемой «плановой» экономики не могла не выразиться в относительно простых, примитивных методах оценки и измерения экономического прогресса. Чисто количественному измерению экстенсивно расширяющейся ресурсно-физической базы нового режима способствовала идеология «осажденной крепости», находящейся в антагонистических взаимоотношениях с внешним миром. В результате экономика стала оцениваться в значительной мере в категориях грядущего мирового конфликта, в военно-мобилизационном духе. Это требовало строгой инвентаризации всего ресурсного потенциала страны, реализации программ по развитию экспортозамещающих производств, «завоеванию технико-экономической независимости» страны.

В свою очередь образование на одной шестой части света все менее зависимой от внешнего мира «коммунистической крепости», обеспеченной мощными компенсаторными резервами неисчерпаемой ресурсной базы, сообщали правящему режиму невиданные прежде в истории возможности произвольного социального «конструирования». Очевидно не удалось бы построить «социализм в отдельно взятой стране», если бы эта страна не обладала огромной и разнообразной территорией, где представлены почти все природные условия и почти все мыслимые ресурсы. То, что коммунистический режим утвердился на территории страны, геополитически составлявшей уже «большое экономическое пространство», обеспечивало возможность замкнутого самодовлеющего политического развития. Более того, сама политическая и идеологическая доктрина режима таила в себе глубокие противоречия: консерва-

тивный в своей сущности социально-политический строй должен демонстрировать внешнему миру невиданные прежде темпы экономического прогресса, а это могло достигаться только за счет внешнего динамизма системы (в противовес глубине экономического действия), новых «побед над пространством и временем».

Надо сказать, что в критические периоды существования советского государства ему удавалось мобилизовать гигантские природные ресурсы разных районов для защиты национальных интересов и вместе с тем оказать заметное влияние на мировую политику. Особенно рельефно это проявилось в годы второй мировой войны и последовавшей за ней «холодной» войны. В суровом и ответственном для судьбы СССР, да и всей антигитлеровской коалиции 1942 г. Сибирь дала около трети общесоюзного производства чугуна, свыше четверти стали и проката, почти половину кокса и треть марганца, а вместе с Уралом почти полный объем этой ценнейшей продукции.

В условиях «холодной войны», когда СССР добивался стратегического паритета в противоборстве с США, советская экономика, работавшая с большим напряжением, значительную часть ресурсов черпала из восточных регионов. Резко интенсифицировалась добыча руд черных и цветных металлов, особенно редкоземельных, широкое распространение получили энергоемкие и химические производства, развернулась крупномасштабная добыча алмазов, что сыграло важную роль в увеличении валютных поступлений. Еще большее значение имели в этом плане поставки за рубеж сибирской нефти и газа. Огромные природные ресурсы восточных районов оказали существенное влияние на выработку внешней политики, что особенно рельефно проявилось во время мирового энергетического кризиса начала семидесятых годов, событий вокруг Персидского залива и, конечно же, в связи с гигантскими поставками сибирского газа в Европу.

Вливание огромного количества сырья в экономику обеспечивало ее рост и увеличение занятости, гарантировало относительное благосостояние народного хозяйства и позволяло аккумулировать иностранную валюту от экспорта ресурсов прежде всего энергетических. Только за 10 лет (1974–1984 гг.) экспорт нефти и продуктов ее переработки дал стране около 200 млрд инвалютных рублей, что на некоторое время компенсировало низкую эффективность обще-

ственного производства, отодвинуло на 10-15 лет неминуемый кризис. Короче, природные ресурсы восточных районов долгое время играли компенсаторную роль, помогали снимать напряжение внутри страны, подкармливать «социалистические» режимы в Восточной Европе, Азии и даже в Африке, Латинской Америке, а в конечном счете мир держался на грани войны.

Следовательно, особенности такого политического режима фокусировались в создании модели экономики, рассчитанной исключительно на все возрастающие масштабы и темпы ресурсной эксплуатации территорий, а конкретная государственная политика, обеспечивавшая такое экстенсивное развитие, не могла не принимать архаичной имперской формы, на этот раз инструментально хорошо вооруженной соответствующими временем технологиями.

Политико-экономическая сущность имперской формы господства, как известно, содержит в себе один очень важный отличительный признак — тотальную ресурсно-перераспределительную роль политического центра, или метрополии. Ресурсы отдельных территорий изымаются в «общегосударственных целях», концентрируясь в распоряжении верховой власти, и затем направляются на реализацию самодовлеющих государственных интересов и — частично — возвращаются территориям на достаточно произвольных основаниях, определяемых исключительно интересами укрепления господствующей позиции центра. Имперская модель, как правило, исключает сколько-нибудь значительное использование экономических ресурсов на местах, а тем более развитие горизонтальных связей между территориями, которые объективно бы умалили значение общегосударственного центра, всей иерархически организованной системы господства.

Это непосредственно определяло принципы экономического районирования страны, и ее политico-административного деления. В советский период, особенно в результате предпринятой Сталиным в начале 1930-х гг. политico-административной реформы, фактически и произошло рождение имперской системы эксплуатации территорий. Крупные регионы (Уральская область, Сибирский край и др.), в рамках которых только и могли возникнуть целостные региональные хозяйствственные системы, были разукрупнены, и в дальнейшем мелкий (областной) масштаб территорий, как никакой другой, соответствовал целям изъятия ресурсов, но исключал их са-

мостоятельную крупномасштабную экономическую деятельность. По линиям взаимодействия регионов с центром возникли мощные ведомственные «сатрапии» как каналы изъятия и перераспределения ресурсов.

В начале 80-х гг. СССР занимал практически первое место в мире по добыче алмазов. Причем 4/5 из них обеспечивала Якутия. Распоряжалась ими, конечно, Москва, которая получала за них на мировом рынке ежегодно от 500 млн до 1 млрд долларов. Советский Союз являлся также одним из крупнейших в мире производителем и экспортёром платины. 3/4 этой продукции получалось на Норильском горнometаллургическом комбинате в Эвенкии, но она не имела никакого отношения к распределению этой продукции. В то же время советское правительство продавало золота за рубеж в среднем на 3-4 млрд долларов в год. 2/3 его добывалось в Якутии. Доходы от продажи ценнейших ресурсов одной Сибири покрывали 4/5 потребностей советского импорта, а сама она мало что получала для своего социального прогресса.

Сложившуюся систему распоряжения природными ресурсами восточных районов России не смогли поколебать провозглашавшиеся на всем протяжении советского периода региональные программы (Урало-Кузбасс, Ангаро-Енисейская, БАМ и др.), поскольку они преодолевали лишь наиболее вопиющие нерациональные черты общего экономического порядка вещей (сверхдалние перевозки гигантских объемов сырья и топлива), а их интеграционный эффект реально выразился лишь в создании отраслей первичного уровня обработки сырья (металлы, электроэнергия и др.). Поэтому сколь бы внушительным ни был абсолютный рост экономического потенциала восточных регионов России, их доля в народном хозяйстве страны изменялась сравнительно медленно. Эта инерция ярче всего проявлялась в сохранении разительного контраста между сосредоточением перерабатывающих мощностей в Европейской России, а ресурсов сырья и энергии на Востоке. Имперское экономическое пространство оказалось таковым, что ни в одном регионе России сегодня не наблюдается признаков сложившегося сбалансированного экономического комплекса. Фрагментация единого экономического пространства привела к тому, что большинство регионов стало представлять собой нежизнеспособные части с обна-

женными экономическими «нервами», что обостряет и без того сложную обстановку в нынешней России.

Таким образом, в связи с огромными пространствами России и исключительными богатствами ее недр, особенно в восточных районах, значительная часть ее истории связана с колонизацией новых территорий и освоением их природных ресурсов. Именно этот фактор является одной из основ ее могущества, а вместе с тем и хронических экономических неурядиц. Имея слишком много, русские не всегда по-хозяйски относились к своим богатствам, растративая их не на создание прочного экономического фундамента общества, а нередко на неоправданную роскошь правящей элиты и имперские амбиции как внутри страны, так и за ее пределами. До последней четверти XX века эти богатства компенсировали недостаточно эффективный хозяйственный механизм. Теперь очевидно, что без решительного совершенствования этого механизма на базе самых современных технологий Россия не сможет выйти из того тяжелого кризиса, в котором она оказалась на пороге третьего тысячелетия.

*Доклад, прочитанный на III
Междунородной конференции по горной
истории в Денвере (США) июнь 1994*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

В условиях рыночных реформ региональные проблемы в России приобрели решающее значение. Их целесообразно рассмотреть на примере одного из старейших в России Уральского экономического района, имеющего трехсотлетнюю историю и типично отражающего сегодняшнее состояние социально-экономического развития страны. Он занимает территорию почти в 1 млн квадратных метров, то есть больше, чем такие государства как Франция и Великобритания. Его население – более 20 млн чел. Это один из самых индустриально развитых районов России, на долю которого в 1990 г. приходилось 15,6% ее промышленного производства, причем 1/3 составляла быстро прогрессирующая отрасль машиностроения.

Проблемы уральского регионализма, их экономический аспект сегодня активно обсуждаются в средствах массовой информации, но обобщающих исследований пока нет. Можно назвать только ряд публикаций, которые дают для этого некоторый фактический материал¹. Отталкиваясь от них, попытаемся наметить основные линии изучения данной темы. Камнем преткновения в ходе современных реформ является экономика. В связи с невозможностью в одной краткой публикации осветить весь комплекс ее вопросов остановимся только на долговременных тенденциях, приведших к нынешней ситуации, без преодоления которых невозможен выход из кризиса.

Исторически сложилось так, что, начиная с конца XVII в., Урал складывался в единый промышленно-экономический регион по инициативе государства и при его непосредственном участии, поскольку страна нуждалась в промышленных изделиях, прежде всего в металле, как для внутренних целей, так и особенно для нужд обороны. Более того, с самого начала он формировался по существу как военно-промышленный комплекс. Первые крупные заводы тоже строились как военные предприятия. За 1702-1703 гг. они отлили 400 пушек, которые были так необходимы Петру I в Северной войне. В дальнейшем снабжали оружием русскую армию в войне с Наполеоном, а потом с кайзеровской Германией. В годы первой мировой войны Урал дал 47% всей вырабатываемой в стране снарядной

стали, 31% полевых артиллерийских орудий, 67% крепостных гаубиц, 43% винтовок.

Еще выше поднялось значение Урала в годы второй мировой войны, когда он обеспечивал 40% всей продукции военной промышленности СССР. На его долю приходилось 2/3 танков, выпускавшихся в стране, что превышало производство такого вида вооружения всей Германией. Один Ижевский машиностроительный завод поставлял 92,8% общесоюзного производства винтовок и карабинов. В годы холодной войны Урал стал одним из крупнейших военно-промышленных комплексов СССР, специализирующимся на производстве атомного и ракетного оружия.

В настоящее время на Урале сосредоточено 22% предприятий военно-промышленного комплекса России, причем многие из них играют ведущую роль не только в стране, но и в мире. К началу 1992 г. на этих предприятиях было занято 45% промышленно-производственного персонала и находилось почти 42% основных промышленно-производственных фондов региона. Они выпускали более 36% объема товарной продукции.

Крупные масштабы военного производства на Урале, с одной стороны, стимулировали развитие его производительных сил, привлечение инвестиций и людских ресурсов, формирование большой армии высококлассных специалистов, а с другой стороны, привели к значительному исчерпанию его природных ресурсов, чрезвычайному обострению экологической ситуации, уродливому деформированию структуры экономики и занятости населения, что привело к крайнему обострению региональных проблем. В современной ситуации, когда произошло резкое снижение оборонных заказов, вплоть до полного отказа от них, эта отрасль народного хозяйства и занятые в ней миллионы людей оказались в невероятно трудных условиях, ведущих к крайней социальной напряженности. Конверсия оборонного производства с его высокими технологиями может обеспечить новый импульс экономике края, но для этого требуются миллиарды рублей, которых сейчас нет у государства, что загоняет положение с военно-промышленным комплексом в тупик.

Следствием милитаризации экономики явилась ее особая, неблагоприятная структура, связанная с преимущественным развитием отраслей тяжелой промышленности. Только в течение XVIII в. на Урале было построено около 200 чугуноплавильных, железодела-

тельных и медеплавильных предприятий. В результате к началу XIX в. Россия по производству черных металлов вышла на первое место в мире, а Урал обеспечивал 4/5 чугуна и железа. После отмены крепостного права он встал на путь широкой капиталистической индустриализации. За 1860-1913 гг. выплавка чугуна увеличилась в 3,7 раза, производство железа и стали – в 4, меди – в 3,4 раза, добыча каменного угля – в 600 раз.

Правда, по причине отдаленности Урала, слабости российского рынка и господства натурального хозяйства, уральские заводы и в особенности горные округа представляли своего рода универсальные комбинаты с замкнутым циклом производства, как технологическим, так и социально-бытовым. По выражению одного крупного промышленника заводчики стремились «иметь все свое от церкви до кабака». Такой опыт имел положительный смысл.

В годы советской власти, прежде всего в период индустриализации, невиданными ранее темпами форсировалось строительство промышленных предприятий, главным образом тяжелой индустрии, как базы обороны промышленности. За годы первых двух пятилеток на Урале было построено около 400 крупных предприятий. Если раньше ставка делалась прежде всего на металлургию, то теперь добавилось машиностроение, электроэнергетика, химическая промышленность и др. В то время как по СССР капитальные вложения в промышленность в 30-е гг. составляли около 50%, на Урале они достигали 75%. По стране удельный вес производства группы «А» поднялся с 42,9% в 1913 г. до 57,8% в конце 30-х гг., а на Урале с 65,6% до 74,2%. В то же время легкая и пищевая промышленности, сельское хозяйство развивались несравненно меньшими темпами, что вело к большой диспропорции в экономике и ухудшению социально-бытового положения населения. В стоимостном выражении производство продукции легкой промышленности в общем объеме индустрии не достигало 6%. В дальнейшем этот казалось бы временный дисбаланс не исправлялся, а наоборот усугублялся, что вело к серьезным структурным перекосам в экономике.

Стратегия форсированного развития тяжелой индустрии и сверхцентрализация руководства экономикой привели к ее однобокому развитию. Предполагаемого комплексного, взаимоувязанного развития отраслей народного хозяйства не получилось. Региональная экономика, удовлетворяя интересы центра, с каждым годом все

далше отрывалась от нужд самого Урала и тем самым закладывала мину замедленного действия большой разрушительной силы.

Она сработала в условиях кризиса тоталитарной системы, а детонатором стали рыночные реформы. В 1987 г. в структуре валового общественного продукта Уральского экономического региона на долю промышленности приходилось 73,6%, в то время как в Российской Федерации только 62%. В строительстве соотношение выглядело как 7,7% к 11%, в торговле, заготовках и мтс – соответственно 2,5% к 8,4%. Из приведенных цифр видно, что на Урале удельный вес промышленности был почти на 10 процентных пунктов выше, чем в Российской Федерации в целом, все другие виды деятельности по отношению к ней носили подчиненный характер. Гипертрофированное развитие тяжелой индустрии предопределило высокую материалоемкость производства – удельный вес материальных затрат превышал 65%, что легло тяжелым бременем на формирование рыночных отношений. В регионе сложилось значительное превышение ввоза товаров народного потребления над вывозом, например в Свердловской области в два раза.

Характерно, что товарообмен осуществляется в большей степени со странами СНГ, чем с другими краями и областями России. Встала остройшая проблема переориентации региона на российских производителей товаров народного потребления и продовольствия.

Либерализация цен на Урале, в отличие от других регионов, обладающих дефицитными природными ресурсами, пользующимися высоким спросом на мировом рынке, а также от районов, эффективно удовлетворяющих свои текущие потребности за счет внутренних ресурсов, нанесла большой ущерб экономике, в связи с тем, что его промышленность имеет длительный производственный цикл и ориентирована на удовлетворение инвестиционных потребностей. Чрезмерное преобладание средств производства в составе общественного продукта в рыночных условиях заметно влияет на инфляционные процессы. Между тем, если в Российской Федерации в 1991 г. удельный вес производства средств производства (группа «А») в общем объеме промышленности составлял 69,8%, а производства предметов потребления (группа «Б») – 30,8%, то в Свердловской области на долю отраслей группы «А» приходилось

85,9%, в Челябинской – 86,6%, Пермской – 80,3%. Удельный вес отраслей группы «Б» составил соответственно – 14,1; 13,4; 19,7%.

Такая диспропорция привела к значительному превышению денежной массы, выплачиваемой населению региона, над возможностями рынков потребления и услуг, что питало инфляционные процессы и без того интенсивные в условиях спада производства. В дальнейшем началось массовое обнищание населения. В Свердловской области поставка для продажи населению мяса и мясопродуктов уменьшилась в 1991 г. по сравнению с 1990 г. на 23,8%, колбасных изделий – на 12,4%, рыбы – на 27,8%, животного масла – на 35,5%, сахара – на 23,9%, картофеля – на 24,2%. Обвальное ухудшение продовольственного снабжения ведет к нарастанию социальной напряженности и обострению региональных проблем.

Очевидно, что народно-хозяйственный комплекс Урала нуждается в глубокой структурной перестройке, которая может служить экономической основой решения региональных проблем. Она должна преодолеть однобокое развитие экономики региона, оптимально сбалансировать соотношение групп «А» и «Б», сократить военное производство, обеспечить повышение эффективности производства на базе научно-технического прогресса, улучшения экологической обстановки, поднять жизненный уровень населения.

Структурная перестройка экономики и конверсия требуют крупных инвестиций, однако в условиях рыночных реформ они катастрофически сокращаются. Если в 1990-1991 гг. темпы снижения централизованных капиталовложений хотя бы частично компенсировались предприятиями за счет собственных средств, то на следующий год их объем уменьшился вдвое. В 1992 г. ввод основных фондов сократился до 20% по отношению к аналогичному показателю предшествующего года. Систематически снижаются инвестиции в реконструкцию и техническое перевооружение производства, что чревато его деградацией. Не востребуется огромный потенциал машиностроительных предприятий. К 1993 г. они использовались в среднем наполовину. В условиях чрезмерной зависимости экономики Уральского экономического района от технологически отсталых производств базовых отраслей, ориентированных на федеральный рынок, необходимы оперативные меры по сохранению и модернизации его индустриального комплекса.

Многовековое использование промышленного потенциала Урала, исчерпание значительной части его ресурсов, однобокость структурной политики, устарелость многих производств, износ оборудования, масштабное загрязнение окружающей среды, демографическая и социальная напряженность, обостренные рыночными реформами, привели регион в депрессивное состояние. На этой исторической основе развиваются труднопреодолимые инерционные процессы. Экономическое пространство региона оказалось узким не только для прогрессивных структурных сдвигов в индустрии, но и для адекватного развития диспозитивных видов деятельности (предваряющих сферу производства или обслуживающих ее), социальной инфраструктуры, транспортной сети.

В свою очередь лидировавшие на определенной стадии технологического прогресса (20–30-е гг. XX в.) главные отрасли специализации Урала сегодня относятся к числу структурно устаревших и экологически «грязных» производств. Негативно сказывается на работе промышленности ухудшение горно-геологических условий добычи сырья, снижение его качества. Труднейшую проблему для хозяйства Урала представляет повышенная изношенность оборудования. Это прежде всего относится к металлургии, топливно-энергетическому комплексу, лесной и деревообрабатывающей промышленности. Износ основных фондов промышленности составляет 51%. Велика доля рабочих, занятых тяжелым, немеханизированным трудом во вредных условиях. В металлургии она составляет 71,7%. Суммарный результат этих негативных тенденций выражается в пониженных по сравнению с общероссийскими и мировыми темпами роста производительности труда и его эффективности.

По масштабам воздействия на окружающую среду, уровню ее загрязненности Уральский регион находится на втором месте в стране, а по выбросу вредных веществ в атмосферу по единице площади – на первом месте. Из 31,8 млн т. вредных веществ, выброшенных в 1991 г. в атмосферу промышленными предприятиями России на долю Урала пришлось 7,5 млн т., т.е. 23,7%. Большая часть из них принадлежит Свердловской и Челябинской областям. В крупных центрах черной металлургии Урала (Магнитогорск, Нижний Тагил и др.) общая заболеваемость населения почти на 40% выше, чем в относительно чистых городах. Экологическую ситуацию осложняет повышенное в ряде районов экологическое за-

грызниение, в частности выбросами производственного объединения «Маяк» (Челябинская область). В последние годы в связи с резким падением объемов производства наметилась тенденция к снижению выбросов вредных веществ, но их величина продолжает превышать предельно допустимую.

Следствием депрессии в экономике является сокращение темпов роста населения на Урале, его активный отток из региона. За 1959–1970 гг. среднегодовые темпы прироста населения сократились по сравнению с 1926–1939 гг. более, чем вдвое, а в последующие годы еще больше. В 1992–1994 гг. здесь смертность превысила рождаемость, т.е. происходит депопуляция. Количество умерших в Свердловской области в первой половине 1994 г. превышало число родившихся в 1,8 раза. Причиной высокого уровня смертности является не только процесс «старения» населения, но и сохраняющаяся тенденция ухода людей из жизни в трудоспособном возрасте, составляющая почти треть общей смертности.

Существенной составляющей депрессивного состояния является безработица. За 1990–1991 гг. численность промышленно-производственного персонала государственной промышленности Урала сократилась на 3,7%, а за девять месяцев 1992 г. уже на 12,3%. Некоторая часть уволенных устроилась на работу в альтернативные структуры, но значительное количество, особенно женщины, остались без работы. Среди тех, кто обращается в службы занятости, они составляют половину. Уровень безработицы (к численности населения в трудоспособном возрасте) по Свердловской области на 1 июля 1995 г. составил 2,84%. По всей вероятности это только начало. Безработица будет расти, усугубляя социальное положение в регионе.

Преодолеть депрессивность рыночными методами вряд ли удастся. В совокупности с ними необходимы государственные программы, как это имело место в Англии, Бельгии, Германии и США. Необходимы подстраховочные рычаги государственной инвестиционной, финансово-кредитной и социальной политики. Однако нельзя не учитывать и собственную политическую волю региона. В связи с большим вкладом Урала в экономику страны остро дискутируется вопрос о масштабах его отчислений в федеральный бюджет. Местные политики неоднократно поднимали вопрос о том, что эти отчисления должны быть одинаковы для всех субъектов

федерации. Между тем, по их утверждению Татарстан платит 14%, Башкортостан – 26%, а Свердловская область – 51%. Коллизии подобного рода являются самой питательной средой для уральского регионализма.

Таким образом, экономические основы Уральского регионаизма очень сильны, они дают немало оснований для пересмотра политического, социально-экономического и культурного положения региона. Эта задача самостоятельного, точнее интеграционного исследования на стыке экономики, права, политологии, социологии, демографии и экологии. Сегодня можно только констатировать, что экономическая ситуация тревожная, почти катастрофическая, но не стоит впадать в крайний пессимизм.

Дело в том, что в кризисные ситуации Урал попадает не в первый раз. Разговоры об исчерпаемости его богатств ведутся уже два века, а они открываются все новыми и новыми гранями. Первый крупный кризис был связан с отменой крепостного права в России (1861 г.) и последующей стагнацией уральской горнозаводской промышленности. Однако специальная правительственная комиссия во главе с выдающимся русским ученым Д.И.Менделеевым, посетившая Урал в конце прошлого века, пришла к выводу о его далеко не использованных возможностях, высказала предложения по дальнейшему развитию, которые вскоре дали очень хорошие результаты.

Второй большой кризис разразился после революции 1917 г., но он был преодолен на путях индустриализации. В июне 1932 г. выездное заседание Академии наук СССР в Свердловске приняло обширную и основательно продуманную программу развития производительных сил Урала, которая вывела его к началу второй мировой войны в ряды крупнейших центров мировой индустрии.

Можно надеяться, что и третий, нынешний тяжелейший кризис тоже будет пережит на путях преодоления депрессивности. В последнее время появились слабые проблески надежды на относительную стабильность производства, уменьшение темпов его падения. В некоторых отраслях наметился даже подъем. На предприятиях Свердловской области в первой половине 1995 г. по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года произошел рост производства дизелей и дизельгенераторов на 7,8%, машин непрерывного литья заготовок – на 14,7%, доменного и сталели-

тейного оборудования – на 20,3%, медтехники – на 54,7%. Хотелось бы верить, что это не случайное явление, и оно перерастет в долговременную тенденцию.

Примечания

- 1 История народного хозяйства Урала. Ч. 1,2. Свердловск, 1988, 1990; Бакунин А.В. Урал как единый промышленно-экономический район. Свердловск, 1991; Алексеев В.В., Зубков К.И., Килин А.П., Широгоров В.В. Зарубежный опыт антидепрессионной региональной политики. Екатеринбург, 1992; Постфедерализм и региональная политика. Екатеринбург, 1994; Экономическая реформа в регионе: проблемы сочетания федерального и территориального. Екатеринбург, 1994; Региональная структура России в geopolитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995.

*Regionalism in Russia. The Urals Case
Leuven. 1996. Pp. 75 - 85*

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УРАЛА В XX В.: ИТОГИ И УРОКИ

Социально-экономическое развитие Урала в XX в. носило противоречивый характер. С одной стороны, он продолжал оставаться одним из самых развитых в индустриальном отношении районов страны. С другой стороны, давало о себе знать относительное истощение его природных ресурсов и нарастающее загрязнение окружающей среды.

Первая тенденция особенно ярко проявилась во время двух мировых войн и третьей – холодной, когда в силу своего стратегического положения, разносторонних природных ресурсов, огромного промышленного потенциала, многочисленной армии высококвалифицированных индустриальных рабочих и инженерно-технических работников он неуклонно, даже скачкообразно наращивал производство, вовлекая в него все новые и новые контингенты рабочей силы, что вело к закреплению здесь местного населения и привлечению многочисленных мигрантов, которые прибывали нередко не по своей воле, а в результате различных эвакуаций, депортаций, репрессий.

Вторая тенденция начала сказываться в 60-е гг. и вылилась в депрессивное состояние в 80-е гг. Новая волна индустриализации перекатилась через Урал и разлилась по Сибири. Она поглотила основные капитальные вложения и часть квалифицированной рабочей силы. Уральское производство стагнировало, а население под влиянием ухудшающегося экономического положения и экологической угрожаемости начало мигрировать в другие районы.

Все это вместе взятое в сочетании с внутридемографическими причинами привело к существенным изменениям в народонаселении Урала XX в. Стремление понять данную ситуацию имело место в ряде монографий и статей, но они, как правило, касались или отдельных периодов, или конкретных проблем, но не давали цельной картины процесса на протяжении всего столетия. В задачу данной публикации входит попытка осмыслить главные направления и основные итоги демографического развития региона в завершающем-ся XX в.

На основе разнородных источников с учетом исторической подвижности границ Урала обобщенную динамику численности его населения можно выразить следующим образом (Табл. № 1).

Таблица № 1
Динамика численности населения Урала (XVIII–XX вв.)

Годы	Численность населения (млн чел.)		Удельный вес Урала в населе- нии России (% роста)
	Россия	Урал ¹	
1719	13,2	0,61	4,7
1800	26,7	1,6	6,0
1900	71,1	7,3	10,3
1920	88,2	6,4	7,3
1926	93,1	10,8	11,6
1937	104,0	12,3	11,8
1939	108,4	13,4	12,4
1959	117,5	17,5	14,9
1970	130,1	19,0	14,6
1979	137,4	19,4	14,1
1989	147,0	20,3	13,8
1990	148,0	20,3	13,7
1991	148,5	20,4	13,7
1992	148,8	20,4	13,7
1993	148,7	20,5	13,8
1994	148,7	20,4	13,7

Из нее следует, что на протяжении последних 275 лет численность населения Урала неуклонно росла. Однако темпы этого роста в разные исторические эпохи были неодинаковы, а в некоторые периоды происходило даже сокращение народонаселения. В XVIII в. произошло увеличение – 2,5 раза, XIX в. – 4,5 раза. За первые два ве-

ка удельный вес Урала в составе населения России вырос в 2,2 раза. В ХХ в. численность жителей региона увеличилась почти в 3 раза, а их удельный вес в составе населения России вырос в 1,3 раза. Следовательно, процесс заселения и обживания территории шел довольно интенсивно. Однако в ХХ в., в отличие от многих других регионов, средний темп прироста населения замедлился, практически стабилизировался удельный вес жителей Урала в составе России.

По отмеченным выше причинам динамика численности населения была крайне неравномерной. Если с 1900 по 1920 гг. население Урала уменьшилось на 1 млн чел., а его удельный вес в общероссийских показателях сократился на 3%, то между 1920 и 1939 гг. произошло двукратное увеличение населения региона и почти такое же увеличение удельного веса в масштабе России. Второй крупный период наблюдался в 1939–1959 гг., когда за 20 лет численность населения региона выросла всего на 4 млн, а удельный вес поднялся на 2,5%. Причиной первого перепада были империалистическая и гражданская войны с последующим бурным ростом в период индустриализации и сталинских репрессий. Второй перепад объясняется уменьшением численности населения и сокращения рождаемости в годы отечественной войны. Его не компенсировала даже массовая эвакуация жителей оккупированной части страны. С 60–70-х гг. численность жителей Урала как бы замирает на одном уровне, в то время как страны продолжает заметно расти. Удельный вес уральского населения в общем балансе России медленно, но неуклонно сокращается, что связано с нарастанием депрессионных процессов.

Динамика населения определяется тремя главными факторами: рождаемостью, смертностью, миграциями. Рассмотрим их в отдельности. Таблица № 2 свидетельствует, что генеральной тенденцией ХХ в. было неуклонное снижение рождаемости и смертности населения Урала. Но взаимодействие между этими величинами носило неустойчивый характер вплоть до перехода в свою противоположность.

Таблица № 2

**Рождаемость и смертность на Урале в XX в.
(на 1000 чел. населения)²**

Год	Рожд-ть	Смерт-ть	Год	Рожд-ть	Смерт-ть
1901	55,8	41,6	1960	25,1	7,3
1913	54,9	41,4	1961	23,5	7,3
1922	37,7	49,4	1962	21,4	7,4
1925	53,9	34,4	1963	19,9	7,1
1926	55,7	27,4	1964	17,8	6,8
1927	53,4	33,2	1965	16,2	7,2
1928	54,6	26,3	1966	15,8	7,3
1929	49,5	27,1	1967	15,0	7,6
1933	35,0	49,3	1968	14,7	7,9
1935	32,0	17,7	1969	15,0	8,3
1936	34,3	23,3	1970	15,3	8,5
1937	40,3	24,0	1971	15,8	8,5
1938	42,1	21,0	1972	16,1	8,8
1939	41,8	23,4	1973	16,1	9,0
1940	39,6	26,2	1974	17,1	9,2
1941	34,0	22,8	1975	17,0	9,7
1942	20,9	26,0	1976	17,2	10,0
1943	11,6	17,6	1977	17,0	10,0
1944	10,4	17,9	1978	17,0	10,4
1945	14,6	10,5	1979	16,8	10,5
1946	32,0	12,6	1980	16,8	10,7
1947	34,9	18,5	1981	17,1	10,7
1948	30,0	16,7	1982	17,4	10,4
1949	30,8	14,1	1983	18,9	10,7
1950	31,7	11,5	1984	18,2	11,3
1951	32,5	11,6	1985	17,7	11,0
1952	31,2	10,0	1986	18,5	9,8
1953	29,3	9,1	1987	18,5	10,0
1954	30,2	9,0	1988	17,1	10,1
1955	27,1	8,1	1989	15,5	10,2
1956	24,7	7,0	1990	14,0	10,4
1957	24,0	7,6	1991	12,6	10,7
1958	26,4	7,3	1992	10,2	12,5
1959	25,4	7,7	1993	9,8	13,8

Пик рождаемости приходился на период, предшествующий первой мировой войне, а пик смертности на годы гражданской войны, при этом их разница поменялась с точностью до наоборот. В последующем, до отечественной войны за исключением голодного 1933 г., наблюдалось постепенное снижение рождаемости и смертности, причем последняя сокращалась значительно быстрее, чем рождаемость, что давало значительный прирост населения.

В годы Отечественной войны снова резко, почти в 3 раза, сократилась рождаемость, но и смертность, как это ни странно, тоже сократилась, правда несравненно меньше, чем рождаемость. Последний феномен, видимо можно объяснить тем, что Урал оставался тыловым районом, где люди не гибли от снарядов и пуль, а напряженность военного времени уменьшила традиционную заболеваемость мирного времени.

Послевоенный период, до начала 60-х гг. характеризовался относительно высокой рождаемостью и резким сокращением смертности. С начала 60-х гг. рождаемость пошла на спад параллельно с возрастающей с начала 70-х гг. смертностью. В 90-е гг. эти величины почти уравнялись, а в 1992 г. впервые после гражданской и отечественной войны смертность превзошла рождаемость. Характерно, что этот процесс имеет тенденцию к росту. На Урале, как и в стране в целом началась депопуляция. Вместе с отрицательным сальдо миграции это крайне опасная тенденция, которая может привести к образованию демографической ниши на границе Европы и Азии со стратегическими, политическими, экономическими и этнографическими следствиями.

Важную роль в демографическом развитии Урала на протяжении столетий играли миграции. Их значение особенно возросло со второй четверти XX в. в условиях модернизации России, перехода от традиционного к индустриальному обществу. Проделанные косвенным путем расчеты, позволяют воспроизвести фрагментарную картину миграционного сальдо и соотнести его с величиной естественного прироста (Табл. № 3). Они показывают, что естественный прирост населения, за исключением периода войн, заметно превышает положение за счет миграции. Отсюда следует вывод о том, что основу прироста населения составляет его естественный рост, который, несмотря на неуклонную убыль, все-таки оставался значительным.

Таблица № 3

**Соотношение расчетного сальдо миграций и естественного прироста населения на Урале в 1920-1991 гг.
(на 1000 населения).**

Год	Мигр-я	Ест.прирост	Год	Мигр-я	Ест.прирост
1920	-5,7	Нет	1966	-7,1	8,5
1921	Нет	свед.	1967	-6,8	7,4
1922	-5,7	-11,7	1968	-6,4	6,8
1923	-5,7	Нет свед.	1969	-6,6	7,7
1925	-36,9	Нет свед.	1970	-7,2	4,8
1926	-15,2	28,3	1971	-8,4	7,3
1927	-8,2	20,2	1972	-6,1	7,3
1928	-16,2	28,3	1973	-3,7	7,1
1929	-15,2	22,4	1974	-3,0	6,9
1935	-2,1	14,3	1975	-2,2	7,3
1936	1,2	11,0	1976	-2,7	7,2
1937	26,3	16,3	1977	-1,6	7,0
1938	21,4	21,2	1978	-4,8	6,6
1940	5,4	13,4	1979	-1,5	6,3
1941	97,9	11,8	1980	-1,8	6,1
1942	-51,6	-5,1	1981	-2,2	6,4
1943	-13,9	-7,5	1982	-4,2	7,0
1944	873,3	-6,0	1983	-3,3	8,2
1945	-37,7	4,1	1984	-2,0	6,9
1946	Нет свед.	19,4	1985	-2,2	6,7
1959	-4,5	14,7	1986	-1,5	8,7
1960	-3,2	17,8	1987	-3,5	5,5
1961	-3,5	16,2	1988	-3,4	7,0
1962	-3,4	14,0	1989	-4,0	5,3
1963	-3,5	12,8	1990	-1,1	3,6
1964	-6,1	11,0	1991	-0,2	1,9
1965	-9,6	9,0			

Миграционные потоки чаще всего обозначены со знаком минус, что объясняется их средней величиной между внутренней и внешней миграцией, между миграцией в рамках России и СССР в целом. Как правило миграция между Уралом и Россией имела положительное сальдо, а между Уралом и другими союзными республи-

ликами – отрицательное. В отдельные периоды пик миграций поднимался очень высоко, нередко переходя из одной крайности в другую. Только за первые три года второго десятилетия XX в. в следствие гражданской войны и разрухи Урал покинуло около полумиллиона человек. В 30-е же годы наоборот сюда устремился новый поток мигрантов, вольных и невольных. Вольные ехали под влиянием коммунистической пропаганды на гигантские стройки социализма, а подневольные – раскулаченные и репрессированные возвращались силой на те же стройки. В начале 1932 г. на Урале сконцентрировалось до 0,5 млн спецпереселенцев. Примерно столько же добавилось во второй половине 30-х гг. в результате массовых репрессий.

Новую еще более крутую волну мигрантов принесла Отечественная война. За первые полгода военных действий сюда было эвакуировано около полутора миллионов человек. В последующие годы войны поступали новые партии эвакуированных, а потом и депортированных из Крыма и Северного Кавказа. По мере очищения оккупированных территорий от фашистских захватчиков туда покатили волны обратной миграции с Урала. К концу войны основная масса эвакуированных вернулась к своим очагам, фактически не пополнив уральское население.

В первые послевоенные годы население Урала пополнилось за счет демобилизованных воинов, военнопленных гитлеровской коалиции, а также новой волны репрессий: советских военных, освобожденных из немецких лагерей, «неблагонадежных» граждан западных районов Украины, Белоруссии, Молдавии и Прибалтики. Определенный вклад внесли вольнонаемные и заключенные, прибывшие на строительство уральского атомного комплекса и других военных объектов. В общей сложности за послевоенное десятилетие миграционный прирост составил около полутора миллионов человек.

С конца 50-х гг. он резко пошел на спад. Более того, в связи с разрешением возвращения в родные места репрессированным народам, снятия ограничений на выезд из села, освобождения многих заключенных с Урала покатилась обратная волна миграций. Она захватила и коренных уральских жителей. В 60–70-е гг. за пределы региона мигрировало от одной трети до трех четвертей естественного прироста населения.

Около половины мигрировавшего населения приходилось на восточные регионы, прежде всего Западную Сибирь, точнее на территорию складывавшегося нефтегазового комплекса. Другая половина устремилась в западные и южные районы – на Украину, в Среднюю Азию. Во второй половине 80-х – начале 90-х гг. ситуация снова поменялась по сути на противоположную. С замедлением темпов экономического развития, а затем с вступлением в рыночные отношения и усложнением социально-экономического положения на Севере, ростом инфляции, обесценивающей северные коэффициенты, начался отток населения из Западной Сибири на Урал. Выезжавшие на заработки, возвращались назад. Однако незначительный возврат не компенсировал предшествующие большие потери населения. Они оказались безвозвратными.

После распада СССР, в ходе обострения региональных проблем и возникновения межнациональных конфликтов резко возрос миграционный оборот Урала с государствами СНГ и Прибалтики.

Если в 1989 г. на долю прибывающих из союзных республик приходилось всего 9% от общего числа приехавших на Урал (60 тыс. чел.), то в 1993 г. из стран ближнего зарубежья прибыло 100 тыс. чел., что составило 18,2% от всего потока мигрантов. Баланс миграции по отдельным странам в 1993 г. демонстрирует таблица № 4.

Из приведенных данных видно, что в 1993 г. наибольший поток мигрантов происходил из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Украины. К началу 1994 г. в России насчитывалось 447,9 тыс. чел. зарегистрированных беженцев и вынужденных переселенцев. Это число следует считать неполным, так как оно не включает в себя переселенцев, не обратившихся в миграционные службы. На 10000 населения России на начало 1994 г. приходилось 30 беженцев и вынужденных переселенцев, что почти в три раза превысило уровень начала 1993 г. (10,9%). Области и республики Урала к началу 1994 г. приняли 50 тыс. чел., т.е. 11% всех официально зарегистрированных. Наибольшее число беженцев и вынужденных переселенцев приняли Оренбургская, Свердловская области и республика Башкортостан. Почти половина беженцев (47,3%) – выходцы из Таджикской республики, а в Башкирии они составили 74% переселившихся сюда людей. Второй по объему поток составляют уроженцы Грузии (12,2%) и Азербайджана (7,8%). Наиболь-

ший удельный вес беженцев из Грузии (главным образом из Абхазии) составляли среди переселившихся в Удмуртию (27%), Пермскую (23,0%) и Свердловскую (22,0%) области.

Таблица № 4.
Баланс миграций между Уралом и странами ближнего зарубежья, 1993 г. (чел.)

Страны ближнего зарубежья	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
Всего	98707	34376	64331
в том числе:			
Азербайджан	2894	899	1995
Армения	1905	138	1767
Беларусь	2852	2650	202
Грузия	3772	472	3800
Казахстан	30371	13538	16833
Киргизия	9208	965	8243
Латвия	1208	128	1080
Литва	13121	221	3500
Молдова	1582	1035	547
Таджикистан	9657	908	8749
Туркмения	1515	697	818
Узбекистан	15189	3187	1200
Украина	14270	9427	4843
Эстония	563	111	452

Надо иметь ввиду, что за границу уезжают и с Урала. В 1993 г. в страны дальнего зарубежья убыло 11,2 тыс. чел., 86,3% из них – в Германию, 9% – Израиль, 2,6% – в США. Свыше половины уезжающих за рубеж – трудоспособное население, почти половина из них имеют высшее и среднее специальное образование. Очевидно, что такая миграция наносит региону и государству не только моральный, но и серьезный экономический ущерб.

Характерная закономерность демографических процессов на Урале в XX в. – интенсивное постарение его населения (Таблица № 5).

Таблица № 5

Динамика возрастной структуры населения Урала в XX в., %

Год	Возрастные группы населения:								
	0 – 15 лет			16 – 59 лет			60 лет и старше		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
1897	38,2	29,9	38,7	53,8	63,0	53,2	8,0	7,1	8,1
1920 ³	46,3	42,1	46,2	44,6	50,8	44,6	9,0	7,2	9,2
1926	41,0	37,9	41,8	51,8	56,5	50,5	7,2	5,6	7,7
1939	38,9	34,7	41,8	54,6	60,5	50,5	6,5	4,8	7,7
1959	31,8	29,8	35,2	59,8	62,8	54,5	7,6	6,5	9,6
1970	29,9	27,1	36,2	59,4	63,1	51,2	10,7	9,8	12,6
1979	24,9	23,1	29,3	63,3	65,5	55,7	12,5	11,4	15,0
1989	25,7	18,5	28,6	59,7	67,7	55,0	14,5	13,8	16,4

Из данных видно, что в первой четверти века население региона было относительно молодым. В 1920–1926 гг. даже увеличился удельный вес детей, подростков и юношей. Несколько сократилась величина пожилого населения, что говорит о компенсаторной волне рождаемости после катаклизмов начала 20-х годов и времен гражданской войны. Несомненно оказались людские потери в войнах и в периоды голодных лет. Население в первые годы советской власти стало более молодым.

В последующие исторические периоды наблюдается устойчивый обратный необратимый процесс. Если в первой половине XX в. удельный вес возрастных групп пенсионного возраста (60 лет у мужчин и 55 лет у женщин) в составе населения находился в пределах 8%, то к 1989 г. он вырос вдвое. А на селе женщины старше трудоспособного возраста составили 30%, то есть постарение населения приобретает необратимый характер, что грозит экономической и социальной катастрофой.

Таким образом, население Урала в XX в. претерпело существенную трансформацию, которая с одной стороны проходила в русле мировых закономерностей, отражала основные стадии демографического перехода, а с другой стороны имела свои специфические особенности, в значительной степени отрицательные. Если в первой половине века численность населения росла, за исключением военных лет, наблюдалось положительное сальдо миграции и относительно высокий удельный вес молодых трудоспособных возрастов, то во второй половине века, особенно в его последней чет-

верти, началось постепенное, а затем резкое снижение рождаемости и увеличение смертности, сокращение притока мигрантов, а потом и усиление обратной миграции, необратимое постарение населения. Все это свидетельствует о неблагополучном течении демографических процессов, в основе чего лежит как отдаленное эхо предшествующих демографических ситуаций, так и ухудшение социально-экономического положения в стране и регионе. В случае продолжения наметившихся отрицательных тенденций, а для такого опасения есть все основания, Уралу угрожает в недалеком будущем демографическая катастрофа со всеми вытекающими отсюда опасными социально-экономическими, этнографическими и геополитическими последствиями для русского этноса и Российского государства.

Примечания

1. Без Вятской губернии.
2. Сведения за 1911–1913 гг. даны по Пермской губернии как усредняющие картину по Уралу, за 1922 г. — по Екатеринбургской губернии; период 1925–1929 гг. смоделирован по естественному движению населения Уральской области. Показатели за 30-е годы и данные периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет рассчитаны Г.Е.Корниловым, сведения до 1957 г. скорректированы нами по трендам Свердловской области, последующая динамика восстановлена благодаря архиву демографического мониторинга уральского населения, созданному в 60-е годы в УФ АН СССР П.М.Кузовлевым.
3. Уральская область приводится по группировкам 0–16, 17–59, 60 лет и старше.

*Народонаселенные процессы в
региональной структуре России XVIII–
XX вв. Новосибирск, 1996. С.46-55.*

ОСВОЕНИЕ СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В панораме событий динамичного XX века все чаще и ярче мелькают кадры периферийных районов планеты. Они активно выходят на авансцену истории. В отличие от эпохи великих географических открытий эти районы уже никого не удивляют своей отдаленностью, а прочно входят в повседневную жизнь миллионов людей давно обжитых территорий. Они поставляют нефть, газ, металлы, а том числе благородные, древесину, пушнину, а иногда и просто чистую воду. Глобальные общечеловеческие проблемы все туже переплетаются с региональными.

Экономическая, политическая и стратегическая роль таких районов широко известна, но их социально-экономическое развитие исследовано слабо. Между тем, все большая зависимость населения цивилизованных стран от поставок сырья и энергоносителей из районов нового освоения настоятельно выдвигает задачу их всестороннего изучения с целью прогнозирования перспектив, что трудно сделать без учета предшествующего опыта. А он, как правило, весьма специфичен для районов с экстремальными природно-климатическими условиями. Попытка проигнорировать эту специфику ведет к тяжелым экономическим и социальным последствиям.

Исторический опыт нередко отождествляется с тривиальным историческим знанием, что не одно и то же. Имея единое объективное основание в реальном историческом процессе, эти категории предполагают разные целевые подходы к их осмыслинию и соответственно различные результаты исследования. Исторический опыт можно рассматривать как часть исторического знания, ретроспективную оценку прошлого в его отношении к последующему развитию и итогам этого развития с позиции современной социальной практики. *По своей сути исторический опыт представляет собой преемственность знаний и умений поколений, концентрированное выражение социальной практики прошлого, что способствует повышению обоснованности решений проблем современности.*

Такой подход позволяет осмысливать историческую ситуацию не просто как данность, а как сложную, вероятностную взаимосвязь между возможностью и действительностью, то есть исследовать

объективно заложенные в историческом процессе альтернативные варианты общественного развития. Исторический опыт редко подсказывает законченное решение насущных проблем современности, еще меньше содержит готовых рецептов и возможностей прямого сопоставления прошлого с настоящим. Поэтому обобщение исторического опыта предполагает не столько проведение прямых аналогий или воспроизведение прошлых моделей социальной действительности, сколько использование аналогий позитивных и негативных путей решения данной проблемы. А то, что сегодня представляется несущественным с точки зрения исторического опыта, завтра может стать актуальным. Следовательно, границы изучения исторического опыта очень подвижны, а полученные результаты относительны, но без их учета затруднен выбор оптимальных решений на перспективу. Более того, исторический опыт может выполнять прогностическую функцию при условии правильного понимания взаимосвязи между прошлым, настоящим и будущим.

Важной предпосылкой изучения и использования исторического опыта функционирования крупных социально-экономических общностей является локализация во времени и пространстве их составных частей, что, в частности, имеет принципиальное значение для построения теоретических моделей регионального развития. С точки зрения обобщения исторического опыта районов нового освоения ценнейший, во многом уникальный материал представляет Северная Азия, конкретнее — Сибирь. Занимая около 10 миллионов квадратных километров, она составляет почти четверть территории самой обширной части света. Это регион суровых климатических условий и богатейших природных ресурсов, мощного индустриального развития и множества сложных социально-экономических проблем. Его освоение прошло долгий, трудный и поучительный путь.

Общепризнанного понятия «освоение» в мировой литературе не существует. Чаще всего под ним понимается приобщение к активному экономическому развитию ранее отсталых экономических районов. Но этим общим положением нельзя ограничиваться. Надо видеть весь спектр проблем: политических, экономических, экологических, социальных, демографических, культурологических, правовых. Видимо, правильнее утверждать, что *освоение — это овладение регионом и сохранение его статуса под определен-*

ной юрисдикцией, заселение и обживание территории, создание транспортной сети, разностороннее изучение, интенсивное вовлечение в хозяйственный оборот природных ресурсов, взаимодействие с окружающей средой.

Какую территорию можно считать освоенной? Однозначный ответ на данный вопрос затруднен. Он зависит от масштабов территории, времени и уровня освоения. Одно дело — освоение территории Бельгии или Дании, другое дело — США и России в разные исторические эпохи. В наши дни американский Запад можно считать освоенным. Несмотря на большую территорию, к настоящему времени он сильно развит в экономическом отношении и оптимально заселен. А Сибирь? В определенной степени освоена, и по некоторым показателям превосходит даже американский Запад. Однако это касается только отдельных очагов — Кузбасса, Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса и некоторых других промышленных узлов, которые по своей территории превосходят целые государства. Между тем, существует немало столь же крупных районов, которых пока не коснулась современная цивилизация.

Для того, чтобы объективно оценивать уровень освоения, необходимо дать его типологию. Исторический опыт освоения новых районов свидетельствует, что большинство из них последовательно прошло три стадии: промысловую, аграрную, индустриальную. Конечно, на разных исторических этапах, да и в современных условиях можно наблюдать переплетение этих стадий, но, как правило, одна из них была наиболее типичной для определенного периода. С точки зрения плотности хозяйственного освоения и заселения, выделяются два типа: сплошной и очаговый. Чаще всего очаговый переходит в сплошной, но не всегда. В некоторых, особенно отдаленных и труднодоступных районах, надолго остаются разрозненными очаги хозяйственной деятельности.

Попытаемся с позиций программно-целевого подхода проанализировать основные черты исторического опыта освоения Сибири, сосредоточив внимание на свершениях XX века, поскольку они оказали решающее влияние на этот процесс. Объект исследования в целях однозначной интерпретации основных понятий, рассмотренных выше, можно отождествлять с историей формирования, развития и использования социального потенциала

региона, то есть как совокупности ресурсов, возможностей и средств, которые находятся в распоряжении общества и используются для своего воспроизведения и развития. В силу ограниченности объема данного текста не представляется возможным расчленить названный потенциал на его составляющие и детально его охарактеризовать.

Предметом анализа является социальная деятельность, социальная практика по освоению региона, что в частности предусматривает соотнесение целей и результатов деятельности, оптимальности конкретного выбора целей развития и средств их реализации, а также степени их адекватности назревшим общественным потребностям. Такое определение предмета исследования позволяет интерпретировать нашу цель как ретроспективный анализ основных закономерностей формирования исторического опыта освоения Сибири, деятельности общества по формированию, развитию и использованию социального потенциала региона. Это предполагает *решение следующих познавательных задач*: во-первых, выявление внутриполитических и внешнеполитических потребностей освоения региона; во-вторых, характеристика процесса осознания потребностей, выбора целей, средств и способов их достижения; в-третьих, исследование главных направлений деятельности по освоению и оценка ее результатов.

Освоение Сибири в широком смысле этого слова, или ее колонизация, началась с конца XVI века со времени присоединения к России. За четыре столетия неоднократно менялись причины и следствия этого процесса, средства и способы достижения целей, направления деятельности общества по их реализации, но при всем том проявлялись некоторые общие закономерности, как позитивные, так и негативные, которые следует учитывать в современной и будущей социальной практике, не только Северной Азии, но в других новоосваиваемых регионах мира.

Потребность освоения Сибири зависела как от внутриполитических, так и внешнеполитических обстоятельств, но, в отличие от многих других новоосваиваемых районов мира и России, здесь преобладали внутриполитические причины. Конечно, одним из первоначальных толчков к освоению Сибири послужила необходимость обезопасить восточные границы государства от угрозы со стороны Сибирского ханства Кучума, которое представляло собой

осколок татаро-монгольской Золотой Орды. В дальнейшем восточные рубежи России, пролегающие вдоль сибирской территории, приходилось неоднократно защищать от Китая и Японии. Сама Сибирь иногда служила плацдармом для экспансии в восточном направлении. В середине XVIII века русские землепроходцы вышли к берегам Северной Америки и основали там свои поселения. Даже высказывалась идея сделать Тихий океан внутренним морем России. В конце XIX века она вторглась в Манчжурию. Однако далеко не эти единичные и недолговечные прецеденты определяли суть освоения Сибири.

Главное заключалось в использовании ее природных богатств, сначала мехов, затем драгоценных металлов и земельных угодий, а в настоящее время преимущественно сырьевых и энергетических ресурсов. В 40 — 50-е годы XVII века среднегодовая добыча соболя в Сибири равнялась 145 тысячам штук. Пушнина составляла 20 процентов доходной части государственного бюджета России. По мере истребления пушных зверей их промысел уменьшался, падал удельный вес пушнины в доходах казны. И, тем не менее, Сибирь оставалась крупнейшим в мире поставщиком мехов. По данным всемирной выставки в Вене (1910 год), на ее долю приходилось свыше 40 процентов стоимости мировой добычи пушнины.

Плодородные земли Сибири располагали к хлебопашеству и скотоводству. Уже к концу XVII века здесь собирались почти четыре миллиона пудов хлеба в год. По мере расширения посевных площадей и совершенствования агротехники сибирское крестьянство смогло не только удовлетворить потребности в хлебе местного населения, но и создало резерв для его вывоза за пределы края. В начале XX столетия ежегодно вывозилось 20 миллионов пудов. По количеству скота на душу населения Сибирь в начале XX века вдвое, а по некоторым видам втрое превосходила европейскую Россию и занимала одно из первых мест в стране.

С давних пор одним из главных мотивов освоения Сибири было овладение богатствами ее недр. На первых порах внимание сосредоточивалось на извлечении драгоценных металлов. В первой половине XIX века один Алтайский горный округ получал серебра больше, чем Англия, Франция, Швейцария. Пруссия и Бельгия вместе взятые. На смену «серебряному» веку пришел «золотой». В середине XIX века среднегодовая добыча золота в Сибири при-

близилась к полутора тысячам пудов. К концу века она поставляла 90 процентов российского золота. В XX веке, преимущественно со второй его половины, главное внимание сосредоточилось на получении сырьевых и энергетических ресурсов в особо крупных размерах. Сибирь превратилась в одного из главных поставщиков руд черных и цветных металлов, нерудных ископаемых, угля, нефти и газа, а также леса. Особый размах получило развитие топливно-энергетического комплекса, что объясняется истощением энергетических ресурсов в европейских районах и их изобилием в Сибири. В данной связи Сибирь часто называют одной из последних крупных кладовых природных ресурсов мира. А грандиозный масштаб работ по их использованию привел к возникновению здесь самой крупной в мире проблемы обеспечения населения хотя бы минимальным комплексом социально-бытовых услуг.

Несмотря на явный приоритет внутригосударственных потребностей освоения Сибири, важную, хотя и подспудную, роль играли внешнеполитические факторы. В XVII, да и в последующих веках крупное значение во внешней торговле и дипломатии имели сибирские меха. В XVII и XIX веках сибирское серебро и золото играли не последнюю роль в оплате военных расходов Российской империи. На рубеже XIX и XX веков транспортное освоение Сибири получило заметно выраженный внешнеполитический акцент, что прежде всего связано с сооружением Транссибирской магистрали, которая сыграла важную роль в войне с Японией.

Еще более выраженный внешнеполитический подтекст носило индустриальное освоение Сибири в XX столетии. С 30-х годов, когда начали обостряться отношения СССР с Германией на западе и Японией — на востоке, Сибири стала отводиться роль внутреннего бастиона Советской власти. Наиболее ярко это проявилось в создании Урало-Кузнецкого комплекса, который в годы второй мировой войны принял на себя основное бремя поставки вооружений и стратегических материалов для военной экономики. Война явилась катализатором экономического развития региона. Его доля в общесоюзном объеме капиталовложений поднялась с 7 процентов в 1940 году до 18 процентов в 1942 году. В суровом и ответственном для судьбы страны 1942 году Сибирь дала около трети общесоюзного производства чугуна, свыше четверти стали и проката, почти половину кокса и треть марганца, а вместе с Уралом почти полный объ-

ем этой ценнейшей продукции. В целом за годы войны промышленное производство в Западной Сибири увеличилось почти в три раза, а в Восточной — в полтора раза. Рост происходил главным образом за счет военных отраслей и тяжелой индустрии. Только один из сибирских авиационных заводов дал 15 тысяч самолетов, то есть каждый десятый советский самолет военных лет. Для сравнения можно заметить, что США и Англия поставили в СССР за годы второй мировой войны 18 тысяч самолетов.

В условиях «холодной войны», когда СССР добивался стратегического паритета в противоборстве с США, советская экономика, работающая с большим напряжением, значительную часть ресурсов черпала из Сибири. Резко интенсифицировалась добыча черных и цветных металлов, особенно редкоземельных, широкое развитие получили энергоемкие и химические производства, развернувшись крупномасштабная добыча алмазов, что сыграло; важную роль в увеличении валютных поступлений. Еще большее значение: в этом плане имели поставки за рубеж сибирской нефти и газа. Выразить все это в конкретных достоверных цифрах пока еще трудно, но совершенно очевидно, что огромные сибирские ресурсы оказали существенное влияние на выработку и осуществление внешней политики Советского государства. Особенно рельефно это проявилось во время мирового энергетического кризиса начала семидесятых годов, событий вокруг Персидского залива и, конечно же, в связи с гигантскими поставками сибирского газа в Европу. Место Сибири в мирохозяйственных связях будет недостаточно полно определено, если не учесть снабжение ее сырьем и готовой продукцией стран третьего мира.

Наряду с советско-американским противостоянием на процесс освоения Сибири заметное влияние оказала ситуация в азиатско-тихоокеанском регионе, прежде всего отношения с Китаем. На первых порах, когда эти отношения носили дружественный характер, социально-экономическому развитию восточных районов СССР ничто не препятствовало, более того, намечались совместные проекты, например, строительство гидростанций на Амуре. По мере обострения отношений проявлялись две противоположные тенденции. С одной стороны, в связи с претензией маоистского руководства на сибирские и дальневосточные территории ускорился процесс их промышленного и транспортного освоения, а также за-

селения. В определенной мере этому способствовало строительство Байкале- Амурской железнодорожной магистрали, осуществление некоторых других проектов, и исходили из внутренних потребностей государства. С другой стороны, огромные средства, которые потребовались на укрепление советско-китайской границы, отвлекли капитальные вложения, необходимые для освоения и обживания восточных территорий СССР. В результате этот процесс шел трудно, с большим напряжением и сбоями.

Ретроспективный анализ взаимодействия внутриполитических и внешнеполитических потребностей освоения Сибири показывает, что преобладали первые, но они почти всегда осложнялись вторыми, что вело к значительным издержкам. Важным уроком изучения исторического опыта определения потребностей освоения Сибири является то, что оно во внешнеполитическом плане чаще проходило на фоне конфронтации, нежели экономического сотрудничества, а когда последнее и имело место, то чаще всего оборачивалось парадоксами. Если в начале XX века Россия за сибирское масло на мировом рынке получала больше золота, чем его добывалось в знаменитых сибирских рудниках, то в конце века огромные поступления валюты за сибирские углеводороды не только не способствовали развитию экономики, в частности сельского хозяйства, а наоборот, привели к его упадку в определенной степени за счет беспрецедентных закупок хлеба за границей.

Осознание потребностей освоения Сибири, выбор целей, средств и способов их достижения зависели от задач, стоящих перед обществом в конкретную историческую эпоху, его возможностей, а также степени изученности региона, но в связи со спецификой края они по ряду позиций нередко перекликались. *Осознание потребностей освоения Сибири* проходило в разных слоях общества по-своему. Правящие классы и соответствующие государственные структуры исходили из необходимости увеличения территории страны, обороны ее рубежей, расширения внутреннего и внешнего рынка. Народ видел в движении за Урал путь к экономической, политической и нравственной свободе. Примечательно, что, несмотря на меняющиеся социально-экономические уклады, такая поляризация мнений сохранялась практически на всем протяжении освоения региона.

Правительство на начальном этапе освоения, стремясь обезопасить восточные границы государства, без большого труда захватило обширные территории, которые никому, кроме мелких раздробленных племен, не принадлежали. За первые три четверти века движения за Урал оно отодвинуло восточные рубежи России более чем на семь тысяч верст, или на три четверти расстояния от столицы. Этот процесс шел настолько стремительно, что его не успевали осмысливать даже в верхних эшелонах власти.

Со временем стало ясно, что удержать эти земли военной силой не удастся, потому что они слишком обширны и далеко отстоят от метрополии. Со всей остротой встал вопрос о необходимости их заселения и хозяйственного освоения. Дальнейшая судьба Сибири была тесно связана с развитием Российского рынка. Ее роль на этом рынке проявлялась по-разному в зависимости от конъюнктуры, но в конечном счете определялась поставкой сюда готовых изделий и вывозом сырья. В вывозе преобладали продукты сельского хозяйства: зерно, масло, мясо, кожа, яйца, перо, мед и прочее. За 1909 — 1913 годы их было вывезено на сумму 9,4 миллиона рублей. Во ввозе, несмотря на удивительное богатство сибирских недр, главенствующую роль играли готовые изделия, прежде всего из металла. За тот же период сюда было поставлено 3,2 миллиона пудов железа, или 1,7 пуда на каждого жителя. Безли не только машины и инструменты, но и гвозди, шурупы, скобяной товар, ножи, ножницы.

С установлением Советской власти была сделана попытка принципиально переосмыслить роль Сибири в общественном разделении труда. Исходной посылкой в этом процессе стала концепция рационального размещения производительных сил и выравнивания уровня экономического развития ранее отсталых районов. Путем последовательного приближения к цели в результате борьбы мнений в высшем эшелоне власти, научных дискуссий и массированной пропаганды она дала свои результаты. В общественном сознании прочно укрепилась мысль о том, что природные богатства региона позволяют создать здесь мощную индустриальную базу, которая превратит его из сырьевого придатка центра в гармонично развивающийся экономический район. На этой основе были достигнуты значительные успехи, но преодолеть сырьевую направлен-

ность экономики, достигнуть гармоничного развития Сибири не удалось.

Прогрессивная идея рационального размещения производительных сил на практике не дала ожидаемых результатов. Она вошла в конфликт с политическими доктринаами и была подменена партийно-административным диктатом. Интересы региона и ведомств не совпадали, не сработал механизм взаимодействия. Местные органы власти контролировали не более четырех процентов объема индустриального производства. Беда в том, что в СССР не существовало обоснованной пространственной экономической теории, а западные ее разновидности воспринимались с большим недоверием и изрядной порцией идеологической критики. Между тем, гигантские просторы страны, громадное разнообразие природно-климатических поясов и большая разница в обеспеченности природными ресурсами требовали серьезных оснований для альтернативных расчетов, а они нередко подменялись экономической «лысенковщиной». Решения об огромных капитальных вложениях в экономику Сибири принимались методом «кавалерийской атаки», без тщательного предварительного экономического анализа. Поэтому существенная часть многомilliардных затрат уходила в «песочку», а точнее в сибирские болота. Один из главных просчетов заключался в недооценке социального фактора освоения и его экономических последствий. В то время как в Канаде инфраструктура поглощает от 40 до 80 процентов капитальных вложений, в Западной Сибири планировалось не больше одной трети, а на практике не использовалось и того. В результате освоение региона шло с большими экономическими, экологическими, социальными и моральными издержками.

Природа советской экономики вела к гипертрофированному росту потребностей в сырье. Сибирь превратилась в его главную базу, обеспечивая как внутренние, так и внешние потребности государства. Вливание огромного количества сырья в экономику обеспечивало ее рост и увеличение занятости, гарантировало относительное благополучие народного хозяйства и позволяло аккумулировать иностранную валюту от экспорта ресурсов, прежде всего энергетических. Только за 10 лет (1974–1984 годы) экспорт нефти и продуктов ее переработки дал стране около 200 миллиардов инвалютных рублей, что на некоторое время компенсировало низкую

эффективность общественного производства, отодвинуло неминуемый кризис. Короче, Сибирь в советской системе долгое время играла компенсаторную роль. помогала снимать напряжение в обществе.

Народ пронес через многие поколения представления о Сибири как о суровом, но благодатном крае, где можно реализовать свои возможности. добиться большей экономической, политической и интеллектуальной свободы. Первыми обратили свой взор к Сибири казаки — люди свободолюбивые, решительные, нередко находившиеся в неладах с законом и официальной властью в европейской части страны. За ними последовали промысловики-охотники. Затем в поисках земли и воли, спасаясь от помещичьей кабалы. устремилось крестьянство, которое стало основной силой освоения Сибири. По мере открытия полезных ископаемых предпринимателями и мастеровыми людьми осмысливалась перспективность освоения ее недр. Этот процесс шел с подъемами и спадами, приобретая нередко формы «золотых» и иных лихорадок. Сибирь манила людей независимых суждений, несогласных с официальной политической или религиозной доктриной. Сюда по доброй и недоброй воле отправлялись интеллектуалы и религиозные фанаты. Яркий пример тому—старообрядцы, раскольники. Все это вместе взятое явилось основой осознания вольной колонизации Сибири в XVI–XIX столетиях.

А имел ли место аналогичный процесс в XX веке, особенно после Октябрьской революции в России? На первый взгляд создается впечатление, что в условиях тотального огосударствления общества такого не могло быть. На самом деле народный интерес к Сибири оставался. В революцию и гражданскую войну сюда двинулись тысячи людей, не согласных с новым режимом, стремящихся укрыться в таежной глуши и найти новое применение своим силам. В начале 20-х годов Сибирь приютила множество беженцев из голодающих губерний центральной России. В период индустриализации на сибирские стройки прибывали десятки тысяч людей, движимых романтикой новой жизни, а то и просто бежавших от насилиственной коллективизации. В годы второй мировой войны сотни тысяч граждан искали укрытие в Сибири от фашистского нашествия. Разумеется, здесь они работали, способствуя ее освоению.

В послевоенную эпоху, когда развернулось массовое строительство промышленных объектов, началась целинная эпопея. Миллионы людей, особенно молодежи, были увлечены Сибирью, стремясь найти здесь хорошие заработки, получить жилье, утвердиться в жизни, уйти от бюрократического и политического гнета. Сюда стремились не только рабочие и крестьяне, но и интеллигенция, в частности, научная, которая создала один из выдающихся мировых центров науки — Сибирское отделение РАН.

Выбор целей освоения определялся потребностями и возможностями общества в конкретный исторический период, но их осуществление всецело зависело от реальности этого выбора. Рассмотреть в одной статье механизм выбора и реализации целей на протяжении столетий не представляется возможным. Ограничимся наиболее важными, выделив три сферы: военно-стратегическую, экономическую и духовную.

Первоначальной целью всякого освоения является надежное закрепление завоеванных или относительно мирно присоединенных территорий. Она присутствовала на всех этапах освоения Сибири, но проявлялась в специфических формах, соответствующих конкретным ситуациям. Для более четкого рассмотрения этой проблемы разделим цели на реальные и нереальные. Несмотря на чрезвычайно трудные ситуации в отдельные периоды, России на протяжении четырех столетий удалось держать за собой территории собственно Сибири, потому что этому содействовали естественно-географические, конкретно-политические и экономические причины. Цель оказалась вполне реальной. Но как только она переходила границы реальности, так обрекалась на провал. Неудачей, например, окончились попытки раздвинуть границы русского фронтира до Американского континента в XVIII — первой половине XIX веков, в сторону Китая — в конце XIX века.

В экономической области первоначальной целью было получение пушнины. Она тщательно осуществлялась в хорошо продуманных и в конечном итоге оправдавших себя формах. Затем встала цель обеспечения края продуктами питания, которая реализовывалась значительно шире, что позволило не только снабжать местное население, но и вывозить в большом количестве хлеб, масло и мясо за пределы региона. В XX веке на первый план вышли цели инду-

стриального освоения. Наиболее ярко они воплотились в четырех крупных программах национального значения — Урало-Кузнецкой, Ангаро-Енисейской, Западно-Сибирской и Байкало-Амурской. Борьба идей вокруг этих программ, определение приоритетов и механизма их реализации, итогов осуществления требуют специального пространного рассмотрения.

Настала пора расставить акценты на духовных началах освоения края. Они тесно увязались с господствующими в свое время идеологиями: до 1917 года — с христианством, а после — с социализмом. Обращение народов Сибири в христианскую веру не только подчиняло их государственной религии и соответствующим структурам власти, но и приобщало к более высоким культурным ценностям, что имело для своего времени прогрессивную направленность. Социалистическая идеология проводила идеи социального и национального равенства, пролетарского интернационализма, что имело принципиальное значение в условиях исключительных трудностей широкого освоения многонациональной Сибири в советское время. Более того, без опоры на эту идеологию, без крупномасштабной концентрации государственных средств и ресурсов, плановых рычагов управления ими невозможно было в короткие сроки выполнить столь впечатляющие объемы работ. Освоение Сибири можно поставить в один ряд с советскими приоритетными программами: ядерной и космической. Вместе с тем, идеологизация процессов освоения сковывала инициативу его участников, ставила личные результаты в зависимость от лояльности господствующей догме, резко повышала цену: затрат на достижение целей, вела к монополизации духовной сферы.; автаркичности развития региона.

Способы освоения в широком смысле слова условно делятся на две большие группы: добровольные и насильственные, главным образом, в зависимости от характера присоединения территории и способов привлечения рабочей силы. Присоединение Сибири к России шло как насильственным, так и мирным путем. Первые шаги русских казаков в Западную Сибирь встретили отчаянное сопротивление Сибирского Ханства. Восточная Сибирь была присоединена практически без сопротивления ее народов. Особенность колонизации Сибири заключалась в том, что здесь, в отличие от мно-

гих районов мира, коренное «туземное» население физически не истреблялось и принудительно не ассимилировалось, не загонялось в резервации. В этом не было необходимости, так как наличие огромного фонда свободных земель не создавало ограничений в их пользовании. Кроме того, аборигенное население являлось ведущим поставщиком пушнины, и его вековой опыт в этом специфическом деле приходилось ценить.

Заселение Сибири на первых порах осуществлялось главным образом служилыми людьми и вольными хлебопашцами. К началу XVII века численность русского населения достигла 300 тысяч человек, сравнявшись с количеством аборигенов. В дальнейшем население края пополнялось главным образом за счет различного рода переселений добровольного характера. Только за 1906–1907 годы сюда прибыло около четырех миллионов человек, однако это не означало, что в Сибирь люди не водворялись силой. К началу XX века здесь насчитывалось свыше 250 тысяч ссыльных. Они использовались на самых тяжелых работах. Царская ссылка сыграла заметную роль в освоении региона.

В XX веке заселение Сибири резко интенсифицировалось. Во второй половине 20-х годов сюда прибыло около одного миллиона малоземельных крестьян центральной полосы СССР. В 30-е годы с началом индустриализации поток переселенцев увеличился в несколько раз. Между переписями 1926 и 1939 годов население региона выросло более чем на четверть. Серьезные корректизы в этот процесс внесла вторая мировая война. На фронт ушли свыше трех миллионов человек или пятая часть от общей численности жителей Сибири, проживавших здесь накануне фашистского нашествия. Навстречу хлынула волна беженцев из оккупированных районов европейской части страны. К началу 1943 года прибыли около одного миллиона эвакуированных, но к концу войны они почти все вернулись назад. В конечном итоге война не способствовала проросту населения Сибири.

Характеризуя наплыв населения за Урал, нельзя забывать о заключенных. Уже в конце 1932 года на Колыме их насчитывалось 10 тысяч, а к 1 января 1939 года этот контингент вырос до 117 тысяч человек, причем рост осуществлялся в значительной мере, за счет политических ссыльных. Если на начало 1937 года лагерники с бытовыми статьями составляли 48 процентов, то к началу 1938 года эта

доля снизилась до 12 процентов. В начале войны количество заключенных поднялось до 148 тысяч (на 1 января 1942 года), а к ее концу снизилось до 90 тысяч (на 1 января 1945 года). С 1949 года снова начался рост. По отчету Дальстроя НКВД СССР на 1 апреля 1953 года в исправительно-трудовых лагерях значились 145 тысяч человек.

В декабре 1953 года в Хабаровском крае отбывали срок наказания 52 тысячи человек, осужденных по политическим статьям, в Иркутской области — 47 тысяч. Красноярском крае — 33 тысячи, Омской области — 15 тысяч. Кемеровской — 8 тысяч. Кроме того, находились в ссылке в Красноярском крае — 30 тысяч. Новосибирской области — около четырех тысяч человек.

Принудительный труд, разумеется, сыграл свою роль в освоении восточных районов, особенно труднодоступных и с тяжелыми климатическими условиями. Но надо иметь в виду, что он применялся преимущественно на предприятиях горнодобывающей и лесозаготовительной промышленности, в строительстве. Абсолютное большинство заводов и фабрик, других промышленных предприятий и учреждений использовали труд свободных людей. Следовательно, ни до, ни после Октябрьской революции 1917 года принудительный труд не играл решающей роли в освоении восточных территорий государства.

За столетия накоплено множество способов хозяйственного освоения, но рассмотреть их подробно в одной статье не представляется возможным. Поэтому остановимся не столько на способах, сколько на типах освоения. Прежде всего приходится констатировать, что освоение Сибири от одной эпохи к другой идет больше экстенсивно, чем интенсивно. Сначала беспредельно расширялись охотничьи, потом сельскохозяйственные, а затем лесные угодья. Из недр поэтапно до полуистощения извлекались драгоценные металлы, уголь, нефть и другие полезные ископаемые. При этом, как правило, требовались крупные капитальные вложения. В наши дни с каждым годом интенсифицируется выпуск готовой промышленной продукции, но экстенсивный характер экономики пока не преодолен, так же, как и не изжиты элементы колониального подхода к использованию природных ресурсов.

Освоение Сибири изначально несет печать автаркичности. Сначала московское правительство не допускало иностранцев к си-

бирской пушнине, затем — к серебру. Даже такое гигантское предприятие, как Транссибирская железнодорожная магистраль, обошлось без иностранного капитала. В наши дни масштабы международного сотрудничества на почве использования природных ресурсов региона долгое время сдерживались догматическим подходом с советской стороны и дискриминацией — с западной.

Главные направления деятельности по освоению Сибири, ее итоги и результаты необходимо рассматривать как сложный и противоречивый процесс, с подъемами и спадами, удачными решениями и явными просчетами, реализованными и упущенными возможностями, сегодняшними свершениями и завтрашними проблемами. Намеченные цели реализовывались правительством, специальными ведомствами, например, Сибирским Приказом, позднее — министерствами, компаниями и фирмами, советами, отдельными выдающимися личностями, такими как предводитель казацкой дружины, начавшей присоединение Сибири к русскому государству, Ермак, землепроходцы С.Дежнев, И.Похабов, Е.Хабаров, предприниматели Второвы и Сибиряковы, выдающийся исследователь края академик В.А.Обручев, председатель сибирского совнархоза П.И.Воеводин, начальник строительства Братской ГЭС И.И.Наймушин и многие другие. Их деятельность требует специального изучения как и в целом проблема обеспечения кадрами вновь осваиваемых территорий. Весь спектр деятельности по освоению Сибири можно условно разделить на пять основополагающих сфер: материального производства, демографическую, социальную, духовную, социально-политической регуляции. Их невозможно рассмотреть в одной статье. Для рассмотрения потребуется специальная монография и не одна.

Подводя итоги четырехсотлетнего опыта освоения Сибири, можно сделать вывод, что в среднем полвека ушло на присоединение, два с половиной — на заселение и обживание, и лишь последнее столетие ознаменовалось интенсивным экономическим прогрессом. Начался он с проведения Транссибирской железнодорожной магистрали, но современное звучание получил под влиянием социальных преобразований в стране и современной научно-технической революции в мире.

К началу 90-х годов Сибирь занимала одно из ведущих мест в экономике страны, превосходя по объему производимой продукции

многие экономические районы, уступая только Центральному. Западная Сибирь, располагая 10 процентами населения России, производила 12 процентов совокупного валового продукта. На ее долю приходилась добыча 90 процентов российского газа и 73 процентов нефти. Производительность общественного труда здесь была почти на четверть выше среднероссийской.

Вместе с тем развитие Сибири характеризуется серьезными противоречиями. При несомненном усилении ее экономического потенциала и роли в экономике страны растут межотраслевые, территориальные и социальные диспропорции. Она теряет былое преимущество в темпах своего развития по отношению к стране в целом. Если в восьмой пятилетке коэффициент опережения среднегодовых темпов прироста промышленной продукции Сибири над среднесоюзовым составлял 2,21, то в одиннадцатой пятилетке они сравнялись. А без учета развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса можно констатировать отставание от среднероссийских показателей. Причины такого положения в основном те же, что и для всей страны.

Если попытаемся соотнести цели и результаты деятельности по освоению Сибири, то получим параллелограмм сил, где равнодействующей будет эффективность освоения, которую трудно выразить в строгих цифрах, хотя бы потому, что их невозможно получить за многие столетия в сопоставимом выражении. Экспертным путем можно установить соотношение между затратами и результатами, между производственными и социальными издержками, между благами общества и ущербом природе. Масштабы и уникальность природных богатств Сибири на всех этапах ее освоения обеспечивали значительное превосходство полученных результатов над понесенными затратами. В 80-е годы XX века произведенный национальный продукт примерно на 18 млрд рублей превышал используемый.

Производственные издержки также всегда были значительно выше, чем социальные. Несмотря на удаленность и суровые природно-климатические условия, расходы на социальную инфраструктуру Сибири, как правило, остаются непропорционально малыми по сравнению с производственными, что ведет к социальной напряженности и моральным издержкам, выливающимся прежде всего в обратную миграцию. Из 3,7 миллиона человек, переселив-

шихся в Сибирь в 1906–1914 годах, назад вернулись около одного миллиона человек. После большого паломничества на стройки Сибири в 50–60-е годы в связи с неблагоприятными социально-бытовыми условиями начался значительный отток населения. Ведь стоимость жизни здесь на 35–50 процентов выше, чем в европейских районах России. За 1961–1973 годы Сибирь «потеряла» более одного миллиона человек. Такой маятник с большой амплитудой колебаний дорого обходится государству. В результате регион остается слабозаселенным.

Между тем, отличительным признаком начальных этапов российской колонизации Сибири был ее относительно сбалансированный характер. Русские поселения на севере Сибири и даже в Северной Америке развивались как комплексные административно-хозяйственные и культурные центры. Наряду с производственной создавалась надежная социальная инфраструктура, которая на уровне требований того времени обеспечивала необходимые условия жизнедеятельности: заселение, обживание, хозяйственное освоение обширных пространств. Это оказывало благоприятное воздействие на социальную обстановку, устойчивость которой в свою очередь создавала хорошие предпосылки для экономического и культурного роста. Нарождающаяся рыночная экономика при правильной социальной ориентации позволит вернуться к старым добрым традициям.

В силу своих необъятных просторов и относительно богатых природных ресурсов Сибирь всегда играла компенсаторную роль в социально-экономическом развитии страны. По мере исчерпания в европейских районах сначала пушнины, затем драгоценных и черных металлов, пахотных земель, а потом водных ресурсов и энергносителей она превращалась в резервную зону добычи соответствующих ресурсов. Примечательно, что за ее счет решались не только экономические, но и социальные проблемы. Сначала ссылка и каторга, потом массовое крестьянское переселение, затем поглощение избыточной рабочей силы в условиях коллективизации и индустриализации, а также ГУЛАГ, как снятие политического и социального напряжения в обществе, наконец — стройки коммунизма, которые обеспечили занятость миллионов советских людей, особенно молодежи, отвлекли ее от проблемы «отцов и детей» в период нарастания кризиса «социалистической» системы.

Компенсаторный механизм был необходим и эффективно срабатывал на крутых поворотах истории, в ситуациях войн и социальных потрясений. Сегодня, когда страна переживает один из самых тяжелых этапов своего развития, есть смысл еще раз включить этот механизм, но работать он должен в новом, рыночном режиме, что несомненно поддержит Россию в переходный период. Сибирь, особенно Западная, обладает бесспорным преимуществом с точки зрения рыночной экономики — выгодным географическим положением. Находясь в центре страны, на пересечении путей, связывающих западные и восточные, южные и северные регионы, она самой природой предназначена для активной торговой деятельности.

При жизни многих поколений Сибирь оставалась резервной территорией русского государства не только из-за наличия свободных земель и богатств ее недр, но и как край девственной природы. Ныне ситуация круто изменилась. Хозяйственное освоение пришло в противоречие с окружающей средой. Масштабы воздействия человека на природу приближаются к геологическим. Для заполнения Братского водохранилища пришлось удержать двухлетний сток такой могучей реки как Ангара. Плотина Иркутской ГЭС подняла уровень самого крупного в мире пресноводного озера Байкал почти на метр, что привело к переформированию береговой линии на большом протяжении со всеми негативными последствиями для его обитателей. Особую остроту приобрела охрана Байкала, в котором сосредоточена пятая часть мировых запасов пресной воды. Основным источником его загрязнения являются промышленные стоки и атмосферные выбросы Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, ущерб от которого превышает стоимость его продукции.

Несмотря на естественные трудности и допущенные ошибки в освоении Сибири, его возрастающую цену и экологическую угрожаемость, оно до определенной черты остается оправданным. В настоящее время из региона выжимается максимум возможного. Конечно, Сибирь может дать значительно больше, и в этом есть потребность, но при современном технологическом уровне отечественного производства и степени развития социальной инфраструктуры региона большего достичь невозможно как по условиям финансирования, так и экологической безопасности.

В качественно новой ситуации, возникшей после распада СССР, появилась настоятельная необходимость посмотреть на Сибирь с **геополитических позиций**. Для России, чье место в мировой истории измеряется континентальными масштабами, всегда была характерна определенная зависимость исторического процесса от пространственно-географического фактора. Сегодня, когда она берет курс на всестороннюю интеграцию в мировое сообщество, перед ней объективно встает ряд принципиально новых задач, связанных с геополитическим и культурно-цивилизационным самоопределением относительно других сопоставимых по значению центров мировой цивилизации. Этот комплекс задач, излишний в прежних условиях изолированного от мира «социализма в одной отдельно взятой стране», сегодня вырастает до уровня важнейших стратегических проблем.

В условиях широкой открытости страны мировым воздействиям разработка новой региональной политики невозможна без глубокого анализа геополитического положения России в ее прошлом и настоящем, соответственно прогнозирования основных параметров геополитической стратегии государства на важнейших азимутах мировой политики и экономики.

Особое место в исторически сложившейся геополитической структуре Российского государства занимают его восточные районы. Войдя в состав России в результате широкого колонизационного процесса XVI–XX веков, они завершили формирование устойчивой геополитической конфигурации страны, одновременно обеспечив ей мощный геостратегический запас прочности и неисчерпаемую ресурсную базу для роста национальной экономики. Велика роль Азиатской России в консолидации евразийского хозяйствственно-политического и историко-культурного пространства в рамках единого политического организма — сначала Российской империи, затем СССР, а теперь сток таковой могучей реки как Ангара. ресурсную базу для роста национальной экономики. Велика роль Азиатской России в консолидации евразийского хозяйственно-политического и историко-культурного пространства в рамках единого политического организма — сначала Российской империи, затем СССР, а теперь Содружества Независимых Государств: ресурсы российского востока до сих пор являются наиболее весомым фактором хозяйственной независимости государств рублевой зоны.

Вместе с тем восточные районы России представляют собой едва ли не самую сложную, отягощенную грузом проблем, территориальную систему. Развиваясь долгое время в качестве функциональных придатков центра, они получили в наследство от предшествующей, советской, экстенсивно ориентированную, слабо дифференцированную экономику, основанную на узкой специализации и колониальном типе производства. Социально-политическая напряженность, достигающая в этих регионах весьма высокой отметки, приобретает типично «регионалистское» измерение, выражаясь в явных или скрытых конфликтах с центром, заметном подъеме регионального сепаратизма. Следствием современной открытости российской экономики становится повсеместная ориентация регионов, обладающих высокоценными ресурсами (нефть, газ, цветные металлы, лес, золото, алмазы и др.), на усиление интеграции со сложившимися и интенсивно растущими зонами мировой торговли. Регионы Азиатской России сегодня энергично создают собственные системы внешнеэкономической «подстраховки», компенсирующие обвальное разрушение внутреннего рынка, диспропорции их хозяйственной структуры и социального комплекса. При нарушении геополитического оптимума эта, в целом прогрессивная тенденция, может зайти далеко и иметь крайне негативные как внутриполитические, так и внешнеполитические последствия.

Весь комплекс вышеназванных проблем требует пристального внимания ученых, постановки новых исследовательских задач. С этой целью предлагается специальная научная программа «Азиатская Россия в мировой геополитике XX века». Главной целью проекта является ретроспективное изучение закономерностей территориально-экономического роста и политической консолидации Российского государства на восточном направлении и связанных с этим процессом изменениях его геополитического положения в макрорегиональном, континентальном и глобальном контексте развития. На основе изучения исторического опыта предполагается реализовать прикладные цели проекта — разработку прогнозного геополитического сценария и концептуальных основ оптимальной геополитической стратегии развития Азиатской России на кратко- и долгосрочную перспективу в тесном взаимодействии с тенденциями и факторами региональной экономической политики на востоке страны. Заключенное в историческом опыте эвристическое

богатство ситуаций, подходов и решений позволит преодолеть неопределенность и бессистемность в современном возрождении России как весомого фактора geopolитики, действующего на мировой арене.

*Сибирь: Политика, Экономика.
Управление. 1993, № 1. С.3-27.*

ХХ век вывел Сибирь на орбиту международной известности, по крайней мере со второй его половины она постоянно на слуху мировой общественности. Чем же прославились Сибирь, что она сделала для мира, для страны и для самой себя? Ответы на эти *три вопроса* имеют не только историко-познавательное, но и практический-прогностическое значение, поскольку позволяют оценить предшествующий исторический опыт, извлечь из него позитивные и негативные уроки, сделать выводы на будущее.

Исторический опыт освоения новых районов свидетельствует, что большинство из них последовательно прошло *три стадии: промысловую, аграрную, индустриальную*. Конечно, на разных исторических этапах, да и в современных условиях можно наблюдать переплетение этих стадий, но как правило, одна из них была наиболее типичной для определенного периода.

Сразу после присоединения Сибири по ней *прокатилась волна промысловой колонизации*. Особое значение получил пушной промысел. За 70 лет XVII здесь было добыто 7.248.000 соболей. Он стал символом Сибири. На ее гербе было изображено два соболя, пронзенные двумя скрещивающимися стрелами и держащие в зубах «корону сибирского царства». Пушнина составляла 20% доходной части государственного бюджета России. За нее на мировом рынке получали любые товары, в том числе серебро для чеканки отечественной монеты, ей одаривали зарубежных государей, иностранных послов, платили дань, а иногда выплачивали жалованье.

По мере истребления пушных зверей их промысел уменьшался, падал удельный вес пушнины в доходах казны. И тем не менее Сибирь оставалась крупнейшим в мире поставщиком мехов. По данным всемирной выставки в Вене (1910 г.), на ее долю приходилось свыше 40% стоимости мировой добычи пушнины.

В трудные годы первой мировой войны и революции, последующего восстановительного периода промыслы составляли основу хозяйства малых народов Севера и приносили до 85% доходов населению. Средства к жизни добывались при помощи примитивного самодеятельного инвентаря, архаическими способами лова и охоты, что не гарантировало устойчивого существования этих народов. Некоторые из них под влиянием русских крестьян наряду с про-

мыслями начали заниматься скотоводством и земледелием, там, где это позволяли климатические условия.

В дальнейшем, в результате сокращения пушных зверей и перехода коренного населения Сибири на оседлость, развитие земледелия и скотоводства масштабы добычи пушнины, ее удельный вес в доходах сибиряков и государства резко сократились. Еще больше подорвали пушной промысел введение коллективных формам хозяйствования и индустриальное развитие северных территорий, нарушение экологического равновесия в природе.

В большинстве хозяйственных документов и статистических справочников исчез даже раздел о добыче мехов. В советское время пушнина приравнивалась к валютным резервам и статистические сведения о ней широко не разглашались, что не дает возможности детально проследить ее нисходящую динамику. По отрывочным сведениям можно установить только рост стоимостных показателей пушного промысла. Так, в Якутии средний товарный выход пушнины с 1917 по 1940 гг. вырос в 15 раз и составил 30 млн руб. В целом по СССР экспорт пушнины и мехового сырья за 1913–1967 гг. увеличился с 5 до 52 млн руб. Из этих цифр вытекает вывод о том, что промысловое освоение продолжалось и тогда, когда оно утратило первостепенное значение в развитии экономики. При этом надо иметь ввиду, что удельный вес ценных мехов был незначительный, с каждым годом возрастило количество шкурок, полученных в результате клеточного звероводства.

Исторический опыт промыслового освоения Сибири свидетельствует, что это была важная фаза развития ее производительных сил, которая способствовала заселению края и накоплению капиталов для последующего освоения. В отличие от многих других вновь освоенных территорий мира, где коренное население сгонялось со своих земель и в значительной части уничтожалось, сибирские аборигены, как главные поставщики пушнины, сохранились царским правительством и выполняли важную функцию по освоению районов с экстремальными природно-климатическими условиями.

Ситуация изменилась с установлением советской власти. С одной стороны, коренные народы активно подключались к новым, социалистическим формам хозяйствования и административного управления, а с другой стороны они все дальше отодвигались от своего традиционного образа жизни, основу которого составля-

ли промыслы, приходящие во все больший упадок. Крайним выражением этого явилось массовое помещение детейaborигенов в специальные интернаты, где они, оторванные от родителей, забывали свои традиционные промысловые навыки и приучались к чуждым им природе индустриальным профессиям.

С развалом советской системы и переходом к рыночным отношениям значительной части коренных народов Сибири по причине кризиса промышленности на их территориях и катастрофического сокращения государственного финансирования ничего не оставалось как вернуться к своим традиционным занятиям, но в еще более худших условиях, поскольку промысловые угодья оказались разрушенными индустриальным вторжением, а рыночные отношения не налаженными. В результате охотники вынуждены снова менять меха на кусок хлеба и бутылку водки у заезжих коробейников, как это было в начале века. В итоге можно констатировать, что промысловое освоение Сибири, сыграв выдающуюся роль для страны, мало что дало самой Сибири и ее населению.

На смену промысловому пришло *аграрное освоение* региона. Уже первые отряды казаков, столкнулись с проблемой продовольственного снабжения. Она обострилась по мере увеличения их численности. Первоначально хлеб завозился из европейской части страны, но его всегда не хватало, особенно в неурожайные годы. Да и доставка стоила недешево. Поэтому пришлось заложить «государеву пашню» на месте, чему способствовало наличие плодородных земель. Она зародилась в Тобольской губернии, а в дальнейшем распространилась по многим районам Сибири, но никогда не занимала больше одной десятой ее территории. К концу XVII в. здесь собирались почти 4 млн пудов хлеба в год.

По мере расширения посевных площадей и совершенствования агротехники сибирское крестьянство не только удовлетворяло потребности в хлебе местного населения, но и создавало резерв для его вывоза за пределы края. В середине последней четверти прошлого века из Сибири вывозились 3,5 млн пудов, а в начале нашего столетия — уже 20 млн пудов.

По количеству скота на душу населения Сибирь в начале XX в. вдвое, а по некоторым видам втрое превосходила европейскую Россию и занимала одно из первых мест в стране. Особый размах получило маслоделие. В 1913 г. из Сибири за рубеж было вывезено

100 тыс. т. коровьего масла, что составило 90% российского экспорта этого продукта. За него Россия получила вдвое больше золота, чем его добывалось в то время на сибирских приисках. Такой опыт заслуживает самой высокой оценки и специального изучения.

В результате первой мировой и гражданской войны сборы зерновых в 1922 г. сократились до 48% к довоенному уровню, общее поголовье скота по отношению к 1916 г. снизилось на 33%, заготовка масла уменьшилась в 10 раз. Несмотря на падение своего сельскохозяйственного производства, Сибирь сыграла крупную роль в поставках продовольствия для европейских районов государства в критический период самого тяжелого голода в его истории (1921–1922 гг.). Тогда неурожай охватил 40% посевной площади страны. Дефицит продовольствия составил многие миллионы пудов. Голодало 30 млн чел. Такое положение было следствием невиданной по масштабам засухи и разрухи в ходе мировой и гражданской войн. Костлявая рука голода взяла за горло Россию, грозила задушить ее, отдать на растерзание внешних врагов.

Спасла Сибирь. В период заготовительной кампании 1920–1921 гг. она обеспечила 29% валового сбора зерновых, в то время как центральные губернии только 14%. В следующем году сибирские крестьяне дали государству около 50 млн пудов продовольствия (в переводе на ржаные единицы). Кроме государственных поставок в фонд помощи голодающим поступили пожертвования от различных организаций и отдельных граждан в виде хлеба, мяса, масла и других продуктов. Выразить эту помощь в каких-то единицах трудно, но факты свидетельствуют, что она была велика по масштабам. Для беженцев из голодающих губерний создавались специальные питательные пункты, в которых только за 1921 г. было выдано 7,5 млн порций пищи. Сибирь приютила 40 тыс. детей из голодающих районов. Вклад сибиряков в победу над голодом оказался столь велик, что с него западная пресса начала отсчет ситуаций, когда Сибирь спасала советскую Россию.

Дальнейшее аграрное освоение Сибири претерпело немало подъемов и спадов, которые отражали общее состояние дел в стране. В 20-е гг., до начала колLECTивизации, наблюдался значительный подъем сельского хозяйства. К 1927 г. по сравнению с 1913 г. на 27,9% увеличились валовые сборы зерна, поголовье скота по отношению к 1916 г. составило 126,2%.

В начале массовой колхозизации произошло падение сельскохозяйственного производства Сибири и его удельного веса в масштабе страны. В 1932 г. общий валовый сбор хлеба сократился примерно на четверть по сравнению с 1928 г., когда был достигнут уровень доколхозной деревни. К концу 30-х гг. положение выправилось. Средние годовые заготовки хлеба в 1937–1940 гг. были почти в 2,5 раза выше, чем в 1926–1929 гг.. Сибирь заготавливал 3500–3800 т. молока, 300 тыс. т. скота (в живом весе). Поднялась ее роль в сельскохозяйственном производстве страны. На ее долю приходилось 14% заготовленного хлеба в России, 23% молока, 25% мяса.

Вторая мировая война вновь нанесла тяжелый урон сибирской деревне. Почти в полтора раза сократились посевные площади, в два раза — поголовье крупного рогатого скота, снизилась урожайность основных сельскохозяйственных культур. Продуктивность и товарность сельскохозяйственного производства за годы войны упали вдвое. Несмотря на все это, сибирские крестьяне выполнили свой долг перед Родиной. За четыре года войны они дали государству свыше 700 млн пудов хлеба, что составило шестую часть всех хлебозаготовок СССР в военный период.

Послевоенная история аграрного освоения Сибири, как и предшествующая, была наполнена многочисленными противоречиями и даже парадоксами. В 1950 г. посевные площади региона достигали довоенного уровня, но рост производства сдерживался низкой культурой земледелия. Тем не менее в течение первого послевоенного пятилетия сбор зерновых культур на одну пятую превзошел довоенный уровень. Повысились валовые сборы технических и масличных культур. Достигнуть довоенного уровня поголовья коров и лошадей не удалось.

Весной 1954 г. начался массовый подъем целинных и залежных земель. За 1954–1960 гг. в Сибири было вспахано 9767 тыс. га. новых земель, что составляло половину от всех вновь распаханных площадей в Российской Федерации. В разные годы эта акция оценивалась по разному. Сегодня можно констатировать, что при всех позитивах и негативах она имела историческое значение на пути аграрного освоения Сибири, получила общеноциональное зучение.

Последующие многочисленные преобразования сельского хозяйства Сибири приводили то к его новому подъему, то к упадку.

Сами по себе они представляют заметный интерес и имеют важное значение для изучения исторического опыта аграрного освоения Северной Азии, но по сравнению с масштабами индустриального развития решительно отступают на задний план.

Индустриальное освоение края началось значительно позднее промыслового и аграрного, но получило несравненно большее значение. Промышленность поначалу не отделялась от земледелия и существовала в виде домашних промыслов. Но уже первым землепроходцам давался строгий наказ «про золотую руду, и про серебро, и про жемчуг, и каменья, и медь, и олово, и свинец, и железо, и про всякие камни накрепко проводывать и расспрашивывать». Таежные аборигены, неискушенные в этих каменях, охотно показывали их месторождения. В результате русские вышли на уникальные месторождения серебра, золота, железной руды, а позднее и алмазов, нефти, газа, других ценных полезных ископаемых.

В первой четверти XVIII в. были построены Нерчинский (в Забайкалье) и Колывано-Воскресенский (на Алтае) сереброплавильные заводы. За ними последовало сооружение еще нескольких таких же предприятий. В середине века среднегодовая выплавка серебра на Алтае превысили тысячу пудов. После временного спада к концу века она вновь вышла на тот же уровень. В первой половине XIX в. один Алтайский горный округ получал серебра больше, чем Англия, Франция, Швеция, Пруссия и Бельгия вместе взятые. Позднее в связи с сокращением запасов благородного металла и кризисом хозяйственной системы, на которой базировалась его добыча, производство стало неуклонно падать.

На смену «серебряному» веку Сибири пришел «золотой». Начинался он тоже на Алтае, но затем быстро сместился в Восточную Сибирь, которую поразила «золотая горячка». В поисках счастья сюда хлынули толпы людей, самые пестрые по своему составу: за jakiочные купцы и промышленники, разорившиеся ремесленники и крестьяне, бродяги и каторжники. Джентльмены удачи лихорадочно промывали деревянным лотком песок на таежных речках, ворочали прибрежные камни, долбили мерзлую землю. В 1859 г. здесь функционировало 247 приисков. Наибольший объем добычи дал Енисейский округ – 737 пудов. За ним следовал Олекминский – 211 пудов. Среднегодовая добыча золота по всей Сибири достигала тысячи пудов. К концу века Сибирь поставляла 90% российского

золота. В канун первой мировой войны здесь добывалось около 30 тонн золота в год.

Добыча драгоценных металлов в суровых сибирских условиях требовала серьезных технических усовершенствований, а прибыль давала возможность идти на них. В XVIII в. на Алтае Иван Ползунов построил универсальную паровую машину двойного действия, а Кузьма Фролов — уникальный подземный гидроэнергетический каскад, превзошедший шедевры мировой гидротехники своего времени. В конце прошлого века там же на Алтае была построена первая в России и одна из первых в мире промышленная гидроэлектростанция. Каскад из шести ГЭС действовал на Ленских золотых приисках. Здесь же начала эксплуатироваться одна из первых высоковольтных линий электропередач. Несмотря на попытки внедрения передовой технологии, труд в горной промышленности Сибири оставался чрезвычайно тяжелым.

Другие отрасли сибирской промышленности в начале XX века не получили сколько-нибудь существенного развития. В общероссийском производстве черных металлов на долю Сибири приходилось не более одного процента. Обрабатывающая промышленность базировалась в основном на первичной переработке сельскохозяйственного сырья. В канун первой мировой войны Сибирь давала всего 1,5% валовой продукции фабрично-заводской промышленности государства. В Российской империи она оставалась аграрно-сырьевым придатком. В 1913 г. 99% ввоза приходилось на промышленные изделия, а в вывозе 40% составляло сливочное масло, 23% — другие продукты питания, 19% — золото, 15% — пушнина.

Первая мировая война, революция и гражданская война породили ужасную разруху. В 1920 г. добыча золота в Сибири составила только 3% от дооценной. Наполовину сократились поставки угля. Из пяти металлургических заводов действовало только два, и то не на полную мощность. Из-за отсутствия сырья, топлива, рабочей силы, изношенностии оборудования остановились сотни промышленных предприятий. На железнодорожных путях стояли паровозы с размороженными котлами, занесенные снегом пустые вагоны, а то и груженые тифозными трупами.

Во второй половине 20-х гг. разруха в основном была преодолена. Промышленное развитие достигло дооценного уровня, но он

не отвечал ни возможностям Сибири, ни потребностям страны. По мере того, как вырисовывались новые рубежи России, все острее вставал вопрос о месте Сибири в ее судьбе.

В 1925 г. группа ученых во главе с профессором Николаем Гутовским составила генеральный план решения Урало-Кузнецкой проблемы, который предусматривал рост добычи сибирского угля, особенно коксующегося, главным потребителем которого должен был стать Урал. Эта идея активно обсуждалась и нашла поддержку в следующем году на первом сибирском краевом научно-исследовательском съезде.

Второй сибирский краевой съезд Советов, состоявшийся в 1927 г., при рассмотрении перспектив развития края признал «практическую постановку Урало-Кузнецкой проблемы совершенно своевременной и рассматривал ее как центральную задачу, в разрешении которой заинтересованы не только Урал и Сибирь, но и Союз в целом».

По вопросам реализации Урало-Кузнецкого проекта развернулась остройшая политическая борьба. Выступая в том же году на вечере сибиряков в Москве, Лев Троцкий ратовал за развитие в Сибири производств, перерабатывающих сельскохозяйственные продукты на экспорт, а также путей сообщения и отказывал ей в необходимости иметь тяжелую промышленность. Один из видных сибирских партийных работников того периода Сергей Сырцов окрестил планы индустриального развития региона «промышленным романтизмом».

Три четверти века спустя такие высказывания можно оценивать по-разному. С одной стороны, в них дозволительно усмотреть осторожный, щадящий, может быть даже рыночный подход, к индустриальному освоению региона, который позволил бы без перенапряжения в длительной исторической перспективе создать здесь крупный промышленный потенциал. А с другой стороны, надо понимать жестокие реалии нашего века, которые требовали оперативного введения в хозяйственный оборот новых крупных природных ресурсов. Через полтора десятка лет стало очевидно, что страна не могла обойтись без них.

Была попытка противопоставить украинскую и сибирскую угольно-металлургические базы. Антисибирскую кампанию возглавил профессор Диманштейн, считавший Урало-Кузнецкий проект

«абсолютно угопичным» и явно «убыточным». Главная цель его единомышленников заключалась в том, чтобы добиться признания за Украиной исключительного права на развитие черной металлургии. Этих лобби активно поддерживал Лазарь Каганович, работавший тогда первым секретарем ЦК КП(б) Украины. Он выступил против выделения капитальных вложений для Урала и Сибири, настаивал на их сосредоточении в Украинской республике.

Государственную точку зрения на необходимость соединения уральской руды с сибирским углем решительно отстаивал и председатель ВСНХ Феликс Дзержинский, а потом Валериан Куйбышев, председатель Госплана СССР Глеб Кржижановский, нарком тяжелой промышленности Георгий Орджоникидзе. «Сибирь, — говорил Кржижановский, — это становой хребет не только нашей энергетики, но и нашей защиты, оплот в мировой борьбе».

Жаркие дискуссии о перспективах Урало-Кузбасса выплеснулись из кабинетов проектировщиков и плановиков на пленумы и съезды правящей партии. На четырнадцатой партийной конференции указывалось на прогрессивность перехода уральской металлургии с древесного угля на кузнецкий кокс. Пятнадцатый съезд партии (1927 г.) отверг притязания украинских плановиков на монопольное развитие южной угольно-металлургической базы и поддержал идею сдвига индустрии на восток, что нашло практическое преломление в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР «Дело в том, — подчеркивалось там, — что на оси уголь Кузбасса и железной руды Урала мы создаем два новых центра основной промышленности Союза на Востоке, достаточно мощных и многосторонних, чтобы служить опорными базами, удобно расположенными для последовательного продвижения на Восток к его огромным природным ресурсам».

Решение Урало-Кузнецкой проблемы предполагало мощное развитие угольной промышленности Кузбасса и металлургического производства на Урале, создание предприятий тяжелого машиностроения и химической промышленности, надежной электроэнергетической базы. Историческим шагом на этом пути стало постановление ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 г. «Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации, — говорилось в постановлении, — является создание на Востоке второго основного угольно-

металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири».

Такую линию одобрил XVI съезд партии, который принял решение о создании новой мощной угольно-металлургической базы в виде Урало-Кузнецкого комбината. Крупную роль в этом сыграл Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин, который занял решительную позицию в пользу Урало-Кузбасса. Вместе с тем нельзя пройти мимо того факта, что он без всякого научного обоснования потребовал резкого увеличения плановых показателей развития черной металлургии, в значительной степени за счет Урала и Сибири. Жизнь доказала нереальность такого подхода и от него в дальнейшем пришлось отказаться.

Практическое осуществление проекта началось весной 1929 г. со строительства двух крупнейших металлургических комбинатов — Кузнецкого и Магнитогорского. Оно было сопряжено с огромными, невообразимыми для современного читателя трудностями: не-развитостью индустриальной базы в районе новостроек, особенно в Кузбассе; крайней скучностью отечественного оборудования и строительной техники; неподготовленностью рабочих и инженерных кадров; отсутствием опыта создания столь крупных промышленных объектов, тем более в суровых природно-климатических условиях.

Эти трудности преодолевались ценой невероятного напряжения материальных и людских ресурсов государства. Налаживался выпуск советской техники, недостающее оборудование покупалось за рубежом, перенимался западный опыт проектирования и строительства крупных промышленных объектов, интенсивно приобретался свой, отечественный. На стройки пришли сотни тысяч вчерашних крестьян, которые не имели навыков индустриального труда и жизни в урбанизированных поселениях. Поступили десятки тысяч заключенных. Условия их труда и быта были тяжелые. Жить приходилось в бараках, а то и в землянках. Продукты выдавались по карточкам. Несмотря на исключительные трудности люди творили чудеса трудового героизма ради светлого будущего, которое в их сознании ассоциировалось с индустриализацией страны.

В феврале 1932 г. первый металл выдал Магнитогорский комбинат, а в апреле — Кузнецкий. К концу года первые очереди комбинатов с завершенным metallurgическим циклом вошли в экс-

плутацию. Таких темпов ввода в строй крупных промышленных объектов не знала не только отечественная, но и зарубежная металлургическая практика. Высокими темпами шло освоение новых производств, доведение их до проектной мощности. Задувались новые домны, пускались мартены, бломинги, прокатные стапы. Во второй пятилетке головные металлургические предприятия Урала-Кузбасса превратились в самые крупные в стране. Они производили более половины высококачественной стали и чугуна.

Под металлургию подводилась топливно-энергетическая база. За годы первых двух пятилеток мощность шахт Кузнецкого бассейна выросла в десять раз. Если раньше он в основном снабжал топливом железные дороги, то теперь все больше переходил на коксующиеся угли, обеспечивая урало-сибирскую металлургию. Кузнецкие угли пошли в топки мощных электростанций, переродивших энергетическую базу сибирской промышленности на рельсах электрофикации и технического прогресса.. Кузбасс на глазах превращался во второй Донбасс, а со временем перерос его и стал крупным поставщиком угля для европейских районов страны.

На новой угляльно-металлургической базе закладывался прочный фундамент машиностроения. Заводы располагались главным образом на Урале, частично в Новосибирске. В их числе знаменитый Уралмаш. Его сооружение продемонстрировало возможность в трудных условиях оперативно мобилизовать необходимые ресурсы на решение неотложных задач нации. Удалось быстро изыскать средства и оборудование, квалифицированные кадры, что позволило в далекой глухи создать современное и совершенное по тому времени предприятие, положившее начало прогрессивной отрасли народного хозяйства на востоке страны, так необходимой для ее освоения. Вместе с тем строительство Уралмаша явилось типичным примером неслыханных трудностей и лишений для создателей гигантов индустрии.

Создание Урало-Кузнецкого комбината – яркий кадр в панораме России первой половины XX в. Уже в 1933 г. комбинат давал пятую часть всей выплавки чугуна, шестую часть производства кокса, почти четверть продукции основной химии в стране. О масштабах этого уникального эксперимента можно судить хотя бы потому, что на кануне второй мировой войны Урал ежегодно получал 5 млн т. кузнецких углей и направлял в Кузбасс свыше 2 млн т. железной руды.

Такая кооперация давала значительный эффект. Магнитогорский и кузнецкий комбинаты производили самый дешевый металл в стране. Правда, мятниковые перевозки оказались настолько энергичными, что в 70-е гг. за уральский хребет ежегодно перебрасывалось уже около 1 млрд условного топлива, на что тратилось 10 млрд руб.. Кроме больших затрат необходимо учитывать огромную перегрузку транспорта, парализующую экономику страны.

Решение Урало-Кузнецкой проблемы открыло путь интенсивной индустриализации Сибири. В тридцатые годы возникли сотни новых заводов и фабрик в тяжелой и легкой промышленности, коренной реконструкции подверглись старые. Число предприятий крупной промышленности по сравнению с дореволюционным выросло в десять раз. Сибирская промышленность развивалась значительно быстрее, чем союзная. Если за первые две пятилетки валовая продукция крупной промышленности СССР выросла в пять раз, то Сибири – в девять. Ведущие позиции занимала тяжелая промышленность. На ее долю в предвоенный период приходилось более половины общего объема промышленного производства. Сибирь вышла на арену современной индустриальной цивилизации.

Серьезным испытанием для молодой сибирской индустрии стала вторая мировая война. Она превратилась в надежный арсенал Красной Армии. Здесь в широких масштабах развернулось производство стратегического сырья, боевой техники, оружия, боеприпасов. Резко возросли капитальные вложения в экономику. Доля Сибири в общесоюзном объеме капитальныхложений поднялась с 7% в 1940 г. до 18% в 1942 г.

Сложные задачи встали перед metallurgiей. В связи с тем, что юго-западная metallургическая база оказалась в руках немцев, основная ответственность за снабжение страны металлом легла на Урало-Кузбасс. В короткий срок освоил производство качественного металла Кузнецкий metallургический комбинат. В сугубом и ответственном для судьбы страны 1942 г. Сибирь дала около трети общесоюзного производства чугуна, свыше четверти стали и проката, почти половину кокоса и треть марганца, а вместе с Уралом почти 100% этой ценнейшей продукции. Именно за счет Урало-Кузбасса к 1943 г. Советский Союз превзошел Германию по производству качественного металла, что послужило залогом нашей победы. Сибирь в большом количестве поставляла цветные металлы, особенно

после пуска Норильского горнообогатительного комбината, Ново-кузнецкого алюминиевого и ферросплавного заводов. Они похоронили надежды Гитлера на то, что после захвата предприятий цветной металлургии, прежде всего алюминиевых заводов в европейской части СССР, советскому самолетостроению будет нанесен непоправимый урон.

Сибирские угольные бассейны сыграли решающую роль в обеспечении предприятий и транспорта топливом. Их доля в общегосударственной добыче угля увеличилась с 19% в 1940 г. до 38% в 1942 г. Высокими темпами развивалась сибирская электроэнергетика. В то время как за годы войны производство электроэнергии по стране уменьшилось, в Сибири оно возросло вдвое. В военные годы удельный вес Сибири в общесоюзной выработке электроэнергии увеличился более чем в два раза, что имело важное значение для слаженной работы сибирского тыла и укрепления обороноспособности государства в целом. Примечательно, что три четверти электроэнергии давала Западная Сибирь, то есть районы, прилегающие к Урало-Кузбассу.

Укрепление угольно-металлургической и энергетической баз создало благоприятные предпосылки для размещения эвакуированных предприятий, а их прибыло более пятисот. Они в течение трех-четырех месяцев входили в строй и выдавали продукции больше, чем до эвакуации. В связи с переводом экономики на военный лад особенно высокими темпами развивались машиностроение и металлообработка. При общем росте промышленного производства в Западной Сибири за первых два военных года в два с половиной раза, продукция машиностроения и металлообработки увеличилась в восемь раз, а военного производства — почти в тридцать раз. В 1942 г. Сибирь произвела 10% промышленной продукции страны вместо 4% в 1940 г. Она превратилась во второй после Урала военно-промышленный арсенал Родины и внесла весомый вклад в подготовку условий для коренного перелома на фронтах Великой Отечественной войны.

В целом за годы войны объем промышленного производства в Западной Сибири увеличился почти в три, а в Восточной — в полтора раза. Рост происходил главным образом за счет военных отраслей и тяжелой индустрии. Только один из сибирских авиационных заводов выпустил 15 тыс. самолетов, т.е. каждый десятый совет-

ский самолет военных лет. Для сравнения можно заметить, что США и Англия поставили СССР за годы второй мировой войны 18 тыс. самолетов. Сибирь дала значительную долю снарядов и различных видов вооружения, которые сыграли важную роль в сражениях второй мировой войны.

Интенсифицируя оборонное производство, война резко затормозила развитие традиционной экономики в регионе. Вывозка древесины уменьшилась почти на 45%, производство кирпича – наполовину. Война отрицательно сказалась на состоянии местной промышленности, всех видов транспорта. Чрезвычайные обстоятельства военного времени имели краткосрочное влияние на темпы индустриального развития Сибири. Они в дальнейшем затормозились в связи с процессом реконверсии, а в некоторых важнейших промышленных центрах наблюдалось даже снижение выпуска валовой продукции. В 1946 г. на пятую часть снизилось производство в Кемеровской области и Красноярском крае. Отрицательные последствия войны сказывались на экономике Сибири вплоть до середины 50-х гг., а некоторые и до сих пор, потому что на ее территории оказались производства, которые в мирное время здесь никто бы не стал создавать.

Страна еще залечивала раны, полученные в жестоких сражениях, когда встал вопрос о новом шаге в движении индустрии на Восток. Опыт решения Урало-Кузнецкой проблемы убедил в эффективности такого движения, а минувшая война доказала необходимость и своевременность создания мощного индустриального центра вдали от пограничных рубежей. Новые масштабы развития экономики, особенно под влиянием научно-технической революции и конфронтации со странами западного мира, уже никак не могли довольствоваться природными ресурсами европейских районов. В повестку дня встало решение очередной, крупной народохозяйственной проблемы – Ангаро-Енисейской.

Ее зарождение относится к началу века. В разгар гражданской войны Вадим Малышев составил эскизные предложения об использовании водных сил верховья Ангары. Тогда же Август Вельнер провел аналогичную работу по среднему течению Ангары. Эти исследования дали материал для научной постановки Ангарской проблемы. Когда весной 1920 г. комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО) заинтересовалась перспективам гидростроительства на

Ангаре, Вельнер представил на ее рассмотрение доклад «Водные силы Ангара и возможности ее использования». Он предполагал строительство на Ангаре одиннадцати гидроэлектростанций общей мощностью свыше двух млн киловатт, что в два раза превышало мощность всех электростанций страны того времени. Станции, за исключением одной, намечались ниже Братска. Наиболее крупные из них по месту расположения совпадали с ныне действующими.

В докладе давалась обстоятельная характеристика природных условий, состояния хозяйства и полезных ископаемых Приангарья. На базе дешевой энергии и запасов полезных ископаемых должны были развиваться электрометаллургия, электрохимия, золотодобыча, деревообработка. Планировалось получение в больших масштабах чугуна, стали, меди, ферросплавов, азотной кислоты,

Рассмотрев предложения А. Вельнера, комиссия ГОЭЛРО пришла к выводу: «Не подлежит сомнению, что в будущем Ангара и весь приангарский район займут соответствующее место в Сибири... Однако более близкое изучение реки Ангара и возможности использования ее гидравлических сил заставляют отодвинуть осуществление этих работ по крайней мере на следующее за ближайшим десятилетие».

В 1925 г. Глеб Кржижановский и Александр Цурюпа вновь поставили вопрос об использовании энергоресурсов Ангары. Тогда впервые государственными органами была сформулирована идея создания в Приангарье крупного промышленного центра по производству энергоемкой продукции в таком количестве, в каком она не может быть получена в других районах страны. По заданию Сибирской группы ГОЭЛРО при Госплане СССР молодой инженер В. Малышев на материалах своих прежних исследований составил записку «Лено-Байкальская область и ее перспективы», в которой развел эти положения. Давая характеристику состояния хозяйства района и его перспектив, автор указал, что здесь имеются все виды источников энергии, в том числе нефть, а «область как бы создана природой в предвидении ее будущей электрификации»

В отличие от проекта А. Вельнера, В. Малышев в соответствии с последними достижениями гидротехники предлагал построить на Ангаре три мощных ГЭС: Одну в верховье реки и две – в средней порожистой части. Он подошел ближе к тем принципам, по которым позднее началось освоение Ангары.

В 1929 году исследовательские работы по Ангаре были включены в пятилетний план. Она стала признанной народнохозяйственной проблемой. На следующий год по просьбе Сибирской краевой плановой комиссии крупнейший советский ученый академик Иван Александров разработал комплексный план исследований по Ангарской проблеме, который получил одобрение Госплана СССР. Основываясь на материалах предшествующих исследований, при активном участии В.Малышева, И.Александров уже в то время дал настолько продуманную схему использования энергетических ресурсов Приангарья, что она до настоящего времени сохраняет многие свои принципиальные положения. На Ангаре им намечалось, как и проектируется сейчас, шесть гидроэлектростанций. Они должны составлять непрерывный каскад и использовать в качестве регулирующего водохранилища озеро Байкал. Особенное внимание академик Александров обращал на «согласованный рост всего комплекса производства» с тем чтобы не допустить диспропорций в выработке и потреблении электроэнергии.

Исследования по Ангаро-Енисейской проблеме велись широко и комплексно. Наряду с вопросами гидро строительства изучались возможности сооружения тепловых электростанций, проектировались промышленные комплексы, изыскивались сырьевые ресурсы для них. Все это рассматривалось в тесной связи друг с другом. Над разрешением сложных задач проблемы трудилось около 30 научно-исследовательских институтов. Такой комплексный метод оказался очень эффективным и был использован позднее при аналогичных исследованиях не только в нашей стране, но и за рубежом.

В середине 30-х гг. завершился первый этап этих исследований. Они подтвердили и углубили основные положения академика Александрова. На Ангаре и Енисее с притоками проектировалось около сорока крупнейших электростанций, которые могли ежегодно вырабатывать выше ста шестидесяти миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Перспектива строительства грандиозных, невиданных электростанций в то время казалась фантастической. Ведь они могли дать значительно больше электроэнергии, чем производилось тогда в Соединенных Штатах Америки. Уникальный каскад гидроэлектростанций поражал воображение современников. Говорили, что над Сибирью восходят десятки «электрических» солнц, образуется «Галактика А-Е». Максим Горький так и писал: «Поражая

воображение своей грандиозностью, развертываются сказочные картины будущего Сибири, которые создает укрупненная и освоенная рабочей энергией людей стихийная сила Ангары...»

В 1936 г. экспертная комиссия Госплана СССР дала высокую оценку исследованиям по Ангарской проблеме и признала, что на их основе можно принимать ответственные решения. После этого крупные изыскательские работы приостановились. Сложная международная обстановка вообще и на Дальнем Востоке в частности, а также внутренние трудности не позволили до второй мировой войны приступить к практическому осуществлению идей Ангаростроя.

Сразу же после окончания войны исследовательские работы возобновились с новой силой. В августе 1947 г. Академия наук СССР и Госплан СССР совместно с Иркутским областным Советом депутатов трудящихся провели конференцию по развитию производительных сил области. Она пришла к выводу, что удачное сочетание комплекса топливных и гидроэнергетических ресурсов с большими и многообразными запасами полезных ископаемых выдвигает Иркутскую область в число наиболее перспективных и первоочередных районов для промышленного освоения. Конференция высказывалась за специализацию области на энергоемких производствах, отметила исключительно благоприятные возможности Восточной Сибири в целом. Навсегда были прекращены споры о сооружении на верхнем участке Ангары нескольких гидроэлектростанций. Рекомендовалось строительство одной крупной – Иркутской ГЭС. По замечанию академика Александра Винтера, не стоило делить драгоценный алмаз на части. Страна к тому времени стала достаточно спальней технически и экономически, чтобы справиться с такой сложной задачей.

После конференции широким фронтом развернулись комплексные исследования по изучению энергетических и сырьевых ресурсов Восточной Сибири. В 1953 г. ветераном ангарских исследований инженером Павлом Дмитриевским была закончена разработка схемы комплексного использования всего течения Ангары. Она предусматривала сооружение на Ангаре шести гидростанций общей мощностью в 10 млн киловатт с годовой выработкой около 70 млрд киловатт-часов. В дальнейшем благодаря новым техническим решениям удалось увеличить проектную мощность каскада до 17 млн киловатт. В пятидесятых годах группа инженеров Гидро-

энергопроекта составила схему использования Енисея, определив мощность каскада гидростанций в 50 с лишним млн киловатт, а выработку электроэнергии в 180 млрд киловатт-часов.

Чем же объяснить столь долгое и пристальное внимание ученых к Ангаро-Енисейской проблеме? Тем, что здесь сочетаются уникальные запасы сырья с богатейшими источниками энергии. Исторически же получилось так, что основные производственные мощности и людские ресурсы располагались в европейской части страны, а источники сырья и энергии – в Сибири. В то время как в Восточной Сибири проживало 3% населения страны, общие запасы энергетических ресурсов составляли 73%. Здесь находятся три четверти угольных и чуть ли не половина гидроэнергетических ресурсов государства. Причем использование этих запасов обходится относительно дешево. Себестоимость добычи угля в Канско-Ачинском бассейне в пятнадцать-двадцать раз ниже, чем на шахтах центральных районов страны. В десятки раз меньше затраты по производству электроэнергии на крупных гидростанциях. А народное хозяйство теперь уже не могло обходиться без активного использования энергетических и сырьевых ресурсов района.

В середине 50-х гг. дал промышленный ток первенец Ангарского каскада – Иркутская ГЭС. В 1961 г. состоялся пуск Братской гидроэлектростанции, а в 1967 – Красноярской. Вскоре они достигли проектной мощности: Братская 4,5, а Красноярская – 6 млн квт. Долгое время они оставались одними из самых мощных гидростанций мира. Сибирские гидростанции XX века превзошли древние и современные чудеса строительного искусства. Объем бетона, камня, земли, использованных при сооружении Братского гидроузла, почти в двадцать раз превосходит объем египетской пирамиды Хеопса, которая пятьдесят веков изумляла мир своей грандиозностью. При всем том расход бетона и железобетона на единицу мощности невелик. Во всем мире трудно найти гидростанцию, соперничающую с Братской в этом отношении.

Сибирские ГЭС по удельным затратам на строительство являются самыми дешевыми в мире и, как правило, быстро окупаются. Братская ГЭС полностью окупила стоимость строительства к сдаче Государственной комиссии. Каждые два года достигалась фондотдача, равная капитальным вложениям в строительство. За первые двадцать лет эксплуатации она выдала народному хозяйству около

400 млрд квт/ч электроэнергии и в восемь раз окупила затраты на свое сооружение.

Наряду с действительными успехами сибирское энергостроительство переживало серьезные трудности и прорывы. Прежде всего неоправданное растягивание сроков строительства отдельных станций. Братская и Иркутская ГЭС дали промышленный ток через семь лет с начала строительства, Красноярская — через двенадцать. Более десяти лет продолжалось строительство Усть-Илимской и Саяно-Шушенской ГЭС, хотя они сооружались на готовых строительных базах Братскэсстроя и Красноярскэсстроя.

Систематически отставала прокладка линий электропередач, что запирало готовые мощности и препятствовало выходу электроэнергии к потребителям. В первые годы функционирования Братской ГЭС из-за отставания строительства ЛЭП и неготовности основных потребителей электроэнергии ее установленная мощность использовалась только на треть. Дело доходило до того, что через готовые агрегаты вода сбрасывалась вхолостую, потому что некуда было девать электроэнергию. В то время когда возможности Братской ГЭС недоиспользовались, в соседних районах сохранялся значительный дефицит электроэнергии. На ряде промышленных предприятий Красноярского края не хватало четверти потребной электроЭнергии.

Неполное использование введенных мощностей означало омертвление больших капитальных вложений, что вело к удорожанию себестоимости продукции, дополнительным расходам по производству недостающей электроэнергии тепловым электростанциям, напрасным затратам на ввод временных незакономических мощностей. Все эти отрицательные явления порождались ведомственным подходом к развитию энергетики и в целом экономики районов нового освоения.

Со второй половины 60-х гг. ситуация диаметрально поменялась. В Ангаро-Енисейском регионе с пуском в строй основных энергоемких производств обнаружился дефицит электроэнергии. Энергетической мощности стало катастрофически не хватать. В марте 1966 управляющий Иркутскэнерго Петр Некряченко заявил: «Мы уже сегодня ощущаем дефицит в одном из крупных промышленно-индустриальных районов — Иркутско-Черемховском». В дальнейшем он последовательно нарастал, что свидетельствовало

не только о необходимости и оправданности крупного энергетического строительства в регионе, но и о его недостаточности.

Электроэнергетика стала могучим катализатором индустриального освоения Ангаро-Енисейского региона. Уже в 1970 г. на его долю приходилось 60% электроэнергии, 33% валовой продукции промышленности, 55% пиломатериалов, 100% целлюлозы, производимых в Сибири. За последующее пятнадцатилетие валовая продукция его промышленности выросла втрое. Здесь сформировался ряд уникальных территориально-производственных комплексов. Среди них такие всемирно известные как Братско-Усть-Илимский, Канско-Ачинский топливно-энергетический (КАТЭК) и Саянский.

Вместе с тем энергетическое строительство оказывает пагубное воздействие на окружающую среду. Для заполнения Братского водохранилища пришлось удержать двухлетний сток такой могучей реки как Ангара. По объему оно вошло в число самых крупных искусственных водоемов планеты. Плотина Иркутской ГЭС подняла уровень самого большого в мире пресноводного озера Байкал почти на метр, что привело к переформированию береговой линии на большом протяжении со всеми негативными последствиями для его обитателей.

Волны водохранилищ заливают крупные массивы леса и сельскохозяйственных угодий. В зону затопления Братской ГЭС попало 75 тыс. гектар таких угодий, Усть-Илимской — 24 тыс. гектар, в том числе знаменитая Илимская пашня, которая сотни лет кормила многие поколения сибиряков. В зоне затопления, как правило, уничтожается растительность, причем в крупных масштабах. При подготовке ложа Братского водохранилища вырублено свыше 30 млн кубических метров древесины, около 10 млн кубометров вырубить не успели. Добротная ангарская сосна ушла под воду. Долгие годы как символ бесхозяйственности и варварского отношения к природе на волнах качались стволы вековых деревьев.

Во второй половине XX века индустриальное освоение Сибири сфокусировалось на добыче нефти и газа, открытие которых имело мировое значение. Этому предшествовало почти триста лет упорных поисков, редких находок, больших надежд и горьких разочарований. На пути к цели русскими землепроходцами, промышленными людьми, горными инженерами и рабочими преодолевались тысячи километров глухой тайги и непроходимых болот, дебри про-

тиворечивых концепций, столкновение научных школ, государственных, ведомственных и частных интересов, обманчивых иллюзий и упорный скептицизм.

Вскоре после присоединения Сибири к русскому государству о выходах в бассейне Оби битумных сланцев — спутников нефти — писал сосланный в Тобольск хорватский общественный деятель Юрий Крижанич. Затем, в 1684 г. Иркутский воевода Леонтий Кислянский сообщил князю Щербатову о «сущей нефти», найденной в окрестностях острога, где «из горы идет жар неведомо отчего и на том месте зимой снег не живет и летом трава не растет». Выходы «каменного масла» по берегам Иртыша обнаружило посольство Ивана Унковского, направленное царем Петром I в Джунгарию. Образцы сибирского «каменного масла» с берегов Иртыша были доставлены в Петербург. Позже их описал Михаил Ломоносов, заметивший, что куски сланцев были пропитаны асфальтом и имели запах нефти.

В 1875 г. группа иркутских предпринимателей пыталась искать нефть в Прибайкалье, но не получила положительных результатов. Наконец, в 1900 г. в дельте реки Селенги Владимиру Рязанову удалось пройти скважину до глубины 169 сажен, которая по его мнению, начиная с отметки в 40–50 сажен, достигла трех мощных нефтеносных пластов. Еще две скважины, заложенные при финансовом участии местного горнопромышленника Березовского в том же районе, дали ошеломляющие результаты. Были получены образцы байкальской нефти, достаточные для аналитического исследования. На ее запах потянулись местные дельцы и авантюристы из других районов. Они шли по пятам разведочных партий, нередко уничтожая геологические обозначения и устанавливая на их место собственные заявочные столбы. Вскоре «столбопромышленниками» было заявлено около 180 «нефтеносных» площадей. Они покупались и перепродаются по все возрастающим ценам. В течении 1901–1902 гг. информации о «байкальской нефти» не сходили со страниц отечественных и зарубежных изданий, но больше всех в ее пропаганде преуспела французская пресса. Данная тема нашла отражение даже в романе знаменитого фантаста Жюля Верна «Михаил Стrogov». Позднее выяснилось, что это была авантюра местных предпринимателей.

На Западе Сибири поиски нефти велись в меньших масштабах. В 1907 г. было выдано дозволительное свидетельство на производство нефтегазовых работ в Западно-Сибирской горной области. Однако далее постановки залочных столбов дело не двинулось. В конечном счете, ни одно из нефтяных начинаний, с которыми Сибирь вступила в XX столетие и число которых год от года множилось, практического развития не получило. Нефтяная перспектива, через призму которой богатому воображению ученых и коммерсантов виделась блестящая будущность экономического развития Сибири, не состоялась. Главная причина заключалась в том, что уровень общегеологической изученности Сибири находился значительно ниже требований практической нефтегеологии.

Планомерная научно-обоснованная разведка нефти в Сибири началась в 20–30 гг. XX в. Тогда все дальше в тайгу и тундру уходили отряды геологов в поисках сырья и источников энергии для рождающейся индустрии. Они шли под аккомпанемент страстных дискуссий о путях формирования в земных недрах полезных ископаемых, методах их поиска и добычи. Известный русский нефтегеолог Иван Губкин, констатируя пестроту взглядов на вопрос о происхождении нефти, отмечал наличие двух противоположных концепций: неорганической и органической. Сторонники первой концепции утверждали, что нефтяные месторождения строго фиксируются в местах их происхождения. Следовательно, нефтепоисковые работы необходимо вести в пунктах с обильными и ярко выраженным поверхностными нефтепроявлениями. Если промышленную нефть здесь не удалось обнаружить, то эти районы должны быть отнесены к бесперспективным. Приверженцы второй концепции полагали, что нефть обладает исключительно высокими миграционными свойствами, и наиболее богатые месторождения должны находиться в местах вторичных отложений.

Когорту «первичников» возглавлял профессор Калицкий, «авторичников» — Губкин. Отправным пунктом полемики между ними являлся вопрос о нефтеносности Урало-Волжской провинции. Заключение Калицкого о бесперспективности нефтепоисковых работ в Поволжье в середине 20-х гг. подверглось резкой критике со стороны Губкина и его единомышленников. Они призвали к возобновлению буровой разведки на основе научных рекомендаций, вы-

текающих из положений о вторичности образования промышленных нефтяных залежей.

Вызов, брошенный Губкиным, был принят. Многолетний период более или менее мирного сосуществования двух научных школ в нефтегеологии закончился. Борьба между ними приобрела исключительно острый характер, и, более того, из тиши научных лабораторий она выплеснулась в кабинеты хозяйственных руководителей. Сторонники Губкина убежденно и напористо штурмовали не только обветшалые бастионы своих научных оппонентов, но и набирающие силу государственные органы молодой советской республики. Их настойчивую и энергетическую инициативу услышали в директивных партийных и советских инстанциях, однако практическое ее разрешение ввиду незавершенности теоретического обоснования прогноза нефтеносности Поволжья откладывалось. Неизвестно сколько бы продолжалась дискуссия и чем бы она закончилась, если бы не всемогущий случай.

В 1929 г. скважина, бурившая в Чусовских городках на Урале для получения калийной соли, дала нефтяной фонтан. Он пришелся как нельзя кстати. Наличие нефти в недрах Урало-Волжской провинции стало не только вероятным, но и очевидным. На вершине взметнувшегося из недр столба «черного золота» победно реяли флаги творцов и пропагандистов теории органического происхождения нефти и вторичного образования ее залежей. Двери руководящих хозяйственных инстанций широко распахнулись навстречу бывшим «авантюристам». Скептицизм и недоверие ушли в прошлое. Теперь их заинтересованно встречали в приемных наркоматов и главков.

В этот период, видимо, по аналогии с Русской равниной Губкин сформулировал гипотезу о нефтеносности Западно-Сибирской низменности. Выступая в июне 1932 г. на выездной сессии Академии наук, посвященной проблемам Урало-Кузбасса, он поставил вопрос о поисках нефти на восточном склоне Урала. Новый неожиданный прогноз Губкина, казалось абсолютно не согласовывался с совокупностью имевшихся в литературе сведений о геологическом строении Западно-Сибирской низменности. На ее территории не было зарегистрировано ни одного района с признаками нефтеносности. В кругах нефтегеологов на Западную Сибирь смотрели как на совершенно бесперспективный район. Заявление Губкина

опрокидывало устоявшиеся представления. Оно породило много-летний диспут ученых и практиков, подлинный нефтяной референдум.

С переменным успехом он продолжался без малого четверть века, когда сменилось ни одно поколение ученых и геологов-практиков, научных школ и их концепций, пройдены тысячи километров тайги и тундры, потрачены миллионы рублей государственных средств. Обстоятельный рассказ об этой беспримерной эпопее, к сожалению, не вмещается в рамки нашей статьи. Поэтому ограничимся только ее эпилогом.

В сентябре 1952 г. на севере Тюменской области в районе Березова на буровой инженера Александра Быстрицкого ударил мощный газовый фонтан. Его высота достигла 50 метров. Ежесуточно из недр извергалось свыше 1 млн кубических метров газа. На укрощение потребовалось более семи месяцев. Кстати, в результате специальных работ выяснилось, что если бы скважину пробурили в месте, предусмотренном проектом, она дала бы только воду.

Березовский фонтан возвестил о рождении новой нефтегазовой провинции и вознес на вершину славы тех, кто не щадя сил и энергии, не отступая перед трудностями, испытаниями и авторитетами, а, проявив знания, талант и волю к победе, настойчиво и целеустремленно шел навстречу открытию. Что касается нефти, то ощутимых результатов пока не было. Одна из причин заключалась в том, что центр поиска сместился к южным районам Сибири (считалось, что наиболее благоприятные условия для ее промышленных месторождений существуют на стыке Уральской и Западно-Сибирской геологических провинций). К тому же, окраинные районы Западно-Сибирской низменности по сравнению с непроходимыми болотами Средней Оби были более доступны и для разведки, и для добычи.

Пока сибирская нефть «не давалась в руки», начали вновь крепнуть голоса ее противников. А тут еще возникла новая проблема — возможное затопление поймы Оби в результате создания каскада гидроэлектростанций. Водохранилище самой крупной из них Нижне-Обской ГЭС должно было затопить свыше ста тысяч квадратных километров низменности. В результате реализации проектов строительства всех станций каскада общая территория зон затопления могла составить величину, близкую к площади акватории

Балтийского моря. На месте бескрайних болот Обь-Иртышского междуречья проектировщикам виделось громадное внутреннее море, воды которого предполагалось направить через Тургайские ворота в засушливые районы Казахстана и на хлопковые плантации среднеазиатских республик. В результате напряженной и упорной борьбы мнений, удалось принять правильное решение. Проектирование гидроэлектростанций было приостановлено, а затем и практически снято с повестки дня, что обеспечило успешную разведку и последующую эксплуатацию нефтяных и газовых месторождений.

В сентябре 1959 г. там же в Тюменской области, у села Шайм, бригада бурового мастера Семена Урусова открыла нефтеносный пласт, суточный дебет которого составлял более 1 т. легкой нефти. В июле следующего года та же бригада вскрыла еще один мощный нефтяной пласт. Присутствующий при испытании скважины глава сибирской школы нефтяников академик Андрей Трофимук четко заявил: «Это первая большая нефть Сибири, имеющая промышленное значение».

Наряду с нефтяными были открыты уникальные газовые месторождения: Уренгойское, Медвежье, Заполярное и другие. Характерной особенностью первых западно-сибирских месторождений является их концентрация на сравнительно небольшой территории, неглубокое залегание, высокая мощность пластов, что обеспечивает получение из одной скважины большого количества газа и высокие технико-экономические показатели разработки месторождений. Эти открытия вывели Советский Союз по запасам природного газа на первое место в мире.

Остались позади столетия упорных поисков. В Сибири открыты нефть и газ — более 400 месторождений. Насколько медленно и трудно шел человек к кладам земли сибирской, настолько быстро и щедро одарила она его своими богатствами. Масштабы открытия превзошли самые смелые ожидания, произвели сенсацию в мире. Сибирские углеводороды стали самими яркими бриллиантами в российской энергетической короне.

Какова судьба этого открытия? Его масштабы, значение и последствия настолько велики, а интерес к ним так широк, что для ответа на этот вопрос потребуется специальное исследование. Пока же ограничимся кратким освещением событий, последовавших за геологическим чудом XX века.

В связи с тем, что осваивать месторождения всей Сибири сразу невозможно, да в этом и нет необходимости, для начала были отобраны наиболее эффективные. Они располагались в среднем Приобье, на территории Тюменской области. Из бескрайних приобских болот на глазах изумленного мира с поразительной быстротой вставали нефтяные вышки и опоры линий электропередач, заводские корпуса и кварталы новых городов.

Невиданное по масштабам сражение за нефть и газ развернулось на огромной площади, превышающей территорию Великобритании, Франции, Италии и ФРГ, вместе взятых. Оценивая ситуацию тех лет, Председатель Сибирского отделения Академии наук СССР академик Михаил Лаврентьев писал: «Освоить богатые тюменские месторождения также сложно, как и космос. Здесь все уникально, все огромно...» Да и по времени наступление на сибирскую нефть совпало с началом освоения космоса. В январе 1961 г. в Березово родился первенец сибирской газодобывающей промышленности. В мае 1964 г. из первой в Среднем Поволжье нефтяной скважины была получена нефть, которая в специальных баржах направлена на нефтеперерабатывающий завод в Омск. Эти опыты дали начальные уроки извлечения долгожданных сибирских углеводородов, которые имели важно значение для последующего штурма природных богатств Приобья. Они показали, что в экстремальных северных условиях добыча нефти и газа требует новых методов, новой стратегии, широкого научного поиска, оригинальных технических и организационных решений.

Добыча нефти в Западной Сибири поднялась с 1 млн т. в 1965 г. до 400 млн т. в 1986 г., составив 65% общесоюзного уровня. Через четырнадцать лет с начала эксплуатации тюменские нефтепромыслы получили миллиардную тонну нефти, тогда как Азербайджану для этого потребовалось более столетия, Башкирии — полвека, Татарии — четверть века. Для достижения второго миллиарда тюменцам хватило трех лет.

Шаги сибирского нефтяного исполина гулко отдавались далеко за пределами страны. Западная Сибирь вскоре обогнала по производству нефти крупнейшее нефтедобывающее государство Ближнего Востока — Саудовскую Аравию. Она производила «черного золота» больше, чем такие всемирно известные поставщики, как Иран, Ирак, Катар, Ливия, Объединенные Арабские Эмираты, вме-

сте взятые. Сибирь давала шестую часть мирового производства нефти. Этим определялась ее как экономическая, так и политическая роль в мире.

Создание гигантского многоцелевого комплекса в условиях отдаленности и сурового климата севера Западной Сибири не могло обойтись без противоречий и конфликтов, просчетов и издержек как материального, так и морального свойства. Попробуем хотя бы кратко очертить эти коллизии, без которых невозможно понять освоение Тюменского Севера, оценить масштабы достигнутого и осмыслить уроки на будущее. С первых шагов формирования и до наших дней в теории и на практике с переменным успехом идет борьба мнений по двум основополагающим вопросам: какие и как осваивать месторождения углеводородов; основательно обживать север или ограничиться временными поселениями и вахтовыми бригадами?

Первый вопрос особую остроту приобрел в начале 80-х гг., когда кончилась пора золотых фонтанов. Ослепленные их блеском руководители разных уровней не предприняли достаточных мер для того, чтобы, с одной стороны, обеспечить необходимый приток разведанных запасов нефти, с другой стороны, подготовить переход к новому этапу нефтедобычи, связанному с эксплуатацией менее эффективных месторождений, требующих высокого уровня механизации.

Серьезное препятствие на пути преодоления возникших трудностей составляла ведомственность. Многочисленные главки, как удельные княжества, независимо друг от друга, а нередко и в ущерб друг другу пытались вести свое хозяйство, что наносило значительный урон государству. В то время как геологи предлагали расширить поиск нефти с тем, чтобы быстрее наращивать ее добывчу, нефтяники не торопились пойти навстречу, брали задания полегче, с которыми проще справиться. На многих нефтяных месторождениях горели гигантские факелы попутного газа. Он не собирался и не использовался — ведомства разные.

Если в столкновении друг и другом ведомства иногда поступались своими интересами, то с природой — никогда. Она гибнет под натиском бульдозеров и вездеходов, горящих факелов и просто разлитой нефти. До начала нефтегазовой эпопеи в пойме Оби Тюменская область поставляла к столу россиян более пятой части всей

рыбы, выловленной во внутренних водоемах страны. После того как в нарушение правил бурения и эксплуатации нефтяных скважин в реки и озера стали попадать тысячи тонн нефти, уловы рыбы резко сократились. За первую половину 60-х гг. вылов сиговых рыб (нельмы, стерляди и др.) сократился на четверть. А к 1970 г. улов рыбы уменьшился еще вдвое. В дальнейшем темпы падения уменьшились, но рыбы от этого больше не стало.

По второму вопросу, касающемуся методов обживания севера, борются две полярные точки зрения. Одни считают. Что на севере надо строить города и рабочие поселки. Фактически так и есть. Более того, небольшие поселки чисто производственного назначения даже на дальних промыслах рано или поздно перерастают в городские поселения. Рабочие и инженерно-технический персонал хотят жить вместе с семьями там, где трудятся. Да и Сибирь, хотя и суровую северную, надо обживать, иначе о каком освоении можно всерьез говорить.

Другие придерживаются противоположной точки зрения — не видят необходимости создания дорогостоящей инфраструктуры на севере и высказываются за его вахтовое освоение. В условиях интенсивного продвижения в труднодоступные районы, дефицита в них трудовых ресурсов и хронического отставания жилищно-бытового строительства от роста масштабов производства на практике все чаще приходится прибегать к вахтовому методу.

Если в Приобье вахтовый метод возникший от нужды, в основном себя оправдал, то что будет за Енисеем, когда нефтедобыча переместится в восточную Сибирь. Вряд ли целесообразно будет доставлять туда рабочих из европейской части страны. Выход, видимо, в создании сети базовых городов на юге как Западной, так и Восточной Сибири с тем, чтобы люди перемещались на северные промыслы в пределах близких климатических и часовых поясов. Такая вахта и экономически и морально будет более оправдана.

Несмотря на большие трудности и просчеты в создании и развитии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, его значение в экономике страны трудно переоценить. В короткий срок он стал не только главным поставщиком углеводородного сырья для внутренних потребностей, но и крупнейшим его экспортёром на мировой рынок, одним из важнейших источников валютных поступлений. Только за 10 лет (1974—1984 гг.) экспорт нефти и продуктов ее

переработки дал стране около 200 млрд инвалютных рублей, что на некоторое время компенсировало низкую эффективность производства, отодвинул неминуемый кризис советской системы.

Огромный промышленный потенциал Сибири, наколенный в XX веке, высокая востребованность ее продукции на внутреннем и внешнем рынках, обусловили меньшие масштабы падения производства в условиях рыночных реформ по сравнению с общероссийскими показателями. С 1990 по 1995 гг. доля Сибири в общероссийском промышленном производстве возросла с 16% до 24%. Энерго- и теплоемкие виды продукции до резкого падения цен на энергоносители были конкурентно способными на мировом рынке благодаря высокой эффективности энергетических ресурсов региона и относительно низким затратам труда. Высокий спрос на продукцию цветной металлургии, топливной и нефтехимической промышленности способствовал ориентации производства на внешний рынок. Только по Иркутской области их экспорт в 1995 г. достиг 2 439 млн долларов.

Доминирующая роль топливно-энергетического комплекса в промышленности Сибири после либерализации цен стала еще заметней. В 1994 г. на него приходилось половина промышленного производства, а в Тюменской области даже 91%. Другие отрасли индустрии, как и во всей стране, резко сокращали производство. Доля машиностроения в совокупном промышленном производстве Сибири упала до 8%, а легкая промышленность менее чем до 2%. В итоге, сохранив некоторые важные позиции, в индустриальном производстве России, Сибирь как и большинство регионов страны переживает глубокий экономический кризис.

Оценивая в целом промышленное освоение Сибири в XX в., можно заключить, что оно получило не только всероссийское, но и мировое значение, отличалось высокими темпами и крупными масштабами, имело важное стратегическое значение, особенно в годы второй мировой войны и геополитического противостояния СССР и США в 50–80 гг., когда на долю ВПК приходилось 37% общей численности занятых в регионе. Промышленное освоение переродило этот край, превратив его из аграрного в индустриальный. Сибирь немало дала России, нередко спасая ее в критических ситуациях, а получила несравненно меньше. Конечно, из первоначального состояния она вышла на позиции современного цивилизо-

ванного развития, но уровень этого развития, особенно его социальная составляющая, далеко не соответствуют тому вкладу, который внесен ей в экономику страны, что ввергло сибиряков в исключительно трудное положение на пути рыночных реформ и ставит под вопрос ее ближайшее будущее.

Транспортное освоение с одной стороны, прокладывало путь основным формам колонизации края, а с другой стороны, как бы замыкало, выводило во внешний мир их результаты. Транспортная связь Сибири и центром страны во времена землепроходцев осуществлялась по рекам и волокам, а с середины XVIII в. по Московско-Сибирскому тракту. Основные перевозки велись зимой, на санях. Быстроота продвижения обозов достигала 50 верст в ходовой день. Рекорд скорости на сибирском тракте установила летом 1826 г. княгиня Екатерина Трубецкая, ехавшая к сосланному мужу-декабристу. Расстояние от Петербурга до Иркутска она проскакала за 27 суток.

В самом конце XIX в. звон бубенцов под дугой лихой тройки заглушил паровозный гудок. В 1894 г. первый поезд пришел из Челябинска в Омск, на следующий год — в Новую деревню на Оби (ныне Новосибирск). Еще через год вся Западно-Сибирская железная дорога вошла в эксплуатацию. На рубеже столетий поезда подошли к Байкалу с Запада и, вскоре, с Востока. Строительство самой протяженной в мире Транссибирской железнодорожной магистрали завершилось в рекордно короткий срок — девять лет. «После открытия Америки и сооружения Суэцкого канала, — писали обозреватели со Всемирной выставки 1900 г. в Париже, — история не отмечала события более выдающегося и более богатого прямыми и косвенными последствиями, чем постройка Сибирской железной дороги».

Великий сибирский рельсовый путь от Урала до Тихого океана создал важные предпосылки для ускорения развития производительных сил региона. Он, открыл выход в Европу для сельскохозяйственной продукции Сибири и удешевил доставку сюда промышленных товаров из европейской части страны, интенсифицировал заселение края. «Позвоночный кребет русского великана», как тогда называли Транссиб, сыграл выдающуюся геополитическую роль, закрепив за Россией ее дальневосточную окраину, что имело принципиальное значение во время русско-японской войны 1904—1905 гг. и в последующие годы XX века.

«Парализующая тила пространства» в Сибири не была вполне преодолена после прокладки Транссиба. Ее огромные просторы по-прежнему обслуживались в значительной степени водным и гужевым транспортом. К началу тридцатых годов, когда обсуждались проблемы Урало-Кузбасса и изыскивались пути маятниковых перевозок сибирского угля и уральской руды, лошади и волы перевозили на Урале в три раза больше груза, чем железные дороги.

Железнодорожная сеть совершенствовалась по мере индустриализации. Проблема решалась за счет усиления пропускной способности Транссибирской железнодорожной магистрали, а также строительства дополнительных выходов от нее к ведущим промышленным центрам Сибири и Урала. Была создана сверхмагистраль Магнитогорск — Кузнецк. Вошли в строй новые линии Новосибирск—Ленинск, обеспечившая прямой выход Кузбасса на транссибирскую магистраль, и Курган—Свердловск, упрочившая связь Кузбасса с Зауральем. Эта железнодорожная сеть стала транспортной основой нового хозяйственного комплекса.

Железнодорожное строительство в Восточной Сибири долгие годы ассоциировалось с сооружением Байкало-Амурской магистрали. Идея строительства железной дороги севернее Байкала с выходом на Амур уходит своими корнями во времена проектирования Транссибирской магистрали, т.е. в последнюю четверть XIX в. Тогда в поисках кратчайшего выхода к Тихому океану рассматривался вариант пути через Красноярск — Братск — Нижнеангарск, долину Верхней Ангары и бассейн Витима на соединение с Амурской дорогой в Хабаровске. От поселка Чара в Забайкалье и с верховьев Лены намечалось сделать ответвления на Читу и Благовещенск. Провести необходимые исследования, тем более проложить северную трассу в то время было невозможно ни по техническим, ни по экономическим условиям. Пришлось ориентироваться на более длинный, но реальный южный вариант, по которому и прошел Транссиб.

Но Север, как магнит притягивал внимание смелых и предприимчивых людей. В самом начале нашего века возникла идея сооружения Сибиро-Аляскинской железной дороги, которой предстояло обеспечить сообщение по маршруту Париж—Нью-Йорк через Канск (на Транссибе) — Киренск — Якутск — мыс Дежнева — тоннель под Беринговым проливом — Аляску на американский

континент. С целью продвижения этого проекта в Петербург прибыл галантный и напористый французский инженер Лойк-де-Лобель. За его спиной стояли крупные представители американского делового мира Эдвард Гарриман, Альфред Куртис и др. В связи с тем, что дороге предстояло пройти по северным, практически неосвоенным и незаселенным районам Сибири и Дальнего Востока, на нее возлагались большие надежды по вывозу природных ресурсов края за рубеж.

Решение о выдаче концессии на строительство дороги подписал Николай II, но оно потонуло в бюрократической волоките царских канцелярий. Тем временем министерство путей сообщения при поддержке других ведомств добилось разрешения на строительство Амурской железной дороги, что после поражения России в войне с Японией имело важное значение для стабилизации обстановки на Дальнем Востоке.

Последовавшие за этими событиями мировая война и революция в России, казалось бы, заставили забыть северобайкальский вариант сибирской магистрали, тем более что Транссиб на том этапе успешно справлялся со своей миссией. Однако с конца двадцатых годов этот вопрос вновь начал выходить на повестку дня. Группа иркутских инженеров выступила с предложением о проведении железной дороги в золотопромышленные районы Якутии с последующим выходом к портам Охотского моря. В 1930 г. профессор Николай Колосовский, активно работающий над проблемами развития производительных сил Сибири, выдвинул проект строительства двух железных дорог. Первая должна была пройти по трассе Якутск — Вилюйск — Киренск — Усть-Кут — Тулун и вторая Якутск — Алдан с выходом на Амурсскую железную дорогу.

В том же году дальневосточные краевые организации обратились в Москву с предложением провести железнодорожную магистраль по северному побережью Байкала в направлении Татарского пролива. Она была названа БАМом. Ей предстояло обеспечить выходы к Тихому и Ледовитому океанам. Через два года возникло Управление строительства Байкало-Амурской магистрали. В 1937 г. работы по ее проектированию были возложены на Бамтранспроект народного комиссариата путей сообщения СССР. К началу сороковых годов он закончил техническое проектирование для участков Тайшет-Братск, Усть-Кут — Нижнеангарск, Тында — Зея, Ургал —

Комсомольск — Советская гавань. К первой очереди были отнесены участки Тайшет — Лена и Тында — Советская гавань. На них начались строительные работы, которые прервало нападение Германии на СССР.

После разгрома фашистской Германии возобновились строительные работы на западном участке БАМа Тайшет — Братск. Осенью 1947 г. первый поезд пришел на ангару, в Братск, а затем на Лену, в Усть-Кут. Новая железная дорога открыла путь к богатейшим природным ресурсам Приангарья и верховьев Лены, способствовало их активному вовлечению в народохозяйственный оборот. Сооружение центрального участка БАМа было отложено по причине его большой протяженности, слабой изученности трассы, недостатка финансовых и технических возможностей в трудные годы послевоенного восстановления народного хозяйства.

В шестидесятые годы в связи с возрастающим потоком внутренних и внешних грузоперевозок по Транссибу, его большой перегруженности, необходимостью использования природных ресурсов северных районов вновь со всей остротой встал вопрос о второй широтной магистрали в Сибири и на Дальнем Востоке. После специальных исследований был сделан вывод о необходимости возобновления строительства Байкало-Амурской магистрали. В июле 1974 г. состоялось решение правительства по этому поводу, которое одобрило направление трассы от Усть-Кута до Комсомольска-на-Амуре через Нижнеангарск, Тынду, Ургал, т.е. предстояло связать западный и восточный участки в единую магистраль.

Сообщение о строительстве Байкало-амурской магистрали взбудоражило общественное мнение. Советские газеты писали о «дороге сквозь столетия», «материке будущего», «трассе мужества», «дороге в завтра», «стройке века». Западная пресса шумела об ответе на «вызов Мао Цзэдуна», создании «магистрали стратегического назначения», «бесполезной дороге», «дороге в никуда» и т.д. При более спокойном взгляде на события выясняется, что и с той, и с другой стороны подбирались слишком сильные эпитеты, которые сами по себе не могли не превысить, не принизить значение дороги. Что касается маоцзедунского вызова, то он явно запоздал, поскольку идея БАМа восходит еще к прошлому веку, а начало ее осуществления — к 30-м гг. нынешнего, задолго до того, как мир узнал его имя. Стратегическое назначение магистрали можно выводить уже из то-

го, что она выходит к Тихому океану, который еще сто лет назад Александр Герцен назвал «Средиземным морем будущего».

Теперь относительно полезности или бесполезности дороги. Известный канадский исследователь Севера Роберт Норт определяет ее, как «необычное явление среди советских железных дорог в том смысле, что она была построена прежде, чем в ней возникла потребность в том регионе, где она проходит». Ничего необычного в этом нет, если вдуматься в исторический опыт освоения Сибири. Транссибирская магистраль в начале века производила аналогичное впечатление, но потом ни у кого не вызывало сомнения ее огромная роль в развитии производительных сил региона, поскольку Транссиб накануне распада СССР осуществлял почти 40% грузооборота железных дорог страны. В районах, тяготеющих к нему, проживало около четверти населения государства. В середине века построена железная дорога Тайшет — Лена, которая открыла путь к овладению уникальными природными ресурсами Приангарья, созданию широко известного в мире Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса. Весь вопрос в том, что транспортное строительство в условиях бескрайних пространств Сибири осуществляет пионерную роль в ее освоении. Без создания надежных путей сообщения невозможно обеспечить доступ к кладам земли сибирской.

В Сибири, разумеется, осуществлялись и другие транспортные проекты, не только железнодорожного, но и водного, шоссейного, авиационного планов. О всех их не скажешь, да в этом и нет необходимости, поскольку очевидна роль транспорта в освоении такого огромного и труднодоступного края. Весь вопрос в правильной его оценке и извлечении уроков исторического опыта.

Заселение Сибири явилось следствием ее освоения. Разумеется, вначале сюда пришли люди, но русское население активно заселяло край по мере выявления его богатств, сначала промысловых, затем сельскохозяйственных угодий, а позднее —земных недр.

Население Сибири росло относительно быстро. В начале XVII в. численность русских составила 300 тыс. чел., сровнявшись с количествомaborигенов. В середине XIX в. население достигло 2,6 млн чел., а в конце — уже 5,6 млн чел., в т.ч. 870 тыс. коренных жителей. В сопоставлении с необъятными просторами Сибири это была капля в море. Однако важен темп роста, а он интенсивно про-

грессировал, особенно после проведения транссибирской железной дороги и производил впечатление даже на иностранных наблюдателей. «По скорости, силе и отваге, — пишет американский ученый Гектор Шевиньи, — ничто в истории белой расы не превзойдет подвиг русских первопроходцев, завоевавших Сибирь».

Еще круче волна переселенческого движения в Сибирь поднялась в начале XX в. За 1906—1914 гг. сюда пришло 3,7 млн переселенцев и ходоков. Правда, осталось только 2,7 млн чел. Остальные вернулись обратно. На 1 января 1914 г. в Сибири проживало 10 млн чел.. Почти двукратное увеличение населения за неполные два десятилетия — редкий пример в области исторической демографии.

Революция и гражданская война всколыхнули патриархальную Сибирь, развернули улей человеческих страстей. Разбушевавшиеся людское море долго не могло войти в свои берега. Десятки тысяч мужчин погибли на фронтах и в партизанских отрядах, тысячи мирных жителей пали от рук карателей, а сколько умерло от ран и инфекционных болезней, голода. В одном 1920 г. в Сибири было зарегистрировано около 600 тыс. случаев тифозных заболеваний. Точная цифра людских потерь до сих пор не установлена. Известно, что только городское население региона за 1918—1920 гг. уменьшилось на 100 тыс. чел. А ведь в городах тогда проживала незначительная часть сибиряков. Вышедшая из берегов река людского горя затопила не только города и деревни, но и далекие хутора, охотничьи земельные участки.

В восстановленный период население Сибири стало вновь увеличиваться. В середине 20-х гг. численность горожан выросла на одну пятую по сравнению с концом гражданской войны. Заметный прирост дала волна беженцев из голодящих губерний центральной России в 1921—1922 гг.. Из полутора миллионов людей, покинувших тогда эти районы, более трети осели в Сибири. В ходе планового переселения малоземельных крестьян центральной полосы СССР за вторую половину 20-х гг. в Сибирь прибыло около 1 млн чел.

С началом индустриализации страны, которая сопровождалась сдвигом промышленных центров на Восток, сюда двинулись миллионы людей. За 1929—1933 гг. городское население Кузбасса увеличилось в четыре с половиной раза. Если в годы первой мировой войны удельный вес горожан на его территории составлял 4%, то

накануне второй мировой войны — уже 55%. В целом по Сибири между переписями населения 1926 и 1939 гг. контингент горожан более чем утроился, что значительно превышало общесоюзные темпы урбанизации.

Приживаемость новоселов в городских поселениях Сибири оставалась невысокой. Оседало на постоянное жительство немногим более половины вновь прибывших. Высокая обратная миграция была связана с трудностями адаптации сельских жителей к условиям индустриального производства и жизни в урбанизированных поселениях.

В результате интенсивных урбанизационных процессов количество городских поселений на территории Сибири увеличилось вчетверо и достигло к концу 30-х гг. двухсот. Пятая часть городского населения сосредотачивалась в крупных городах с числом жителей свыше 350 тыс.: Новосибирск, Омск, Иркутск. Городские поселения активно развивались не только в крупных промышленных районах, но и на отдаленных северных территориях: Норильск, Игарка, Салехард, Ханты-Мансийск и др.

Откуда шли люди в города, на стройки и промышленные предприятия? Анализ механического прироста городского населения в период индустриализации показывает, что из двух миллионов человек, прибывших в сибирские города, около полумиллиона, или четверть, поступили из-за пределов Сибири, остальные три четверти пришли из сибирского села. Следовательно, доминирующим фактором демографического развития региона на данном этапе было социальное перемещение.

В общей сложности население Западной Сибири между переписями 1926 и 1939 гг. выросло в 1,2 раза и составило 8,9 млн чел., Восточной Сибири — соответственно 1,4 раза и 4,7 млн чел. Основу увеличения составил естественный прирост, на долю которого приходилось 85%. Механический прирост не превышал 15%. Эти данные свидетельствуют о возросшем значении местного потенциала населения в заселении и освоении региона.

Характеризуя население Сибири в тридцатые годы, нельзя забывать, что здесь находились тысячи спецпереселенцев и репрессированных. В результате депортаций кулацких семей в 1930—1931 гг. в комендатурах Сиблага на территории Западной Сибири было размещено более 80 тыс. семей общей численностью 363 тыс. чел. По-

токи принудительной миграции заметно меняли демографическую ситуацию в регионе. Население северных территорий выросло почти втрое, а промышленных районов Кузбасса — вдвое.

В Сибирь попали многие из репрессированных в 1937–1938 гг., а также в послевоенные годы. Сколько их было здесь? По данным исследовательницы истории сибирского Гулага Любови Гвоздковой на территории одного Кузбасса в 30–50 гг. ежегодно находилось в среднем порядка 130 тыс. чел. заключенных. Полный подсчет еще никто не сделал, да и возможно ли теперь это сделать, хотя бы с относительной точностью. Погибли люди, исчезли документы, осталось боль утрат и горечь запоздалого признания вопиющей несправедливости. Пока можно говорить только об отельных лицах, отбывающих срок в разных уголках Сибири. В норильском лагере томились: один из первых открывателей этого рудного района, позднее известный советский геолог, профессор Николай Урванцев; видный минералог, член-корреспондент АН СССР Николай Федоровский; генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Мильчаков и многие другие. В Сиблаге под Мариинском несколько лет провела народная артистка СССР Наталия Сац, а под Тайшетом — популярная певица Лидия Русланова.

Серьезные испытания выпали на долю населения Сибири в годы второй мировой войны. Хотя она и оставалась глубинным тыловым районом, война тем не менее безжалостно вторглась в ее демографические процессы. На фронт ушло свыше 3 млн чел., или пятая часть от общей численности населения региона накануне фашистского нашествия. В связи с тем, что в армию ушли прежде всего мужчины брачного возраста, резко снизилась рождаемость. Она уменьшилась почти втрое. В начальный период войны возросла смертность, достигнув максимума в 1942 г. — 24 человека на тысячу жителей. За 1942–1945 гг. она сократилась почти в три раза — с 24 до 9 чел. на тысячу жителей. Исчерпывающего объяснения такого феномена пока не дано. По всей вероятности важную роль сыграло совершенствование здравоохранения. В годы войны резко увеличилось количество лечебных учреждений и численность врачей в Сибири, чему в определенной мере способствовала эвакуация сюда медицинского персонала из оккупированных районов.

Под натиском фашистских полчищ в Сибирь хлынула волна эвакуированных. Теперь навстречу солнцу двигались не отважные

землепроходцы, а измученные войной женщины, старики и дети. Только в Западную Сибирь прибыло около 300 тыс. детей. Их тепло встретили сибиряки, тем самым спасли многие молодые жизни, что сыграло немаловажную роль в послевоенном воспроизведении населения. К началу 1943 г. в Сибири насчитывалось около 1 млн эвакуированных. Это крупная цифра. Но она в три раза меньше той, которая суммирует число ушедших на фронт. Со второй половины 1943 г. началось обратное движение. Уже к концу года только из западной Сибири выехало 500 тыс. ранее эвакуированных. К концу войны практически все они покинули Сибирь. Эвакуация в конечном итоге не содействовала ее заселению. Более того, население региона за военный период сократилось почти на полтора миллиона человек. Такова цена войны даже для столь глубокого тылового района.

На долю поколения, выстоявшего в мировой войне, выпала вторая, не менее трудная и ответственная серия задач — в короткий срок восстановить разрушенное фашистами, обеспечить военно-стратегический паритет между СССР и США в условиях холодной войны, сделать новый рывок в развитии производительных сил, обусловленный научно-технической революцией. В этой двойной нагрузке на одно поколение особенно трудно пришлось сибирякам, которые снабжали страну промышленной продукцией в столь крупных масштабах, как никогда раньше.

Снова на Восток двинулись миллионы людей. Сначала это были демобилизованные воины. За 1945–1947 гг. в Сибирь и на Дальний Восток прибыло около 800 тыс. бывших солдат и офицеров минувшей войны. Во второй половине 50-х гг. в связи с сокращением советских вооруженных сил в промышленность и на транспорт Сибири поступили крупные контингенты бывших кадровых военных. В 1951 г. на омскую дорогу прибыло около 1800 демобилизованных, в 1955 г. — столько же на томскую дорогу. Тогда же на железные дороги Западной Сибири пришло несколько тысяч уволенных в запас и отставку командиров Советской Армии. За 1957–1960 гг. коллектив Братскэсстроя пополнился более чем шестью тысячами демобилизованных. Значительным был удельный вес бывших воинов на других стройках.

Заселение районов нового освоения шло высокими темпами. В 50–60 гг. на территорию Братско-Усть-Илимского территориаль-

но-производственного комплекса ежегодно прибывало по 50 тыс. чел. За 1955–1960 гг. численность жителей Среднего Приангарья выросла в семь раз и достигла полутора миллиона человек. За первые годы освоения нефтегазовых богатств более чем на миллион увеличилось население Тюменского Севера.

Откуда мигрировало население в районы нового освоения? Даты исчерпывающий ответ на этот вопрос трудно, потому что не существует обобщенной государственной статистики. Можно судить только по сведениям отдельных предприятий. По нашим расчетам примерно четверть строителей гидроэлектростанций Восточной Сибири прибывала из европейских районов, три четверти набирались непосредственно из сибиряков. Важную роль в этом играло сельское население. За 1950–1959 гг. из сибирской деревни в городские поселения выбыло более полутора миллионов человек.

Заметно выше удельный вес представителей европейских районов страны на предприятиях Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Там работало 40% выходцев с Украины, 18% — из Поволжья. Это естественно, потому что Западная Украина и Поволжье в силу исторически сложившегося разделения труда поставляли опытные кадры нефтяников. Для БАМа европейская часть страны давала 40% строителей, а Сибирь — около 50%. Как правило, сибиряки лучше закреплялись на стройках.

Характерной чертой демографических процессов на вновь осваиваемых территориях был высокий уровень их урбанизации. В Братско-Усть-Илимском ТПК удельный вес городского населения с 1955 по 1980 гг. поднялся с 18% до 82%, в то время как по СССР он составлял только 62%. В городах и рабочих поселках Тюменской области проживало около 75% населения, а там, где непосредственно добывалась нефть и газ, например в Ханты-Мансийском округе — 85%.

А как же закрепляется население в районах нового освоения? Плохо. Из 100 чел. приехавших в Братск на разных этапах уезжало от 50 до 90 чел. Для закрепления одного работника в трудовых коллективах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса должно было приехать трое. Соответственно валовой оборот населения Тюменской области в 60 — первой половине 80-х гг. может быть оценен в 5 млн чел. С этим может сравниться великое переселение народов, о котором пишется в школьных учебниках.

В общей сложности население Сибири в послевоенный период увеличилось более чем в полтора раза и достигло по данным переписи 1979 г. 21,6 млн чел., что составляло менее 9% от СССР. Это явно не пропорционально ее огромной территории и свидетельствует о слабой заселенности. Основное население проживает в южных, более благоприятных природно-климатических условиях вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Здесь на один квадратный километр приходится до тридцати жителей, а в северных районах — менее одного.

При общем росте населения региона в длительной исторической ретроспективе нельзя не заметить его сокращение на отдельных этапах. За 1961—1973 гг. Сибирь «потеряла» более 1 млн чел. Они уехали в европейские районы, главным образом на Украину и Северный Кавказ, Среднюю Азию. Наибольший отток наблюдался из Алтайского края, Кемеровской и Читинской областей. Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, мощный приток людей в районы нового освоения, с другой стороны — отток из ранее освоенных. Этот маятник с большой амплитудой колебания дорого обходился государству и народу. По крайней мере горько констатировать попытное движение.

Еще более ухудшилась демографическая ситуация в Сибири в годы рыночных реформ. Непрерывно падает рождаемость, увеличивается смертность, сокращается численность населения региона, особенно, в его северной части. По некоторым подсчетам Северные территории страны потеряли за 1991—1995 гг. около 1 млн чел. Если в 1986 г. положительное сальдо миграции для городских поселений Западной Сибири составляло 16 чел. на 1 тыс. жителей, то в 1992 г. на каждую тысячу населения город терял 15 чел. Ранее систематически возрастающий удельный вес Сибири в населении России остановился в середине 90-х гг. на отметке 16,4%.

В связи с распадом СССР, проявилась новая тенденция — поток в Сибирь вынужденных переселенцев, или беженцев, из конфликтных регионов Кавказа и Средней Азии. Западная Сибирь с 1 июля 1992 по 1 января 1995 г. приняла более 60 тыс. чел. или около 9% общего количества вселившихся в Россию из стран СНГ. Несмотря на то, что поток беженцев нарастает, он не может компенсировать естественной убыли населения и остановки крупных миграционных процессов, связанных с освоением ее территории.

Приходится констатировать, что в конце XX в. заселение Сибири приостановилось, наметился процесс депопуляции ее населения. Такое положение чревато откатом в ее освоении, нарастанием не только внутригосударственных, но и geopolитических проблем. Более того, в последнее время все настойчивее раздаются голоса о необходимости «сжатия» используемого пространства страны. Очевидно, что в третьем тысячелетии многое изменится принципиально, в том числе и в подходе к новому освоению, его оптимизации, особенно в условиях «сжатия» экономических возможностей России, но потребности в природных ресурсах по мере их исчерпания в других частях планеты будет только нарастать, и Сибири еще предстоит сказать свое слово.

Подводя краткие итоги исторического опыта освоения Сибири, можно сделать вывод, что в среднем полвека ушло на присоединение, два с половиной — на заселение и обживание, и лишь последнее столетие ознаменовалось интенсивным экономическим ростом. Начался он с проведения Транссибирской железнодорожной магистрали, но современное звучание получил под влиянием социальных преобразований в стране и научно-технической революции в мире. К началу 90-х гг. Сибирь заняла одно из ведущих мест в экономике страны, превосходя по объему производимой продукции многие экономические районы, уступая только Центральному. Западная Сибирь, располагая 10% населения России, производила 12% совокупного валового продукта. На ее долю приходилась добыча 90% российского газа и 73% нефти. Освоение Сибири можно поставить в один ряд с приоритетными национальными программами: ядерной и космической.

Вместе с тем ее развитие характеризуется серьезными просчетами. Решения об огромных капитальных вложениях в экономику нередко принимались методом «кавалерийской атаки», без тщательного предварительного анализа. Поэтому существенная часть много-миллиардных затрат уходила в «песою», а точнее в сибирские болота. Один из главных просчетов заключался в недооценке социального фактора освоения и его экономических последствий. В то время как в Канаде инфраструктура поглощает от 40% до 80% капитальных вложений, в Западной Сибири планировалось не больше одной трети, а на практике не использовалось и того.

В результате освоение региона шло с большими экономическими, экологическими, социальными и моральными издержками.

Между тем, отличительным признаком начальных этапов российской колонизации Сибири был ее относительно сбалансированный характер. Русские поселения на Севере Сибири и даже в Северной Америке (на Аляске) развивались как комплексные административно-хозяйственные и культурные центры. Наряду с производственной создавалась надежная социальная инфраструктура, которая на уровне требований того времени обеспечивала необходимые условия жизнедеятельности: заселение, обживание, хозяйственное освоение обширных пространств. Это оказывало благоприятное воздействие на социальную обстановку, устойчивость которой в свою очередь создавала хорошие предпосылки для экономического и культурного роста. Нарождающаяся рыночная экономика при правильной социальной ориентации позволит вернуться к старым добрым традициям.

В силу своих необытных просторов и богатых природных ресурсов Сибирь всегда играла компенсаторную роль в социально-экономическом развитии страны. По мере исчерпания в европейских районах сначала пушнины, затем драгоценных и черных металлов, пахотных земель, а потом водных ресурсов и энергоносителей она превращалась в резервную зону добычи соответствующих ресурсов. Примечательно, что за ее счет решались не только экономические, но и социальные проблемы. Сначала ссылка и каторга, потом массовое крестьянское переселение, затем поглощение избыточной рабочей силы в условиях коллективизации и индустриализации, а также ГУЛАГ, как попытка преодоления политического и социального напряжения в обществе, наконец — «стройки коммунизма», которые обеспечивали занятость миллионов советских людей, особенно молодежи, отвлекали ее от проблемы «отцов и детей» в период нарастания кризиса «социалистической» системы.

Компенсаторный механизм был необходим и эффективно срабатывал на крутых поворотах истории, в ситуациях войн и социальных потрясений. Сегодня, когда страна переживает один из самых тяжелых этапов своего развития, есть смысл еще раз включить этот механизм, но работать он должен в новом режиме, что несомненно поддержит Россию в переходный период. Сибирь, особенно Западная, обладает бесспорным преимуществом с точки зрения ры-

ночной экономики — выгодным географическим положением. Находясь в центре страны, на пересечении путей, связывающих западные и восточные, южные и северные регионы, она самой природой предназначена для активной торговой деятельности.

В качественно новой ситуации, возникшей после распада СССР, появилась настоятельная потребность посмотреть на Сибирь с *геополитических позиций*. Для России, чье место в мировой истории измеряется континентальными масштабами, всегда была характерна определенная зависимость исторического процесса от пространственно-географического фактора. Сегодня, когда она взяла курс на всестороннюю интеграцию в мировое сообщество, перед ней объективно встает ряд принципиально новых задач, связанных с геополитическим и культурно-цивилизационным самоопределением относительно других сопоставимых по значению центров мировой цивилизации. Этот комплекс задач, излишний в прежних условиях изолированного от мира «социализма в одной отдельно взятой стране», сегодня вырастает до уровня важнейших стратегических проблем.

В условиях широкой открытости страны мировым воздействиям разработка новой региональной политики невозможна без глубокого анализа геополитического положения России в ее прошлом и настоящем, соответственно прогнозирования основных параметров геополитической стратегии государства на важнейших азимутах мировой политики и экономики. Войдя в состав России в результате широкого колонизационного процесса XVI–XIX вв., восточные районы завершили формирование устойчивой геополитической конфигурации страны, одновременно обеспечив ей мощный геостратегический запас прочности и неисчерпаемую ресурсную базу для роста национальной экономики. Велика роль Азиатской России в консолидации евразийского хозяйственно-политического и историко-культурного пространства в рамках единого политического организма — сначала Российской империи, затем СССР, а теперь Содружества Независимых Государств. Ресурсы российского востока до сих пор являются наиболее весомым фактором хозяйственной независимости государств рублевой зоны.

Вместе с тем восточные районы России представляют собой еда ли не самую сложную, отягощенную грузом проблем, территориальную систему. Развиваясь долгое время в качестве функцио-

нальных придатков центра, они получили в наследство от предшествующей, советской, экстенсивно ориентированную, слабо дифференцированную экономику, основанную на узкой специализации и колониальном типе производства.

Социально-политическая напряженность, достигающая в этих регионах весьма высокой отметки, приобретает типично «регионалистское» измерение, выражаясь в явных или скрытых конфликтах с центром, заметном подъеме регионального сепаратизма. Следствием современной открытости российской экономики становится по-всеместная ориентация регионов, обладающих высокоценными ресурсами (нефть, газ, цветные металлы, лес, золото, алмазы и др.), на усиление интеграции со сложившимися и интенсивно растущими зонами мировой торговли. Регионы Азиатской России сегодня энергично создают собственные системы внешнеэкономической «подстраховки», компенсирующие обвальное разрушение внутреннего рынка, диспропорции их хозяйственной структуры и социального комплекса. При нарушении геополитического оптимума эта, в целом прогрессивная тенденция, может зайти далеко и иметь крайне негативные как внутриполитические, так и внешнеполитические последствия. Весь комплекс вышеназванных проблем требует пристального внимания ученых, постановки новых исследовательских задач.

Литература

1. Alexeyev V. *Siberia in the 20th Century*. M. 1989.
2. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Часть I, II. Новосибирск 1973, 1976.
3. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск. 1986.
4. Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометеи сибирской нефти. Свердловск 1989
5. Анфимова Н.П., Бобылев Н.В., Ершов Ю.С., Мельникова Л.В. Анализ динамики основных экономических и социальных показателей регионов Сибири в 1990–1994 гг.// Регион: экономика и социология. Новосибирск 1995 № 4.
6. Бандман М.К. Государственная региональная экономическая политика: вехи, задачи и пути ее реализации в Сибири.// Регион: экономика и социология. Новосибирск 1996 № 2.

- 7 Гуков В.П., Соколов В.Д., Ознобихина О.И. Экономика Иркутской области: анализ и оценка // Регион: экономика и социология. Новосибирск 1997 № 1.
История Сибири. Т. II, Лен.: град 1968.
9. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983.
10. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск. 1985.
11. Ламин В.А. Ключи к двум океанам. Хабаровск. 1981 г.
12. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. 1976.
13. Матушкин П.Г Урало-Кузбасс. Челябинск 1966.
14. Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск. 1984.
15. Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР. Томск. 1976.
16. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск. 1982.
- 17 Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск. 1984.
18. Соболева С.В. Возможные изменения в демографической ситуации под влиянием потока вынужденных переселенцев // Регион: экономика и социология. Новосибирск. 1996, № 1.
19. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931—начало 1933 года. Новосибирск 1993.

Публикуется впервые

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ПРЕДМЕТ И МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ	4
СОВЕТСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ	12
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ	18
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.....	39
ФЕДЕРАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗМ В РОССИИ: СИНОНИМЫ ИЛИ АНТИПОДЫ?.....	49
РЕГИОН—ЭТНОС—КУЛЬТУРА: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В XX ВЕКЕ	60
ОТ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ К ДЕЗИНТЕГРАЦИИ РОССИИ.....	69
ПРОБЛЕМЫ АЗИАТСКОЙ РОССИИ	
АЗИАТСКАЯ РОССИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЦИВИЛИЗА- ЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ).....	91
ОСВОЕНИЕ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ ВОСТОКА РОССИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ	97
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА ..	106
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УРАЛА В XX в.: ИТОГИ И УРОКИ.....	115
ОСВОЕНИЕ СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕН- НЫЕ ПРОБЛЕМЫ	126
РУБЕЖИ ОСВОЕНИЯ СИБИРИ	148

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Алексеев Вениамин Васильевич

РЕГИОНАЛИЗМ В РОССИИ

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН
и НИСО УрО РАН

ЛР № 020764 от 24.04.98

Компьютерная верстка *В.Г.Железкин*
Обложка *Я.Г.Демшина*

НИСО УрО РАН № 30(99). Подписано в печать 18.03.99.
Формат 60×80 1/16. Бумага типографская. Печать офсетная.
Гарнитура Гарамонд. Усл. печ. л. 11,27. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 250.
Заказ 450

620219. Екатеринбург, ул.Р.Люксембург, 56
Институт истории и археологии УрО РАН

Уральский гуманитарный институт
620146. Екатеринбург, ул.Бардина, 28, к.226

Цех № 4 ОАО "Полиграфист" г. Екатеринбург. Тургенева, 20